ISSN 0131–0097

ОГОНЁК

№ 17 АПРЕЛЬ 1990

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 17 (3275)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

21 — 28 апреля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Хлеб и политика...
(См. в номере материал «Мельница».)
Фотоплакат Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 02.04.90. Подписано к печати 17.04.90. А 09438. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2141. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год,—

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

1917

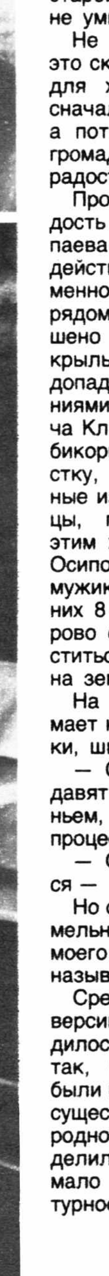
В. ХОДАСЕВИЧ

МЕЛЬНИЦА

Моника ЗИЛЕ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Приехала родственница из Латгалии и — прямо с порога:

— А у нас мельницу сделали! Уже работает! — Уловив в этом сообщении как бы незаслуженную гордость, добавила:— Во!.. Знаешь, уж так мы носимся с этими вальцами, будто церкву на том холме поставили. Батюшки-светы, кто бы подумал...

Полезла заскорузлыми пальцами в карман за платком — слезу смахнуть. Но я-то понимаю, что влагу из глаз старой женщины на сей раз выжимает не умиление, а совсем иные чувства.

Не могу вспомнить — каюсь! — кто это сказал, но те слова вполне годятся для характеристики вышеописанного: сначала надо лишить людей всего, а потом возвращать по капле, через громадные трудности,— сколько будет радости и благодарности!..

Про последнее не ручаюсь, но радость за свою мельницу в колхозе Чапаева Резекненского района Латвии действительно большая. Правда, современное сооружение в деревне Ратниеки рядом с зернохранилищем напрочь лишено архитектурной романтики — ни крыльев, что ветру подставить, ни водопада, чтобы жернова крутить. Стараниями председателя Эрнеста Антоновича Клидзейса купили на одном из комбикормовых заводов мельничную оснастку, установили, и работают сделанные из твердых сплавов металла вальцы, повинуясь электричеству. Всем этим хозяйством заправляет Анатолий Осипович Ермаков. Еще в полной силе мужик, но прошоферивший 25 лет — из них 8 «дальнобойщиком»,— а это здорово спину скручивает. Пришлось спуститься с высокой кабины автомобиля на землю в родном краю.

На щитке приборов Анатолий нажимает кнопки, приводя в движение станки, шкафы, шнеки, рукава...

— Смотрите, вот тут ржаное зерно давят — это называется первым драньем, потом — просеивание... И другие процессы.

— Семь раз вверх-вниз... Перемелется — мука будет?..

Но отчего-то я не могу воспринять эту мельницу без сравнения с историей моего родного края — Латгалии, как называют восточную часть Латвии.

Среди историков есть сторонники версии о том, что название Латвии родилось из ЛАТгалии. Даже если это и не так, все равно печально сознавать: были периоды, когда на востоке Латвии существовал запрет письменности на родном языке. И, конечно же, тех, кто делил Латгалию, как кусок пирога, мало занимало экономическое и культурное развитие этого края — просто

было выгодно иметь «форпост» между Востоком и Западом, между Россией и Европой. Когда жернова первой мировой войны, перемолов предостаточно косточек и головушек, остановились, то заключенное великими державами перемирие наконец дало возможность Латгалии воссоединиться со своей праматерью.

Да, непроста судьба Латгалии и ее населения. Я не спрашиваю у мельника Ермакова, откуда его предки. Знаю, что ответит: испокон тут жили, в Латвии. Тут латышские деревни повсеместно чередуются с русскими — такая ситуация на востоке республики с 17—18 веков, когда здесь нашли пристанище преследовавшиеся за веру староверы. А в латгальском диалекте немало слов, берущих начало из польского. Старые люди районный город Резекне до сих пор называют на польский лад — Режицей, а одну из главных улиц — Варшавкой.

Самая большая беда этого и соседних районов — нехватка рабочих рук на селе. А еще после войны, в 1945-м, здешняя деревня была самой густонаселенной. В каждой второй избе жила большая семья. По-разному, конечно, жили. Кто с земли кормился, кто на заработки ездил. Например, мой дед подряжался в Финляндию лес рубить и сплавлять. Хотя земли было всего пять гектаров и столько же детей, про голод не знали.

Но о коллективизации села здешний народ знал больше, чем остальная часть Латвии,— недаром граница с Россией рядом. И хотя до 1940-го охранялась она, как положено, информация о колхозной жизни соседей просачивалась. Говорят, народ верил далеко не всему:

— Должно быть, басни это, что косить не разрешают для себя — чем тогда корову кормить и как в деревне без буренки? Дурь какая-то получается...

Наивные мои земляки!.. Они не подозревали, что придется увидеть еще не такое — на глазах будет разрушен веками созданный крестьянский уклад этого края. В 1949 году депортированы были и семьи из этих мест. Но и оставшимся на родине пришлось пройти через муки и унижение.

Местные старожилы делят свою жизнь на две части:

— Это было до того, как нас согнали в колхоз... А это — после...

Специалисты подсчитали, что по всей Латвии с 1940 по 1990 год потерян миллион гектаров пашни. За счет репрессий 1940 и 1949 годов, когда сослали лучших тружеников. За счет последующей идеи про вред хуторов для коллективного хозяйства. За счет «широкой» поступи мелиораторов и разных «передовых» технологий. Вот и получается: как ни считай рост урожайности на теперешнем колхозном гектаре, общий обмолот зерна не такой уж роскошный. И дело тут совсем не в восхвалении буржуазного строя Латвии. Были, конечно, тогда в деревне и свои бедняки, но она развивалась, как живой организм, создавалась сама, без указаний, без помощи властей, рождала для своего удобства и существования такие промыслы и отрасли, которые были ей нужны.

Латгалия и до колхозов знала кооперативную форму хозяйства. Например, мои родители излишки молока отправляли для переработки в Столярово на сепараторный пункт, который действовал на паевых началах.

Причин, из-за которых обезлюдела латгальская деревня, много. Но среди них мне хочется выделить разрушение мельниц. В бывшей Резнской волости, где ныне колхоз Чапаева, в конце 30-х годов действовали 3 мельницы, в соседней, Цыблской,— пять. Куда же они сгинули? Ведь война этот край не сильно затронула. А ларчик просто открывается: все эти небольшие промыслы (их обслуживали 2—3 человека) были частной собственностью. Значит, хозяев, как положено,— к белым медведям, а вальцы и другое хитроумное снаряжение — кувалдой как мешающее строительству того самого.

Люди как-то пытались приспособиться к колхозному житью-бытью. Раз за работу платили кукишем в кармане, то сеяли рожь и ячмень на приусадебных сотках — будет скотине закраска в пойло-болтушку и себе на хлебушко. Убрали серпом и обмолотили скалкой на полу. А дальше? Не станешь ведь зерно живьем жевать. В нашей деревне из дома в дом передавали найденную где-то ступу. Но мало было охотников способом каменного века дробить ячмень. А на мельницу ехать... Вот уж действительно: не приведи господь...

Дольше всего продержались жернова в Кубулове — от нашей деревни километров тридцать. По бездорожью. Много ли при скудном корме было коней, способных тянуть груженную мешками телегу туда и обратно. Да и пускаться в одиночку в этот неблизкий свет боязно: а вдруг лошадь пристанет, а ну как кось у телеги сломается, мало ли что еще.

Кто был способен долго выдержать такое? Угнетала не бедность колхозная, а бессмыслица, которую спускали сверху как основу ведения хозяйства. Разум нормального крестьянина отказывался воспринимать инструкцию, лишенную здравого смысла и ведущую только к потерям — как было, например, с кличем выращивать на полях Латгалии кок-сагыз, культуру совершенно неприемлемую для здешних мест. Трудно такую разнарядку выслушать, не то что следить за исполнением. Поэтому в первые годы коллективного хозяйства в начальники шел народ никчемный — ленивый и кичливый, любящий властью хвастать и горло драть. В Латгалию поруководить приезжали со всего света — ведь исторические перипетии задержали рождение собственных специалистов сельского хозяйства.

Как выдержать это? И в моей душе все буквально переворачивается, когда еще и сейчас нет-нет услышишь рассуждения, что, мол, народ сбежал из деревни за легкой долей. Надо отдать должное латгальцам, которые в крестьянах держались еще дольше, чем в других регионах республики. Вплоть до начала семидесятых, когда самых упорных выжили, отказываясь дать какой-либо материал для ремонта жилищ и хлевов,— все должны жить только в поселке! А места для них кто-то будто специально выбирал среди пустоши. Латгалия всегда жила кучно, те же хутора порой друг другу в окно гляделись. Так что не слишком тесное соседство пугало в поселке. Помню, как снялись с места и уехали в белый свет наши соседи из своего дома со словами:

— Ведь все равно, куда податься,— нашу березовую рощу и ключ под кручей с собой не возьмешь.

Им пришлось уехать из-за того, что завалилась печь, а кирпича для перекладки не достать. Было бы дело летом, сырца бы наделали и выкрутились бы. О, самый передовой сельский строй отбросил латгальскую деревню на несколько веков назад, когда еще не знали печей для обжига кирпичей, а просто месили глину, формовали и сушили на солнце. Колхоз заставил вспомнить технологию сырца. Но зимой-то она недоступна. А на слишком настырную просьбу главы семьи какой-то районный начальник сказал:

— Кирпича ему — ишь что придумал! Это вам не при буржуях.

Не в бровь, прямо в глаз попал. Ведь до 1940 года на территории волости работали два небольших кирпичных промысла, полностью удовлетворяя все нужды местных жителей. Теперь во всем районе дымит одна большая труба завода стройматериалов — и дефицит теса, досок, кирпича. В общем, того, что крестьянин не из-за лукоморья привозил, а всегда имел под рукой.

С горечью говорит Эрнест Антонович Клидзейс:

— Колхоз имени Чапаева создавался из 30 деревень. Сейчас на бумаге 27. Но в некоторых один-два дома. Эх, был бы стройматериал...

Председатель хорошо знает, что в конце 30-х по этим только деревням насчитывалось пять торговых точек. Сейчас, после улучшений и централизаций,— с натяжкой полторы. Да и для них придумано унижающее человеческое достоинство крестьянина название: магазин вещей повседневного спроса. Кто-то определил, что именно такими для села должна быть ржавая селедка, негнущиеся бахилы и одежда форм огородного пугала и цветов разъезженной лужи. Но самое ужасное, что через такой сельмаг крестьянин за свой почтенный труд получает кислую, плохо пропеченную буханку-кирпич и окаменелые батоны. Да и за таким никудышным добром приходится гоняться — никогда нельзя быть уверенным, привезут ли: то бензина потребсоюзу не отпустили, то в пекарне неполадки.

НО НЕ ТОЛЬКО РАДИ ИЗБАВЛЕНИЯ от этих мытарств задумал Эрнест Антонович наладить выпечку хлеба прямо в своем колхозе.

Пришел он сюда почти тридцать лет назад, когда хозяйство прочно сидело на нулях и минусах. Вместе с женой Лидией и сыном поселились над старым правлением в чердачной квартирке, которую островолы метко окрестили скворечником. Никто из прежних председателей не снисходил до такого — жили обычно в городе. Но удивлялись не столько этому поступку, сколько заявлению Клидзейса:

— Дела не такие уж плохие, потому что земля под рожь тут хорошая. Попробуем к ней подойти по науке.

Но прошли годы, пока этот подход проявился. И поднявшейся урожайностью, и жилыми домами, и доплатами за верность этой земле. Стала из города домой возвращаться молодежь. Клидзейса начали с трибун в пример ставить, мол, умелый организатор. А он на активе сельских руководителей возьми и заяви:

— Крестьянин с радостью и отдачей работает только тогда, когда ест хлеб из выращенного им же зерна. Хотим пекарню в Чапаеве построить.

Это было в начале 80-х. Лидия, супруга председателя, говорит, что страшно даже вспомнить, как чихвостили потом Антоновича: клеймили мелким собственником, презирающим всевышнюю централизацию; грозились из партии исключить, если колхоз не выполнит плана продажи ржи государству, хотя Клидзейс убеждал расчетами, что эта пекарня в показателях района минуса не сделает, муку молоть будут из сверхпланового урожая. Наконец начальство милостиво, но, не скрывая презрения, разрешило: стройте, посмотрим, какие свиньи станут ваш хлеб есть...

— Было в моей жизни разное,— вспоминает Эрнест Антонович,— но 31 декабря 1982 года я никогда не забуду...

В тот вечер он принес в клуб, где гудел новогодний карнавал, первые теплые буханки из колхозной пекарни.

Хотя пекарня сейчас на двухсменной работе, трудно удовлетворить все заказы, которые поступают даже издалека.

Что же тут пекут такое? Да обычный черный ржаной хлеб и еще так называемый латышский — кисло-сладкий. Его делают из ржаной муки мелкого помола, что называется вальцовкой, используя не дрожжи, а специальную закваску из деревянных кадушек. Рецепт прабабушек. Душистый круглый каравай стоит около рубля.

Правда, одно время уже думали, что станет пекарня — рожь молоть приходилось везти за тридевять земель. Теперь эта проблема разрешена — есть и своя мельница. Только Анатолий Ермаков считает это лишь началом. Надо установить дополнительное оборудование, чтобы крупу делать. И еще: как-то надо все приспособить, чтобы можно было смолоть не только колхозную тонну, но и частный мешок выращенного колхозником ячменя. Иначе какой толк от мельницы? Ведь должна же она послужить новым веяниям тоже — арендному подряду и крестьянскому отдельному хозяйству.

В ЛАТВИИ К НАЧАЛУ 1990 ГОДА всего было создано около 4 тысяч крестьянских хозяйств. Из них в Резекненском районе 60. В колхозе Чапаева лишь один Константин Белов решился пойти в единоличники. Как это расценивать? Предвидит ли Клидзейс в ближайшем будущем всеобщий раздел колхоза?

— Если хороший человек захочет взять землю, ему отказа не будет. Еще и всячески поможем. Но торопить события не стоит из-за того, что нормальный колхоз в этих местах должен какое-то время существовать как «учебная площадка», где человек мог бы освоить передовую технологию труда земледельца,— считает Клидзейс.

Вот те на! Ведь все свидетельствует о том, что коллективизация нанесла огромный урон латгальской деревне.

— Да,— соглашается Клидзейс,— но не следует забывать нескольких обстоятельств. Одно из них — теперешнее трудоспособное сельское поколение выросло «под началом», с заторможенной инициативой, не привыкло работать без указаний. Это надо учитывать. И еще — чтобы такое самостоятельное хозяйство не пошло по миру, из расчета на 100 гектаров пашни надо держать 22 коровы или 45 единиц крупного рогатого скота. Средние цифры у нас по республике сейчас соответственно 10,2 и 26. Представляете, как надо крутиться! Одним горбом и мозолями такого уровня не обеспечишь. Нужна техника и знания. Пока нет ни того, ни другого — какого передового опыта может набраться человек и где? Не каждому выпадает счастье за океаном побывать, чтобы увидеть, как именно надо в деревне работать, чтобы не сидеть по уши в навозе и прибыль иметь. Так что, сколько у меня будет сил и возможностей, постараюсь для колхоза приобрести то лучшее, что имеется,— пусть люди учатся. А там, я думаю, жизнь подскажет, какие формы частного и кооперативного хозяйства будут самыми перспективными.

Латгалия не раз объявлялась объектом особой заботы именно из-за отсталости деревни. Только дальше объявлений дело не двинулось. Конечно, есть причины объективные: когда на всех имеется одно маленькое одеяло, в студеную пору его каждый норовит потянуть на себя.

— Только закон о собственности, не исключающий частную, может спасти Латгалию,— считает Клидзейс.— И упорядочение закупочных цен. В последние годы несколько раз повышалась плата за технику, топливо и прочее, а нам за центнер мяса или молока ничего не добавили.

Отсюда недалеко до Псковщины, которая считается Нечерноземьем. Странная, знаете, картина: посреди поля канава, по ту сторону — земля, требующая особых капиталовложений, на этой... Я имею в виду все те постановления правительства о дополнительных средствах для возрождения Нечерноземья. Нет, я не считаю, что там людям ничего не надо. Они тоже обездолены в своих деревнях, и земля там плачет по хозяину. Но Латгалия, живя бок о бок с Нечерноземьем, все же не понимает: как же построены закупочные цены, если там люди за меньшее количество продукции получают больше? При такой раскладке смешно говорить о заинтересованности развивать производство.

Что можем обещать сегодня?

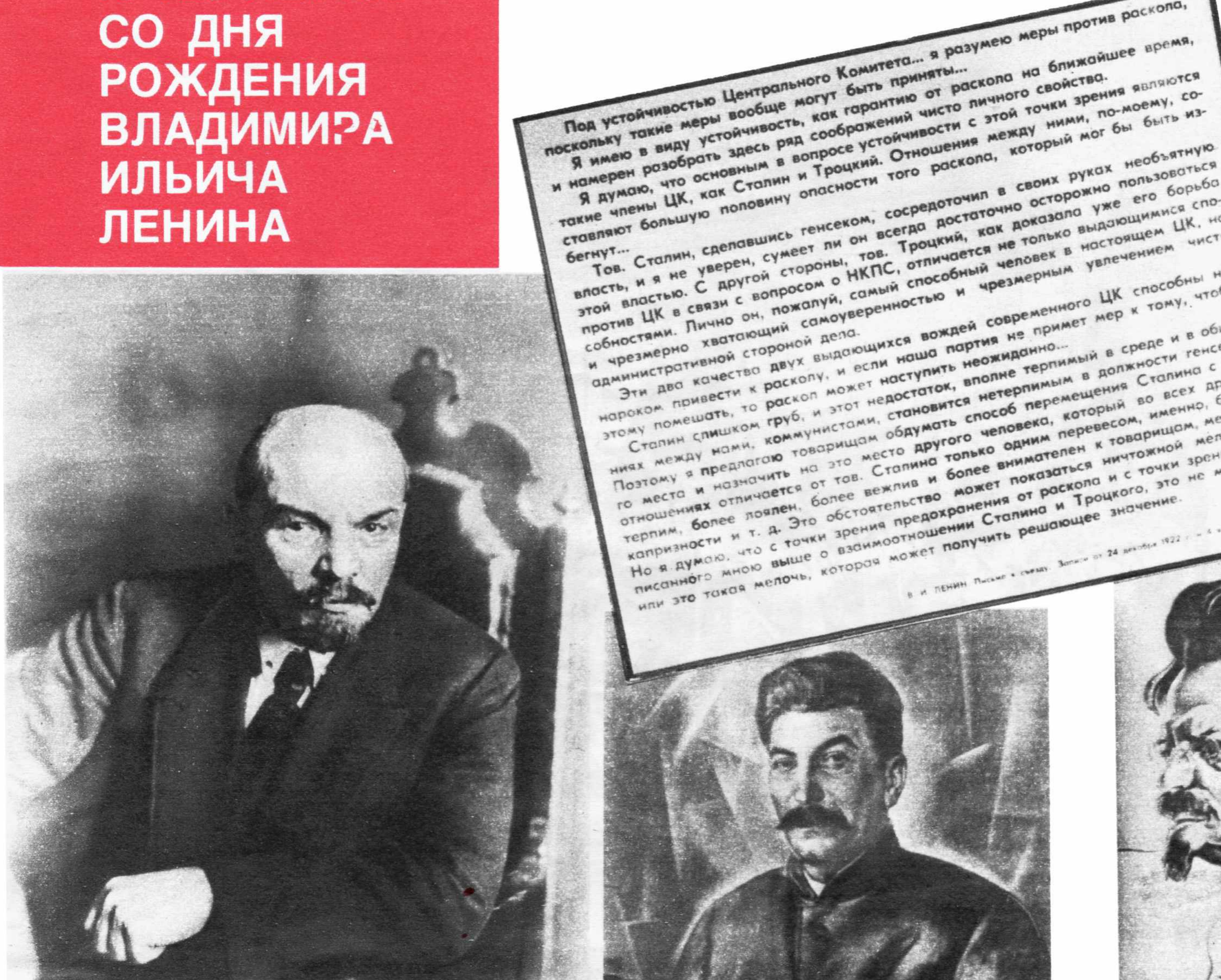
...— Слышите, как тихо работают вальцы? — спрашивает меня мельник Ермаков.

Да, Анатолий Осипович. Все же есть что-то волнующе-радостное в возрождении этого ремесла.

Мельница, мельница — все перемелется?..

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

Материалы взяты из фондов ИМЭЛ, Музея Революции СССР и Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.

Под устойчивостью Центрального Комитета... я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты...

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут...

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно...

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

В. И. ЛЕНИН. Письмо к съезду. Записи от 24 декабря 1922 г. — 4 января 1923 г.

Политическое завещание Ленина... Восемь небольших по объему писем и статей конца 1922 — начала 1923 года. Вряд ли какие-либо другие работы Ленина вызывали столь неоднозначное толкование, столь разноречивые отклики, в том числе и среди ближайшего ленинского окружения. Те, кто не преодолел «левизны» и «всемирно-коммунистических» устремлений, увидели в них отход от былых революционных позиций, размышления тяжело больного, уставшего и разочаровавшегося человека. Другие не дали себе труда вникнуть в содержание статей Ленина,— они были для них не более чем орудием в разворачивающейся борьбе за власть. Лишь немногие смогли тогда оценить их подлинное значение.

«Все эти статьи, если приглядеться к ним внимательно, представляют собой не отдельные разрозненные кусочки, а органические части одного большого целого, одного *большого плана* ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной *перспективы*, которую провидел гениальный и острый взгляд полководца мировых революционных сил». Так говорил Бухарин о последних работах Ленина в начале 1929 года, когда отход от ленинских идей строительства социализма стал уже зримой реальностью.

Вряд ли следует сегодня, как это нередко делается, ставить вопрос в такой плоскости: образуют ли последние работы Ленина завершенную концепцию строительства социализма? Возможность существования подобной концепции сама по себе сомнительна: социализм представляет собой движение, непрерывно развивающийся процесс, а не какое-то конечное, заранее известное состояние, приход к которому совершенно неизбежен. Понимание социализма как движения, преодоление противоречий и характерно для последних размышлений Ленина. Его статьи охватывают многие стороны этого движения. Насколько исторически правомерна Октябрьская революция? Возможно ли дальнейшее развитие или неизбежен «термидор», перерождение и гибель? Почему необходима «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм»?.. Для нас, живущих в период революционных изменений, эти размышления представляют особый интерес.

Н. ГУЛЬБИНСКИЙ

«Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития... как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу».

В. И. Ленин «О нашей революции».

«Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой...

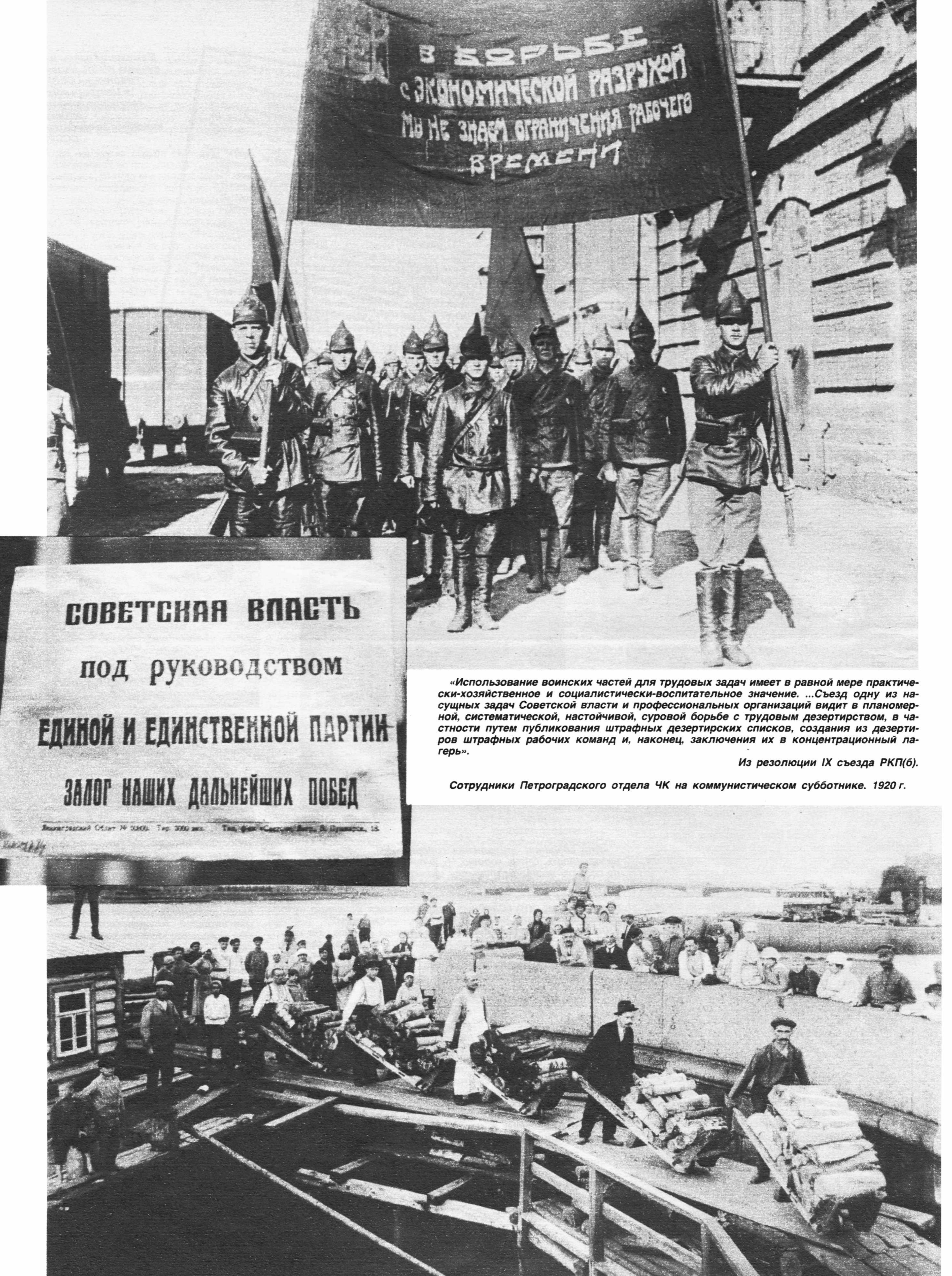
Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

В. И. Ленин «К вопросу о национальностях или об „автономизации"».

«Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе».

«Либо показать теперь, что мы всерьез чему-нибудь научились в деле государственного строительства (не грех в пять лет чему-нибудь научиться), либо — что мы не созрели для этого; и тогда не стоит браться за дело».

В. И. Ленин «Лучше меньше, да лучше».

«Использование воинских частей для трудовых задач имеет в равной мере практически-хозяйственное и социалистически-воспитательное значение. ...Съезд одну из насущных задач Советской власти и профессиональных организаций видит в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности путем публикования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь».

Из резолюции IX съезда РКП(б).

Сотрудники Петроградского отдела ЧК на коммунистическом субботнике. 1920 г.

КООПЕРАЦИЯ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ СМЫЧКУ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

С.С.С.Р.

КООПЕРАЦИЯ

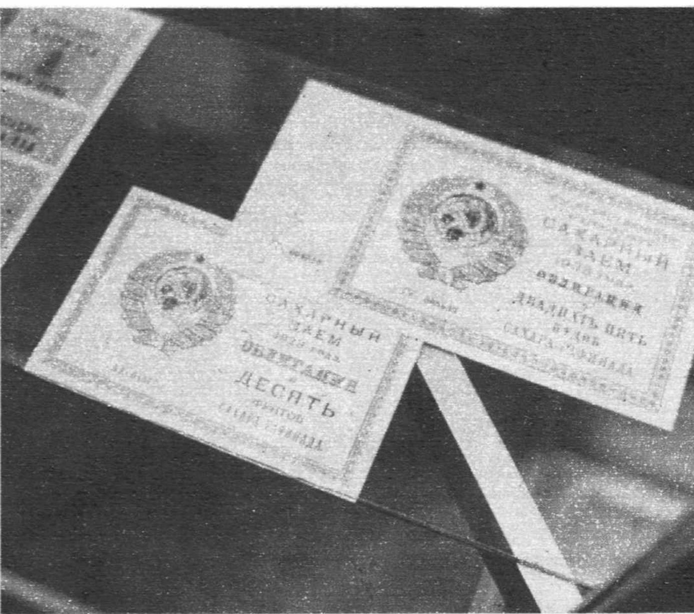
Помни! ...капитала

«Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму».

В. И. Ленин «О кооперации».

В 1923 году были выпущены два государственных займа — хлебный и сахарный (беспроцентные). Необходимость натуральных займов объяснялась общей нестабильностью финансовой системы и стремительной инфляцией.

Делегаты X партсъезда идут на штурм мятежного Кронштадта. В подавлении кронштадтского мятежа участвовало 300 делегатов съезда. Мятеж ясно показал: политика военного коммунизма исчерпала себя.

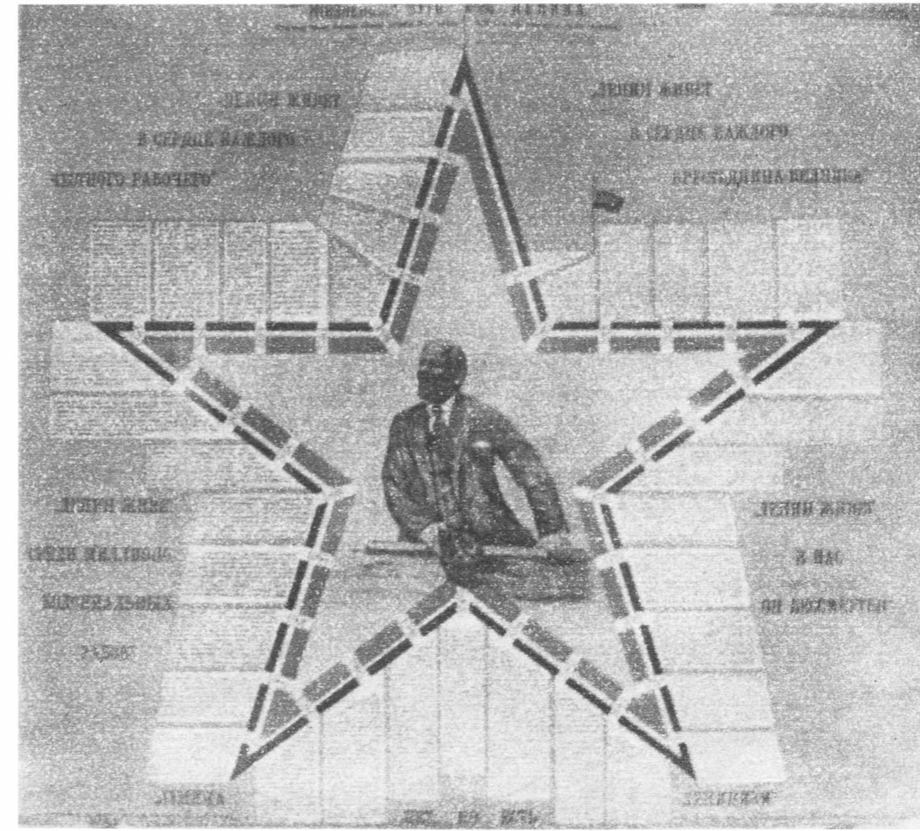

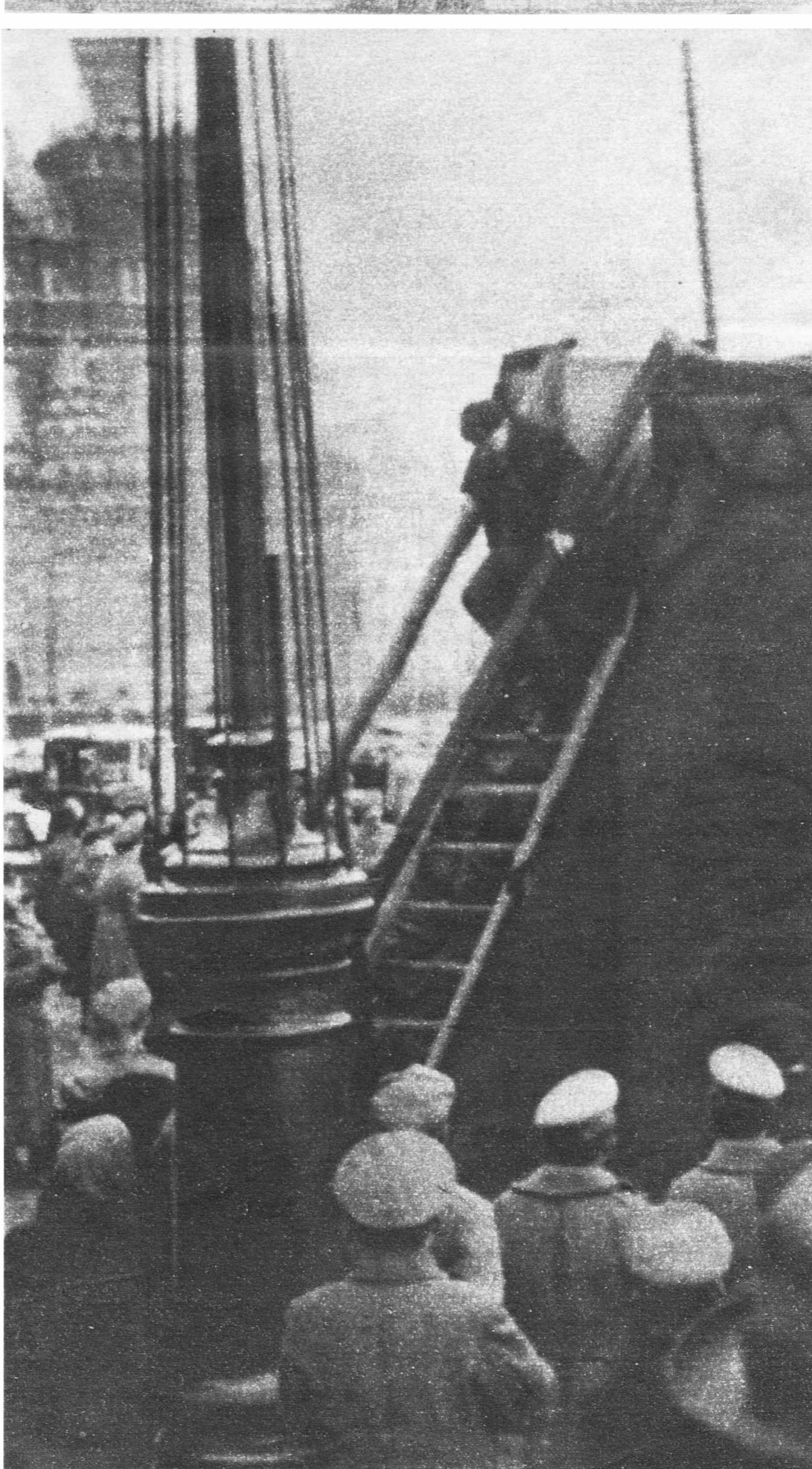
Продотряд отправляется на «хлебный фронт». Москва, 1918 г.
В 1919 году были установлены твердые нормы хлебозаготовок для каждого уезда. Однако и после этого у крестьян практически не оставалось хлеба.

Выдача продовольствия по карточкам. Петроград. 1918 г.
По сравнению с 1913 годом в 1920 году бумажный рубль девальвировался в 20 тысяч раз. Купить что-либо на зарплату было невозможно, несмотря на ее номинальное повышение. В январе 1921 года хлебные нормы в Москве и Петрограде были сокращены до абсолютного минимума. С введением нэпа необходимость в карточном распределении продуктов постепенно отпала.

В. И. Ленин после выступления в день 1-й годовщины Октябрьской революции.

ЗАБЫЛИ О ДИАЛЕКТИКЕ? ● НЕ НАДО БОЯТЬСЯ МИТИНГОВ ●

■

Мы постоянно игнорируем основной закон диалектики — «закон единства и борьбы противоположностей». В свое время была монополизирована власть (установлена диктатура), монополия поразила экономику, идеологию, политику, науку, культуру, и общество затормозило свое развитие.

Исходя из данного закона диалектического развития классики марксизма предрекали гибель монополистического капитализма. В. И. Ленин говорил: «...Всякая монополия... порождает неизбежно стремление к застою и загниванию». Подчеркиваю — вся-ка-я! Высокоразвитые капиталистические страны (в отличие от нас) не допускают полного господства монополий, то есть единообразия во всех сферах жизни, и в противоположность им зачастую поддерживают мелкое предпринимательство, фермерство, коммуны, сохраняют демократические принципы в политике, науке, искусстве. Из закона «единства и борьбы противоположностей» вытекает, что монополия одной партии в политике и идеологии государства, жестокая борьба за чистоту ее рядов и единство неминуемо приведут к появлению «сталина» и «аппарата», а в конечном результате к политическому кризису, застою и загниванию.

Н. ВЛАСОВ
Благовещенск Амурской обл.

■

В результате постановления Совмина РСФСР от 14.11.1972 г. «Положение о Государственном историческом заповеднике «Горки Ленинские» и его охранной зоне» и последовавших за ним решений Московского областного Совета народных депутатов под снос попал мой дом в деревне Горки. В этом доме в январе 1921 года состоялось выступление В. И. Ленина на сходке нашей деревни, на которую по велению моего отца я созывал крестьян.

Мне был построен другой дом в деревне Горки. На месте же моего бывшего дома был реставрирован дом, который стал филиалом Музея В. И. Ленина. В связи с указанным решением меня насильственным образом, под угрозой принудительного выселения с вмешательством органов милиции, переселили в построенный дом. Но этот дом мне не был предоставлен на правах личной собственности, а за свой собственный я не получил ни рубля компенсации, хотя мой отчий дом мне дороже любого вознаграждения. Дом, в котором я сейчас проживаю, значится на балансе Горкинского сельсовета.

На неоднократные мои ходатайства в местные и высшие органы власти о передаче упомянутого дома мне на правах личной собственности следовала шаблонно-бюрократическая отписка.

Меня нередко посещают экскурсанты, интересуются моими личными воспоминаниями о том знаменательном выступлении Владимира Ильича в нашем доме. Они высказывают большое удовлетворение проявлением «ленинской заботы и внимания» органами народных депутатов, предоставившими мне вновь построенный дом взамен старого. Мне очень стыдно, и я молчу о том, что этот дом не является моим собственным, а находится на балансе сельсовета.

По-ленински справедливым было бы решение узаконить на правах личной собственности за мной дом, в котором я сейчас проживаю. Это и было бы дорогой памятью моей семье и моим потомкам о том дне, когда в моем родном доме выступал Владимир Ильич, было бы проявлением ленинской справедливости, а не надуманным бюрократическим исключением.

В. ШУЛЬГИН
д. Горки Ленинского р-на Московской обл.

■

Читая в газетах и журналах заметки о митингах, невольно приходишь к выводу, что многих они страшат и пугают. Василий Парфенов в статье «Митинги» («Правда», 21 февраля 1990 г.) иронически сравнивает их с новгородским вече. Многие, осуждая митинги, видят в них только издержки, источники напряженности, ненависти, злости, вражды, истерии... Ораторов называют не иначе как горлопанами, громкоголосыми популистами. А почему бы не взглянуть на митинги с другой, созидательной стороны?

Вспоминается поучительный опыт «рабочего университета» на реке Талке, действовавшего во время Иваново-Вознесенской стачки в 1905 году. Здесь почти ежедневно проводились массовые митинги и собрания. «Университет» на Талке стал замечательной школой политического воспитания рабочих.

В настоящее время как будто бы большинством признается, что в стране происходят революционные преобразования, провозглашены гласность и демократия. И вместе с тем гласно и негласно осуждается стремление общественности собраться и открыто обсудить назревшие и годами не решаемые проблемы, публично вскрыть социальные гнойники. Понятно, что такая решимость многих, особенно причастных к темным, неблаговидным делам, страшит. Митинги — одна из самых эффективных нынешних форм народовластия. Опираясь на эту и другие формы народовластия (например, на сельские сходы), нынешние Советы быстрее решат поставленные перед ними ответственные задачи.

Если люди идут на митинги, значит, потребность в них назрела, есть предмет для всенародного обсуждения. В этой ситуации запрещать митинги — значит загонять вглубь язвы общества, искусственно создавать взрывоопасную ситуацию. Бессмысленно запрещать митинги, особенно нынешним обновленным Советам, в состав которых вошли представители различных неформальных и демократических организаций, народных фронтов. Надо сполна использовать политическую активность населения для обсуждения и решения неотложных социальных, экологических и экономических проблем.

Не надо бояться митингов! Это отличная школа политического воспитания народа. Это превосходный механизм народовластия. Народ видит все. И только всенародно можно и нужно вскрыть все большие и малые социальные гнойники.

М. ШИЛОВ,
доцент Ивановского университета

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Количество обеспокоенных людей в стране нарастает. Каждый обеспокоен по-своему. Процесс обретений, который вот-вот должен наступить, для многих пока напрочь заслонен процессом потерь. Потери беспокоят, особенно тех, кто много теряет. Смысл противостояния перестройке для множества самых разных ее противников сугубо личен. Теряя привилегии, живя среди разрушающихся критериев привычного житья-бытья, они видят в собственном крахе крушение всей жизни вообще и поэтому страдают с особенной выразительностью. Они уверены, что раз им так неудобно, то, разумеется, все гибнет. Помните патриотические истерики некоторых литераторов, рыдающих над сокрушением русской национальной литературы и другими несчастиями? Такая у них, видите ли, литература, где и Пушкина можно изъять, где всех назначают и свергают, где вся словесность погибает, где им, замечательным, неудобно. У большинства из нас с вами литература иная, она существует независимо от желаний, и в ней всем места хватает, всем талантам, национальностям и стилям, так что беспокоиться нечего.

А ведь беспокоятся! Особенно о национальности этой самой. Нам это так надоело, что в отделе кадров журнала мы даже заклеили пресловутую графу номер пять, как сбивающую с толку и не несущую никакой деловой информации. А тем не менее читаем и читаем статьи о том, что есть, мол, «преступные нации», а шпана из «Памяти» мечтает о возвращении времен, когда палкой позволено устанавливать общественные ранжиры.

Только что к нам в редакцию прислали газетенку, печатающуюся в Москве немалым, сорокатысячным, тиражом. Там и про нас есть, особенно про то, что редактор «Огонька» определенно еврей и куда же это начальство смотрит. Про упомянутую вредную нацию в газете пишут много, в каждом номере пишут. Среди рассуждений внимание привлекает и поэтический аргумент. На первой странице некий стихотворец делится раздумьями на вечную тему о преемственности поколений, сообщая:

Я сыну оставляю для надеги
Короткий русский засапожный нож.

И даром, что я, увы, не еврей по национальности,— с авторами подобных писаний спорить не хочется. Засапожными аргументами я небогат; впрочем, и уголовное мышление стихотворца да иже с ним подразумевает не спор на равных, а ответ с уровня закона, поскольку спорить не о чем. Охотнорядцы, теряющие почву под ногами, готовы на все. Значит, страна, обретающая обновленное достоинство, должна уметь защитить себя. И делать это гласно, без паники, поучительно для человечества.

Ау, наши сильные и справедливые, есть дело для вас! Где вы, защитники наши, на каких площадях, кого разгоняете? Впрочем, беспокойство указывает иным из вас цели особенные, особые; вот уже целый ряд армейских руководителей сражается с «Огоньком» одержимо, как ни с кем на полях битв не сражались. Враг вымышлен, узаконен, беспокойство утоляется. Последовательные выступления журнала в защиту прав военнослужащих восприняты некоторыми военачальниками как подрыв основ. Журнал в ряде библиотек воинских частей запрещено выписывать, как было это запрещено в некоторых восточноевропейских странах год назад. Теперь там, в Европе, разрешили, но не у нас. Уважаемый маршал публикует предлинное открытое письмо ко мне в своей ведомственной газете. Причем в ответ не на мои статьи, а на выступления офицеров, академиков и просто солдатских матерей в нашем журнале. Претензии, конечно же, к редактору. Как смел разрешить такое?! Дошло даже до того, что за дискуссии о порядках в армейской среде журнал требуют наказать с парламентской высоты. И нет ни попытки поспорить, ни попытки обсудить наши аргументы и факты. Соло на барабане. Приказ маалчать!

Укоряя журнал за его непаническое восприятие уровней «военной опасности для Советского Союза», уважаемый маршал не уточняет источники опасности. Но они, несомненно, огромны, так как небогатая Советская страна содержит в боевой готовности четыре миллиона человек, что превосходит по численности любые армии любых стран, и танков больше, чем во всех остальных армиях мира. Кто хочет сегодня напасть на нас и зачем? Почему столь огромен и дорогостоящ боевой потенциал Советской страны? Неужто капиталисты всех стран по-прежнему панически боятся нашего вдохновляющего примера для своих рабочих и крестьян и хотят задуть наш светлый маяк? Или они считают, что завоевать наши ресурсы дешевле и выгоднее, чем скупать их за бесценок?

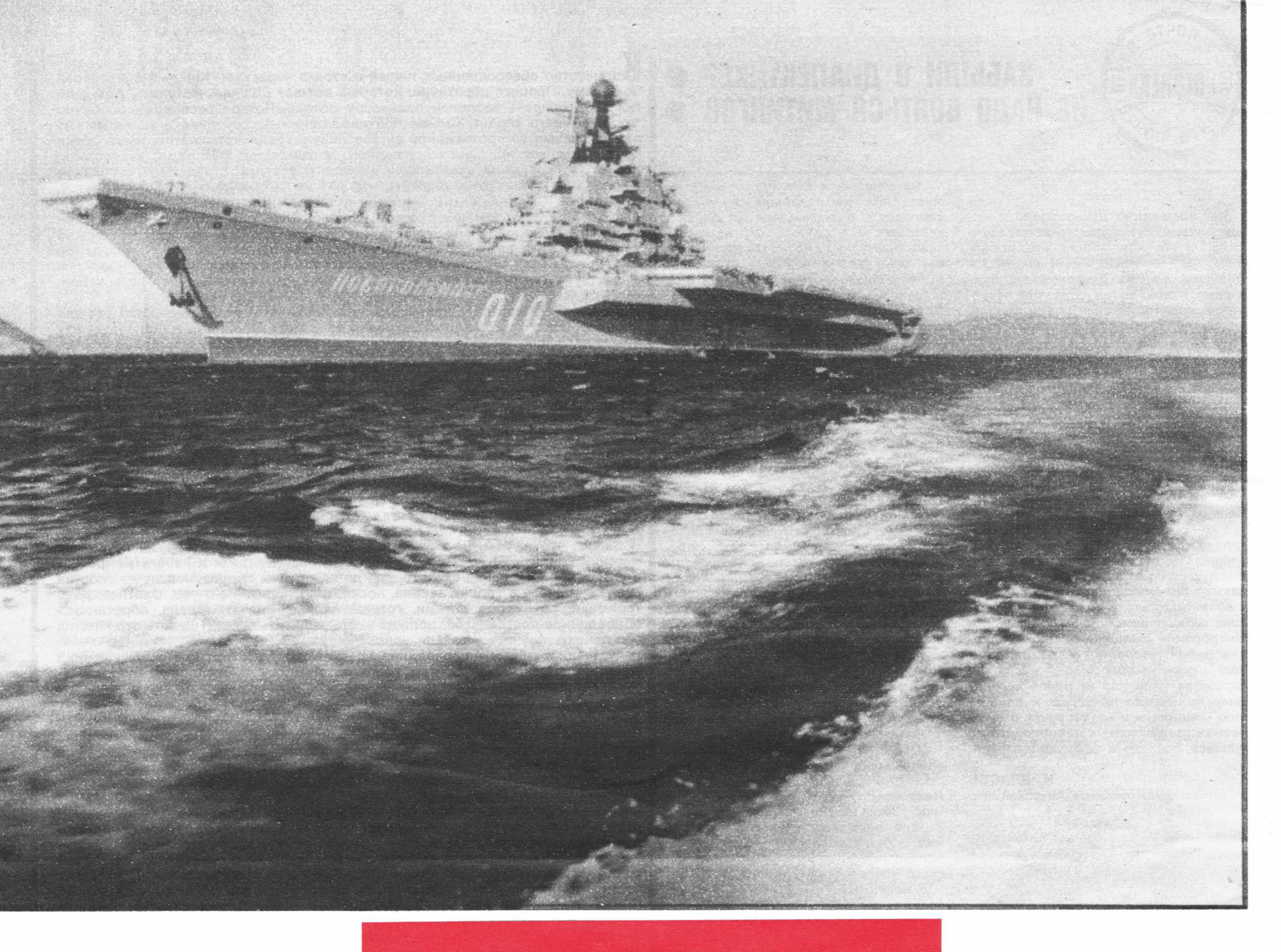
Вопросов немало, очень хочется, чтобы мне доказали, откуда и почему нам грозит опасность захвата, определяющая такую силу для противостояния и условия едва ли не окопного быта многих офицерских семей. Почему столь неприлична неустроенность наших армейцев, десятки тысяч из которых не имеют жилья? Почему низок боевой уровень многих частей, доказанный трагичным Афганистаном? Почему еще не налажен общественный контроль за расходами оборонного ведомства? Что делать с десятками тысяч армейцев, уходящих сегодня в запас? Почему наши маршалы не пишут открытых писем о неустроенности, непрофессиональности, бесправии многих этих людей в мирной жизни? Странным образом поток генеральских инвектив в наш адрес совпал с публикацией в «Огоньке» о сотнях тысяч рублей, недавно израсходованных Министерством обороны на строительство маршальских дач. Это очень заботит, потому что рефлекс самозащиты у некоторых из наших военачальников развит чрезвычайно. Поэтому я очень надеюсь, что автор открытого письма в ведомственную армейскую газету задумается над смыслом собственной угрозы: «Каждому из нас придется отвечать за свою деятельность».

Мне очень обидно было удостоиться стольких угроз, не сочетающихся с попытками разобраться в аргументах огоньковских публикаций. Желание цыкнуть, прикрикнуть, укротить выразительно преобладает. Возникшее с позиции слабости беспокойство рождает окрики с позиции силы. Силы ли?

Обеспокоенные военачальники учат, как и про что писать в журнале. Обеспокоенные писатели заняты учетом национальностей своих коллег. Обеспокоенные патриоты-профессионалы чего-то там греют в смазных голенищах. В стране все больше людей занято не своим делом, и это вправду волнует. Для успеха перестройки нужны объединяющая вера в пользу происходящих перемен, умение сплотиться и действовать сообща во имя общего замысла вопреки всем, кто стремится растащить страну по уютным норам.

Очень тревожно сегодня. Но тысячи писем, еженедельно получаемых «Огоньком», говорят о том, что народ принял перемены; они трудны, но необратимы. Давайте жить беспокойно; пусть не ведают покоя и те, кто хотел бы повернуть страну вспять. У каждого нынче свои заботы; забота о перестройке объединяет не всех, но большинство. Смею надеяться, что это так. Хочу понять, кто где. Демократия подразумевает ясность позиций.

Виталий КОРОТИЧ

Георгий АРБАТОВ

А ЕСЛИ БЕЗ ЛУКАВСТВА?

Известному прусскому генералу начала века Мольтке-младшему приписывают высказывание: «Молчать, если хотите со мной разговаривать!». Я рад констатировать, что наши советские генералы вроде бы перестают говорить с нами, советскими штатскими, таким языком.

Свидетельство тому — отклик на мою статью, напечатанную в пятом номере «Огонька», генерал-майора, доктора технических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР В. Медведева («Огонек» № 9 за этот год).

Генерал и лауреат уже не требует, чтобы я молчал. Он воздерживается от грубостей, а если даже и хочет сказать что-то неприятное, бросающее на меня политическую тень, то делает это не наотмашь, а «в обход», прибегая к натяжкам и подтасовкам, которые не всякий и заметит. Например, пытаясь упрекнуть меня в обелении американского империализма, выражает несогласие с «моим» утверждением о том, что в США в течение последних лет идет **«кардинальное** снижение» военных ассигнований; в то время как я писал, что в течение последних лет они снижаются, «хотя, на мой взгляд, как и в СССР, слишком медленно». Или, критикуя мою статью, но не приводя цитат (это понятно — их и нет), произносит гневные филиппики против тех, кто «противопоставляет армию и народ», или, оценивая военную опасность, проявляет «благодушие», «излишний оптимизм». Даже излюбленное обвинение генералов в адрес гражданских специалистов в некомпетентности он высказывает не в лоб, а «мягко», противопоставляя мне других моих военных оппонентов — генерала Овчинникова и адмирала Чернавина. Они-то, пишет В. Медведев, «знают об армии не понаслышке»*.

Но это я оставляю на совести автора, я не в обиде, тем более что шаг вперед все же есть. Хотя бы в том, что генерал Медведев не требует запретить гражданским специалистам высказывать свое суждение по военным делам, а, напротив, призывает к продолжению дискуссии, к «деловому и конструктивному диалогу».

Откликаясь на этот призыв, хочу прежде всего внести ясность в важный

---

* Чтобы закрыть этот вопрос хотя бы в отношении себя, скажу — на роль военного теоретика не претендую. Мой боевой опыт времен второй мировой войны достаточно скромен. Хотя, думаю, он едва ли уступает афганскому боевому опыту высокопоставленного политработника Овчинникова (боевых заслуг тов. Чернавина просто не знаю). Служил я начальником разведки дивизиона реактивной артиллерии («катюш»), затем командиром батареи, заместителем командира дивизиона, помощником начальника штаба полка по разведке на Калининском, Степном, 1-м и 2-м Украинских фронтах, а демобилизован был в 1944 году как инвалид Отечественной войны II группы. Что касается компетентности в обсуждаемых в этой полемике вопросах, то изучением США, их военной политики и советско-американских переговоров о разоружении я занимаюсь более 20 лет, являюсь директором Института США и Канады АН СССР. Впрочем, к вопросу о компетентности нам в этой статье придется еще вернуться не раз.

вопрос о динамике военных ассигнований США, о том, какая здесь в последние годы выявилась тенденция — к повышению или к снижению. А то ведь у читателя возникают недоуменные вопросы (сужу по своей почте), почему генерал Овчинников на втором Съезде народных депутатов СССР и генерал Медведев в своем выступлении в «Огоньке» приводят одни цифры, а Арбатов — другие. И делают при этом противоположные выводы: первые о росте, а второй о сокращении (пусть слишком медленном) военных ассигнований США.

Одну из причин я объяснял в своей статье в № 5 журнала. Генералы оперируют цифрами военных ассигнований в текущих, а я — в реальных, учитывающих инфляцию ценах. Последний подход является не то что единственно научным, но и единственно приемлемым, единственно правдивым, если речь идет об исследовании динамики ассигнований за период, превышающий год.

Меня, честно говоря, удивляет, почему генерал Медведев просто игнорирует, не замечает этот мой аргумент.

Другая причина состоит в том, что я приводил данные официальной статистики по «Бюджетным полномочиям» министерства обороны США за 1985—1989 годы. А он — статью расходов МО США за тот же период. Последние действительно росли. И на этом основании он заключает: «Как говорится, комментарии излишни».

Нет, уважаемый генерал, не излишни. Потому прежде всего, что рост расходов тоже дается в текущих ценах, искажающих картину, преувеличивающих их рост. На 1989 год — более чем в 6 раз. А главное, потому, что «Бюджетные полномочия» при исследовании динамики военных ассигнований являются более показательными и точными критериями, поскольку включают и право заключать долгосрочные контракты в текущем году на будущее. То есть это военные ассигнования, определяемые на основе сегодняшней оценки существующей обстановки и перспектив ее развития. А в статью «расходы» входит, наоборот, прошлое, расплата по принятым в предшествующие годы, в иных политических условиях военным программам и решениям. Ясно, что тенденция, обнаружившая себя в «полномочиях», выявится и в расходах, но несколько позже.

Так обстоит дело и в данном случае — рост расходов хотя и продолжается, но в течение пятилетия 1985—1989 годов резко замедлился — с 9 процентов в 1985 году до 0,7 процента в 1989 году (то есть в 13 раз). А уже в текущем году, как планируется, расходы серьезно — на 6 процентов — снизятся. То есть наблюдается та же тенденция, но с некоторым запозданием — ряд лет приходилось платить по прошлым обязательствам.

Кстати, главным аргументом Пентагона в борьбе за увеличение военных ассигнований всегда, в том числе и в эти годы, был рост советских военных ассигнований. По американским данным (советские до прошлого года не публиковались), он составлял в 1985—1989 годах 3 процента ежегодно. Лишь в прошлом году американцы зафиксировали первое за много лет их сокращение, на что тут же вынуждены были отреагировать, сократив свои расходы. Словом, здесь мы практически сталкиваемся с зеркальным отражением. Министерство обороны США, обосновывая свои запросы, ссылается на советские расходы, как правило, их завышая (попытался это сделать министр обороны Чейни и в этом году, но был опровергнут директором Центрального разведывательного управления Уэбстером). Наши же военные, как видим, в свою очередь, ссылаются на военные расходы США.

Но достаточно об этом. В ходе развертывающегося диалога удастся без труда устранить фактические и методологические ошибки и разночтения. Но чтобы диалог стал действительно деловым и конструктивным, надо покончить с еще одной асимметрией. Речь идет о том, что военные у нас издавна сохраняют монополию на информацию, гражданским же приходится кое-как перебиваться, черпая сведения в основном из зарубежных источников, которые в случае чего легко и дезавуировать.

Потому, когда генерал В. Медведев, пусть не без сарказма, пишет: «Мы были бы очень благодарны нашим оппонентам, если бы они подсказали нам, как обеспечить надежную оборону страны при сокращении военных расходов в 1,5—2 раза»,— я думаю, что задачу он перед нами ставит действительно трудную. И не только потому, что мы в отличие от министерства обороны не располагаем разведкой — мой многолетний опыт показывает, что наиболее важные, имеющие принципиальное политическое значение сведения о вооруженных силах, военной политике и намерениях другой стороны вполне можно получить из открытых источников.

Главное в другом — в том, что до самого последнего времени мы не получали от МО СССР никаких данных о **своих** Вооруженных Силах. А подчас и того хуже — получали сведения заведомо искаженные, вызывавшие во всем мире насмешки (вроде цифры в 19—20 миллиардов рублей, фигурировавшей многие годы в бюджете в качестве наших расходов на оборону).

Скрывалось все — вплоть до названий своих ракет и самолетов. Даже на переговорах с американцами мы, не поморщившись, звали их натовскими кличками: «Бэкфайер», «СС-20» и т. д. Дело доходило до курьезов. В литературу об истории советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений почти как классический вошел эпизод, когда один наш высокопоставленный военный выразил своему американскому коллеге претензию — зачем военным обмениваться цифрами и другими данными о военных потенциалах в присутствии гражданских лиц обеих сторон?

Иногда мне кажется, что и сейчас нашим генералам легче сказать что-то своим американским коллегам, чем советским специалистам или представителям общественности («Красная звезда», например, нас осчастливила, впервые сообщив о численности наших войск в ГДР, Польше, Чехословакии и Венгрии. Но, оказывается, месяцем раньше, чем советским людям, наше высокое военное начальство успело доложить эти данные представителям стран НАТО на семинаре по военным доктринам в Вене).

В чем бы ни состояли причины нашей сверхсекретности — примитивизме мышления, идущем от сталинских времен перепуге или в корысти, желании что-то важное от своих соотечественников утаить,— последствия она имела самые дурные. В глазах мировой общественности из-за этой сверхсекретности мы выглядели ужасающе подозрительными и зловещими. А американским милитаристам облегчали их нечистую игру, открывая широкий простор для любых спекуляций. Пользуясь нашим молчанием, они говорили за нас, могли приписывать нам любые количества вооружений, любые военные расходы или намерения. И под шум оглушительной пропагандистской кампании, как случалось не раз — и в 60-х, и в 70-х годах,— делать все новые рывки в военном соперничестве. За что мы же потом и расплачивались огромными расходами на новые военные программы, которые были призваны обеспечить паритет с американцами.

Но еще много хуже было то, что важнейшее для страны и народа дело — оборона, безопасность, фантастические по размерам военные расходы — было монополизировано узкой группой генералов и генеральных конструкторов военной промышленности. Эти люди, конечно, сами не принимали решений по сколько-нибудь масштабным, как пишет В. Медведев, вопросам. Решения принимались узкой группой не очень далеких и не очень информированных (а часто теми же генералами и генеральными конструкторами, очень дезинформированными) политиков, иногда по собственной инициативе, а чаще — по подсказке военных. В обстановке секретности никто ничего поперек их желания сказать просто не мог.

В последнее время, уже в годы перестройки, положение начало исправляться — кое-что рассекречивают. Но процесс этот идет медленно и нерешительно.

Что он нам пока, на сегодняшний день, показал?

Во-первых, что во многих случаях самые завышенные, как, во всяком случае, мне казалось, противоречащие здравому смыслу цифры о количестве нашего оружия, приводившиеся американскими милитаристами и антисоветчиками, оказывались, увы, близкими к истине.

А во-вторых, что и после решения политического руководства о ликвидации «излишков» в сфере секретности наши военные товарищи очень неохотно перестают таить правду, ее из них надо выдавливать по капле, притом «правда» эта непрерывно меняется, одно заявление противоречит другому, что изрядно подрывает доверие к тому, что они говорят. Тем более что основной массив информации остается попрежнему секретным, включая и ту его часть, которую таить от общественности можно лишь по инерции или для удобства военного и военно-промышленного руководства, а не ради безопасности страны.

Вот этими двумя обстоятельствами объясняется, кстати, и тот факт, что за последние годы мои взгляды на некоторые вопросы изменились (в этом меня генерал Медведев, как выяснилось, неплохо изучивший мои прежние работы, тоже упрекает). И, в частности, я не могу уже отрицать существования у нас в Советском Союзе военно-промышленного комплекса, который начинает жить своими интересами, мало считаясь с интересами страны. В свете новых, ставших за это время известными фактов я просто убедился, что раньше некоторым нашим ведомствам чрезмерно доверял.

Чтобы не быть голословным, приведу в качестве примера историю Красноярской радиолокационной станции. О ней поначалу просто молчали. Когда это стало невозможным, принялись твердить неправду: что единственное ее назначение — наблюдать за спутниками. Вот, мол, достроим, и вы все увидите, убедитесь, что нарушения Договора по противоракетной обороне нет. В результате не только ввели в заблуждение общественность, но и заставили политическое руководство повторять неправду. А в США, где правду знали, ослабили позиции противников «звездных войн», сторонников Договора по ПРО. И все это, чтобы в конце концов признать нарушение Договора и отказаться от строительства, понеся многомиллионные убытки!

Не меньше дезинформации нагромождалось вокруг вопроса об оружии средней дальности в Европе. Сначала (в течение многих лет) утверждали, что по этому оружию в регионе есть примерное равенство, а по боезарядам НАТО нас даже превосходит в полтора раза. Потому, пойди мы на «нулевой вариант», другая сторона получила бы двойное превосходство по носителям и тройное по боезарядам (это довод из нашего официального военного издания «Откуда исходит угроза миру», сокращенно «ОИУМ», 1982, с. 87). А когда опубликовали правительственные данные по оружию средней и меньшей дальности, то оказалось, что для достижения «абсолютного паритета», то есть нуля, нам надо сократить в 3,5 раза больше, чем американцам, боеголовок и в 2 раза больше ракет.

Еще более поразительные вещи происходили с подсчетами баланса обычных вооружений, в частности в Европе.

Долгое время нас уверяли, что здесь существует примерный паритет. Примерно одинакова, в частности, численность вооруженных сил. До 1985 года Министерство обороны СССР также утверждало, что у ОВД и НАТО существует «примерно равное количество танков» («ОИУМ», 1984, с. 78). Не говоря уже обо всем остальном. А потом выяснилось иное — что у нас больше военнослужащих, равно как почти всех видов оружия. А вот насколько больше — в этом нас снова долго и усердно водили за нос. В начале 1988 года, в преддверии переговоров в Вене, сказали, что у Организации Варшавского Договора на 20 тысяч танков больше, чем у НАТО, есть равенство по артиллерии, но зато у Запада превосходство в ударных самолетах — на 1400 штук. А все вместе — опять паритет. Менее чем через год опубликовали новые данные, согласно которым превосходство ОВД в танках уже выросло до 30 тысяч и «появилось» превосходство в 15 тысяч орудий по артиллерии. И это снова было названо примерным паритетом (ох уж этот примерный паритет!). Еще через 3 месяца, в апреле 1989 года, один из наших руководящих деятелей заявил, что у ОВД 80 тысяч танков, а у НАТО — 40 тысяч танков (последнее, кстати, НАТО отрицает). Но если послушать генерала В. Медведева, то и это вроде бы паритет — он называет это «примерным равновесием». Генерал упрекает меня в том, что я акцентирую внимание на нашем превосходстве в танках, не учитывая превосходства США в ударных самолетах тактической авиации и по военно-морским силам.

Вот ведь какое лукавство! С помощью таких манипуляций всегда найдешь предлог уйти от вопроса и черное назовешь белым. Я веду спор о том, что тратим мы на оружие и армию уйму лишних средств. И во многих областях имеем большое, ненужное нам превосходство. Значит, расходы можно сокращать. А генерал Медведев, подменяя предмет разговора, подбрасывает вопросик: а у них ведь больше ударных самолетов тактической авиации (наверное, и впрямь больше, если только другая сторона, в чем я не уверен, согласится с такой классификацией самолетов; но и при этом она сможет сказать, что ОВД, по нашим собственным данным, имеет в 36(!) раз больше, чем НАТО, самолетов-перехватчиков). И в заключение выбрасывает «козырную карту» — а ВМС? Это серьезный вопрос. По крупным кораблям у США и НАТО действительно большое преимущество. И они должны согласиться на переговоры и по этому вопросу.

Но ведь рассматриваемой темы это не снимает. Если американцы бесчинствуют с морскими вооружениями, разве это оправдывает наше поведение с сухопутными? Да и кому хуже от того, что мы расходуем фантастические средства на создание лишних наземных вооружений,— США или нам? Ответ, по-моему, очевиден. Чтобы устранить свое превосходство, сравняться с уровнем Запада, тем более если удастся добиться соглашения о сокращении вооружений на венских переговорах, нам и нашим союзникам придется уничтожить горы оружия — около сорока тысяч танков, десятки тысяч бронетранспортеров и артиллерийских орудий, тысячи самолетов и вертолетов — в целом втрое больше единиц оружия, чем НАТО. И я предвижу, как наши военные и военно-промышленные руководители начнут жаловаться на «неоправданные уступки», что может произвести впечатление на неискушенных людей; но не уверен, будет ли задан встречный вопрос: а почему мы построили втрое больше оружия и кто ответит за это перед народом? В каждую из этих «единиц» ведь вложены деньги, материалы, труд и интеллект наших рабочих, инженеров, ученых. Как бы все это пригодилось

для решения наших острых экономических и социальных проблем, повышения более чем скромного, недостойного такой богатой страны, как наша, уровня жизни народа!

И говорили мы до сих пор только о «верхушке айсберга», о том, что соблаговолили нам наконец открыть. А что еще скрыто? И до каких пор оно будет оставаться скрытым?

У меня в этой связи много вопросов к военным товарищам. Понимаю, что не все могу задать публично. Но кое о чем все же спросить рискну.

Первый вопрос — об авианосцах. Как я понял из статьи в газете «Правда» осенью 1989 года и опубликованных в том же номере разъяснений адмирала В. Чернавина, мы строим три авианосца (два спустили на воду), или, как их называли, поправляя адмирала, на следующий день, «тяжелых авианесущих крейсера». Сколько они будут стоить?

Так как и это у нас, видимо, секрет, приведу американские данные об их авианосцах (там это не секрет). Так вот, стоит в США сегодня авианосец более 3 миллиардов долларов. А вместе с палубной авиацией и кораблями сопровождения (все вместе это составляет «авианосную группу») — 18 миллиардов долларов. Более чем 3 миллиарда стоит ежегодно содержание такой группы. Умножьте все это на три. Ну ради чего мы в такое тяжелое для страны время, тем более в довольно благоприятных международных условиях, втягиваемся в подобные расходы? Хотел бы услышать от военных товарищей ответ на этот вопрос.

Второй вопрос — о количестве производимого оружия. Это у нас пока тоже большой секрет. Поэтому приведу следующую таблицу из официального американского издания «Советская военная мощь: перспективы перемен. 1989 г.» («Soviet military Power: Prospects for Change») о производстве в СССР основных видов военной техники в 1988 году (знаю, что в прошлом году производство многих из них было существенно сокращено, говорили даже насколько — но от какой базы?).

Типы боевой техники	СССР	ВСЕГО ОВД	США	ВСЕГО НАТО
Танки	3500	4200	775	925
БМП и БТР	5250	5850	1000	1950
Полевая артиллерия	2000	2700	225	275
Системы залпового огня	500	550	48	53
Артиллерия ПВО	100	175	0	170
Бомбардировщики	45	45	22	22
Истребители (штурмовики)	700	710	550	750
Вертолеты	400	525	375	575
Крупные надводные корабли	9	9	5	11
Подводные лодки	9	12	3	13
Межконтинентальные баллистические ракеты	150	150	19	19
Баллистические ракеты на подводных лодках	100	100	0	10
Ракеты средней дальности	50	50	0	5
Ракеты малой дальности	450	450	0	0
Крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) большой дальности	200	200	280	280
КРМБ малой дальности	900	900	400	550

И опять попрошу военных товарищей ответить: верны эти цифры или нет? Или как минимум сказать: когда эти и другие подобные данные будут открыты для советского парламента и для советской общественности, как это уже давно делается в большинстве других цивилизованных стран? Через год? Через 10 лет? Или к 3000 году?

Отвечаю этим на еще один упрек, который бросает мне генерал В. Медведев: в 1990 году американцы запланировали израсходовать на вооружения 115,7 миллиарда долларов, а мы — всего 44,2 миллиарда рублей. «Цифры,— пишет он,— говорят сами за себя». Нет, многоуважаемый генерал, сами за себя они не говорят. Чтобы говорили, они должны быть не только верными, но и сопровождаться ценами на каждый вид изделия. Почем у нас сегодня танк? Или баллистическая ракета? И почем они у американцев? Вопрос этот тем более существенный, что цены ведь у нас устанавливаются искусственно, самим правительством.

Третий вопрос. Известно, что в прошлом году Аэрофлот не смог перевезти из числа желавших более 20 миллионов пассажиров — в основном из-за отсутствия горючего. Между тем, как я слышал от специалистов, военная авиация сожгла в прошлом году чуть ли не втрое больше горючего, чем весь Аэрофлот. Правда это или нет?

И из многих одолевающих меня еще только один, последний, вопрос: правда ли, что у нас генералов и адмиралов в несколько раз больше, чем в США, что у нас один генерал приходится на 700 военнослужащих, а в США — на 3400? Может быть, можно рассекретить хоть эти цифры? И почему у нас, судя по опубликованным недавно данным, такая запутанная структура Вооруженных Сил — не для увеличения ли числа генеральских должностей?

Число генералов имеет прямое отношение к наболевшему вопросу о социальных благах и привилегиях военного начальства (Вооруженные Силы скрывают их особенно усердно даже от соответствующей Комиссии Верховного Совета — знаю это от своих коллег-депутатов). И зря товарищ В. Медведев пытается утопить этот вопрос, смешав его с вопросом о тяготах, которые приходится терпеть советским военнослужащим. Многие из них действительно бедствуют, не имеют жилья, лишены элементарной социальной защищенности. Это наш общий и прежде всего Министерства обороны стыд и позор. Об этом, напомню, я говорил на Съезде, пытаясь предложить и пути скорейшего решения проблем — за счет сокращения какой-то части расходов на вооружения.

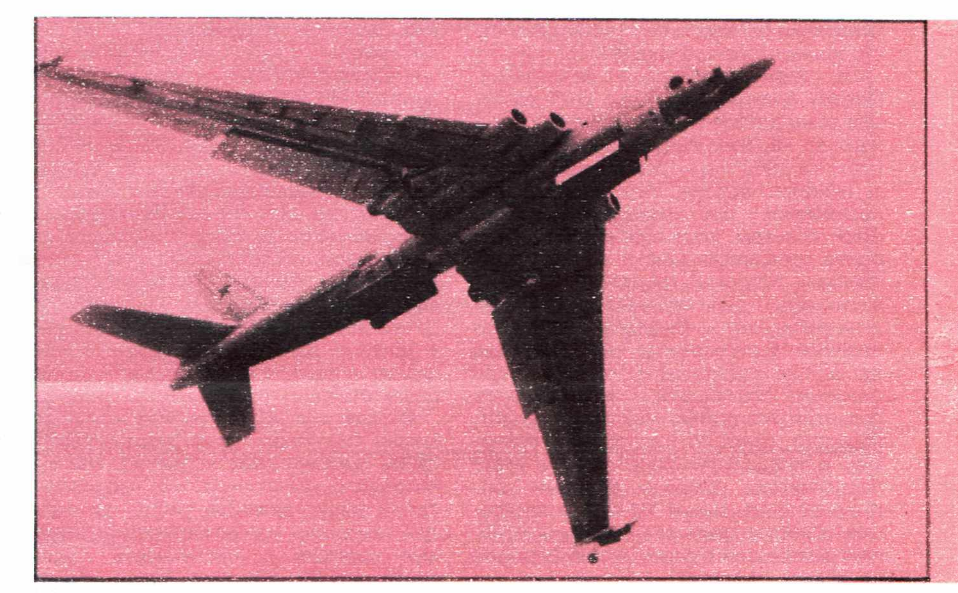
В. Медведев с этим не согласен. За счет средств Министерства обороны эти вопросы решать нельзя, пишет он, «так как его (этого министерства) статьи расходов и так определены минимальными потребностями обеспечения обороны». Так ли уж и определены? И действительно ли минимальными? Начальник Генерального штаба генерал М. Моисеев в своем интервью газете «Известия» 23 февраля сего года высказывает иную точку зрения: «У Вооруженных Сил огромный резерв экономии денежных и иных средств за счет более рационального хозяйствования». Не знаю, что он конкретно имеет в виду, но уверен, что Министерству обороны есть на чем экономить. Экономить не миллионы, а миллиарды.

Со своей стороны, предложил бы, например, такой вариант решения жилищной проблемы офицеров и прапорщиков. Число бесквартирных семей военнослужащих, как пишет генерал Медведев, составляет 180 тысяч. 2—3-комнатная кооперативная квартира стоит в среднем от 15 до 20 тысяч рублей. Значит, на 180 тысяч квартир нужно 1,5—2 миллиарда рублей. Если наш авианосец даже вдвое дешевле американского — одного из трех как раз хватит. А с учетом палубной авиации и кораблей сопровождения с лихвой хватит и на 100 тысяч квартир для военнослужащих, передислоцированных из стран Восточной Европы.

Ослабит ли это безопасность страны? Уверен, что нет. Наоборот, укрепит, так как улучшится моральное состояние да и здоровье 180 тысяч офицеров и прапорщиков, а ведь и в военных делах человеческий фактор имеет первостепенное значение. Кроме того, не надо будет сталкивать лбами военнослужащих с гражданскими, с трудящимися, которые по многу лет стоят в очереди за жильем и у которых предлагает отобрать его в пользу офицеров мой оппонент (хотя, разумеется, в трудной ситуации органы местной власти должны помочь Вооруженным Силам).

В общем, чем больше думаешь, тем больше утверждаешься в выводе — считать деньги, думать не только о ведомственных, но и о народных интересах наши генералы и генеральные конструкторы не научились. Оружия разного вида созданы горы — иногда складывается впечатление, что создатели его сегодня не знают, куда его деть.

Эти огромные завалы оружия, в значительной части ненужные, видимо, даже не поддающиеся должному учету

(попавший в печать факт об эшелоне «забытых» на железнодорожной станции в Калуге пушек, наверное, не единичен), создали благоприятную для злоупотреблений, даже преступлений, почву.

Рискну высказать предположение, что это наряду с подводными лодками, которые горят и тонут, самолетами, которые сами летают без пилотов, «дедовщиной» и многим другим — учащающиеся симптомы серьезной болезни наших Вооруженных Сил, всего военно-промышленного комплекса. Я бы назвал ее, эту болезнь, гигантизмом, осложняемым отрывом от реальных возможностей и потребностей страны и постепенным выходом из-под контроля общества. Излечить эту болезнь может только перестройка — перестройка не только во всем нашем обществе, но и в гигантской империи военной промышленности (ее конверсия, возвращение обществу — это особая, большая тема), а также, конечно, перестройка в Вооруженных Силах. Не должны у нас они превращаться в своего рода «государство в государстве».

И прежде всего восстановление контроля общества над Вооруженными Силами и военной промышленностью. Это, судя и по статье генерала В. Медведева, очень неудобный, даже неприятный,для военного начальства вопрос. Он попросту пытается его «заговорить». «Давайте порассуждаем вместе,— пишет он.— Механизм принятия решений, связанных со строительством, развитием Вооруженных Сил, а тем более их использованием как вне, так и внутри государства, известен». Далее, нехотя признавая, что «раньше все решал узкий круг политических руководителей» (военные руководители, заметьте, ни при чем), он рисует картину уже наступившего полного благополучия, лишающего маршалов и генералов права «на какие-либо вольности».

И ни слова по существу механизмов, которые обеспечили бы демократический политический контроль над вопросами огромной важности для народа — войны и мира, использования львиной доли промышленности и науки, бюджета, самых ценных природных и человеческих ресурсов, применения Вооруженных Сил за рубежом и внутри страны. Это, как он заявляет, «известно», и сегодня без решения высших органов ни один крупный вопрос не решается.

Более высокопоставленные военные руководители не так лапидарны, развивают эту тему подробнее. Например, Д. Т. Язов рассказывает, что «для выработки концепции строительства Вооруженных Сил в 1991—1995 годах и на период до 2000 года образована специальная комиссия» в составе представителей Верховного Совета СССР и других учреждений. А генерал М. Моисеев утверждает, что «буквально каждый рубль, целесообразность его использования прошли гласное и открытое обсуждение на Совете Обороны, в ЦК партии, в Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности, на сессиях Верховного Совета».

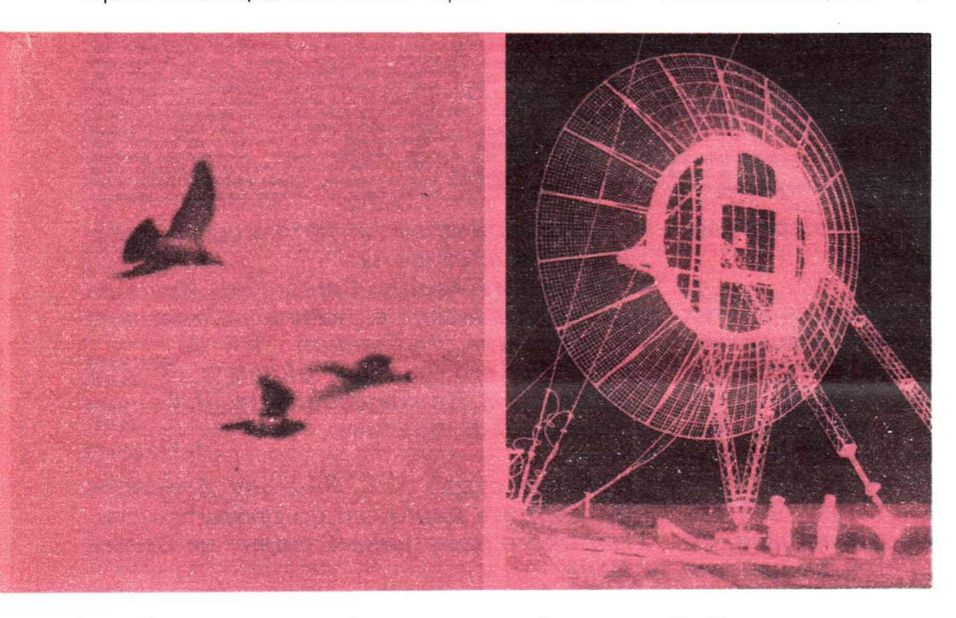
Если это правда, я рад. Но я об этом узнаю с их слов впервые, мне об этом до сих пор ничего не было известно. Хотя я член ЦК КПСС и народный депутат СССР, председатель одного из подкомитетов Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. Со всей ответственностью утверждаю — я не только не участвовал в таких обсуждениях, но даже и не слышал, чтобы, во всяком случае, в Верховном Совете СССР и его комитетах, военный бюджет на 1990 год всерьез рассматривался. Не говоря уже о «каждом рубле».

Не внушает большого оптимизма и работа Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности. Генерал В. Медведев может, как он хочет, передергивать мою мысль и приводить любые цитаты о значении слова «лоббизм» из политических словарей, но дела это не меняет — нет другого парламента в мире, в котором добрую половину такого комитета составляли бы представители руководства военного ведомства и военной промышленности. Как нет и другого парламента, в котором вообще заседало бы такое количество генералов (одних заместителей министра обороны 14 из 15) и руководителей крупнейших военно-промышленных фирм.

Нет, дело здесь совсем не так благополучно, как пишет В. Медведев, как пытаются нас убедить генералы Язов и Моисеев. Механизмы принятия решений, демократического контроля в этой важнейшей для народа и государства сфере, необходимые законы и процедуры еще только предстоит создать.

Еще один важный вопрос — об оценке военной угрозы. Это, собственно, центральный вопрос для всех решений в области обороны: об ассигнованиях, программах вооружений, размерах Вооруженных Сил. И здесь, как явствует и из статьи В. Медведева, у некоторых военных деятелей своя, особая точка зрения.

Генерал выражает, в частности, свое несогласие с моим утверждением о том, что «новые политические подходы и установки уже привели к снижению военной опасности». Это, мол, может вызвать «благодушие», это «излишний оптимизм». Серьезные обвинения. Но спорит он здесь отнюдь не со мною, не с моей статьей, а с нашей новой политикой. Если не снизилась военная опасность, разве можно в одностороннем порядке сокращать на полмиллиона армию, пускать на металлолом десять тысяч танков и множество другого оружия? Конечно, я бы без труда мог сразить генерала цитатой из недавнего интервью М. С. Горбачева газете «Правда»: «В мировую и европейскую политику включены такие мощные силы, что реальная военная опасность существенно снижена, идет процесс формирования принципиально новой системы международной безопасности».

Но дело в конце концов не в цитатах — то, что международная обстановка за последние годы изменилась, а военная опасность снизилась, ясно каждому, кто живет с открытыми глазами, читает газеты, слушает радио, интересуется тем, что происходит вокруг.

Так почему же этого не видят, не признают некоторые высокопоставленные военные (кстати, не только наши, но и американские — здесь тоже «зеркальное» отражение, порожденное, возможно, сходством ведомственного интереса)?

Мой критик, видимо, понимает, что этот вопрос возникает у каждого его читателя. И спешит потому заверить, что армия «имеет достаточно возможностей для получения полных данных не только об истинном состоянии военных потенциалов каждого отдельно взятого капиталистического государства, но и о перспективных планах их военных союзов». «Поэтому,— восклицает он,— заподозрить в необъективности и некомпетентности военных трудно».

Хотелось бы, чтобы дело обстояло так. Но пока это не звучит убедительно. Почему один генерал за другим строит выводы о динамике военных расходов другой стороны скорее по темпам инфляции, чем по реальным ассигнованиям? И почему министр обороны СССР Д. Т. Язов в интервью «Правде» от 23 февраля сего года повторяет уже подвергшиеся критике подсчеты маршала С. Ф. Ахромеева с оценкой численности американской регулярной армии? В нее последний зачислил 1155 тысяч резервистов и членов национальной гвардии США. Неужто министру обороны не сообщили, что цифры эти неверны, что они завышают численность американских военнослужащих на целую треть? И если бы американцы считали так же, как С. Ф. Ахромеев, численность Советских Вооруженных Сил, они имели бы все основания к заявленным нами 3,99 миллиона добавить 200 тысяч пограничных войск (эта цифра недавно была обнародована. Поскольку по другим пунктам советских данных нет, даю здесь и далее оценку уважаемого специалистами Лондонского Международного института стратегических исследований), 340 тысяч внутренних войск, 540 тысяч железнодорожных и строительных войск, а также 5,5 миллиона человек, состоящих в резерве первой очереди. Если цифры неверны, то пусть, как говорится, военные товарищи меня поправят, но, по методике тов. С. Ф. Ахромеева, у нас получается уже регулярная армия в 10,6 миллиона человек!

Что это — некомпетентность или необъективность? Или просто ведомственное лукавство, попытка завысить военную угрозу, чтобы получить больше денег, оружия, людей? И то, и другое, и третье сейчас неуместно. Слишком сложный, слишком трудный для таких игр период переживает страна.

Думаю, что нельзя давать монополию военным на оценку угрозы войны. Так же, как, разумеется, нельзя производить эту оценку без учета их мнения. В этом, как и многих других вопросах, действительно нужен диалог военных и гражданских специалистов. Включая даже их специальные аспекты — например, степень вероятности большой «обычной» (то есть осуществляемой обычными вооружениями, без применения ядерного оружия) войны между СССР и США. Мне она представляется столь же немыслимой, как схватка слона с китом, но наши военные, так же как и некоторые американцы, считают ее вполне возможной, на этом стоят, этим оправдывают множество крайне дорогостоящих военных программ. Я думаю, вопрос этот надо серьезно, притом публично обсуждать и внутри страны, и в наших контактах с американскими парламентариями, специалистами и представителями общественности. То же самое относится к другим сценариям, которые пугают военных (или которыми они пугают нас),— например, о возможности создания оружия, выводящего из строя электронику и делающего поэтому беззащитной жертву агрессии.

Стоит в повестке дня и более широкий вопрос: выявить, какое место и удельный вес военная опасность занимает среди прочих угроз безопасности страны (в одном из Комитетов Верховного Совета СССР, руководимом академиком Ю. А. Рыжовым, был подготовлен интересный документ, исследующий некоторые подходы к решению этой задачи). Думаю, что здесь особенно нетерпимы попытки претендовать на свой ведомственный приоритет в решении этой задачи и на этом основании устанавливать свою монополию на патриотизм (ведь даже в словаре нашем есть только «военно-патриотическое воспитание» и нет «гражданско-патриотического»). Стране угрожают сегодня — это, конечно, мое личное мнение, и я не претендую на его бесспорность — скорее не военная опасность, а угроза развала экономики и экологических катастроф, усиление социальной и национальной напряженности. Чтобы их, эти угрозы, отвратить, нужны дорогостоящие программы, которые теперь должны конкурировать с военными при рассмотрении бюджета. Имея при этом не меньше оснований ждать внимательного к себе отношения как к программе патриотической, нужной Отечеству.

В заключение рискну все-таки откликнуться на призыв генерала Медведева и, как он пишет, «подсказать» — без всяких претензий на абсолютную истину, конечно,— как обеспечить надежную оборону страны при сокращении военных расходов в 1,5—2 раза.

Во-первых, за счет новых политических подходов и установок, дальнейших усилий в политике мира и разоружения, к которой генерал относится с неоправданным пренебрежением.

Во-вторых, за счет эффективной военной реформы. Надо, наконец, перестать браниться и всерьез эту проблему обсудить. Отказавшись от неверных, тенденциозных рассуждений о том, что она нам не по карману. Рассуждения эти вызывают лишь все новые сомнения — ну как может наш начальник Генерального штаба, споря против идеи профессиональной армии, в два раза завышать в цитировавшемся интервью расходы США на содержание личного состава вооруженных сил США? Пентагон тратит на эту статью не свыше 50%, как утверждает генерал, а 26—27% своих ежегодных расходов. А до перехода на профессиональную армию тратил, кстати сказать, 38%. Вот чего стоят рассуждения о том, что для нас содержание профессиональной армии обошлось бы в 5—8 раз дороже, чем сейчас (кстати, Д. Т. Язов буквально в тот же день, только в «Правде», а не в «Известиях», привел другую цифру — как минимум в три раза; не говорит ли этот разнобой сам по себе о сомнительной точности таких подсчетов?).

В-третьих (и это непосредственно связано с реформой), за счет переноса упора с количества на качество, отказа от установки на огромные количества оружия, на огромную армию. Мы, имея наряду с самыми совершенными видами оружия, в том числе оружия массового уничтожения, четырехмиллионные Вооруженные Силы, как-то забываем о том, что после гражданской войны и до 1927 года защиту наших границ (притом во враждебном окружении) обеспечивала 500-тысячная, а до 1937 года — менее чем полутрамиллионная Красная Армия. И уж как получилось, что даже для ограниченной по размерам январской операции в Баку этой огромной армии не хватило и пришлось призывать резервистов — я просто отказываюсь понимать. Дело, наверное, все же не в количестве, а в качестве — в данном случае в качестве управления.

Мы смогли убедиться, что и в военном деле большие количества и высокое качество несовместимы (во всяком случае, при наших технических и экономических возможностях). Весь наш опыт, начиная с опыта Отечественной войны, при этом свидетельствует, что качество важнее. Особенно сегодня, когда мы имеем дело с очень сложной военной техникой. В моей депутатской почте немало писем военнослужащих, жалующихся на то, что качеством вооружений в погоне за количеством у нас продолжают пренебрегать. Я не готов солидаризироваться с авторами одного из них, обвиняющими военное руководство и военную промышленность в «противоправных сделках», утверждающих, что «в основу деятельности военно-промышленного комплекса заложена безнравственная философия: войны не будет, а если будет, то не останется ни ответчиков, ни истцов». Но подозрения эти рождаются на почве реальных фактов. И главный из них — такие количества нам просто не под силу (как, впрочем, и американцам, которых непомерные военные расходы за какие-нибудь десять лет сделали самым большим в мире должником и подорвали их конкурентные позиции на мировом рынке).

Вносилось нашими специалистами и много других предложений о том, как сократить военные расходы, не жертвуя обороноспособностью, наоборот, укрепляя ее. Ибо надежная оборона нам остается необходимой и в будущем — более надежная и менее дорогая, чем сегодня.

Пора уже начать широко и не келейно обсуждать пути ее обеспечения (кстати, это делалось у нас в 20-х годах и даже делалось в Государственной думе до революции, хотя царская Россия никогда не была эталоном демократизма). Страна, ее безопасность, наши Вооруженные Силы от этого только выиграют.

У меня вызывают недоумение попытки изобразить в виде шельмования (армии ли, партии или правительства) любое проявление гласности, саму нарождающуюся практику задавать вопросы и критиковать. Я хорошо представляю себе, что критика и гласность приносят неприятные ощущения, дискомфорт — мне, как и другим ученым, это не раз приходилось испытывать на собственной шкуре. Но мы не поднимаем крика о «шельмовании», не просим «обуздать» средства массовой информации, не ищем защиты у руководства. Может быть, дело в том, что гласность особенно болезненно может восприниматься с непривычки — теми, кто раньше был от таких переживаний надежно огражден? Но знаем мы и другое — как дорого обошлись стране, обществу зоны, закрытые от критики. И не только стране, но и тем, кто был огражден от свежего ветра гласности и потому начинал серьезно болеть.

Думаю, что по существу ответил в настоящей статье на «критический залп», выпущенный по мне маршалом С. Ф. Ахромеевым («Красная Звезда», 8.04.1990 г.) и генерал-майором Г. Кириленко («Литературная Россия» и «Красная Звезда», 21.03.1990 г.),— во всяком случае, по существу их основных аргументов.

Что касается формы, личных выпадов, фраз и даже элементов выдержанного в лучшем стиле сталинских времен политического доноса, то это я оставляю на совести генерала. Впрочем, надеюсь, что мне удастся ответить на эти выпады отдельно.

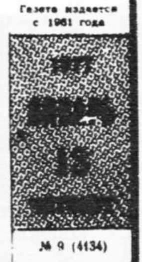
Не хотел бы, чтобы эта моя статья была понята военными товарищами как вызов, как конфронтация. Я исхожу из того, что есть немало вопросов, совместное, уважительное обсуждение которых было бы полезным. Я исхожу из того, что у нас есть чему поучиться друг у друга. Я исхожу из того, что все мы честные советские люди, которые хотят одного и того же — процветания Родины и ее безопасности от всех внешних и внутренних угроз и, конечно, блага для наших Вооруженных Сил, их успешной перестройки.

Если товарищи с этим согласны, давайте переходить от конфронтации и взаимных обвинений к честному, принципиальному и доброжелательному диалогу. Без всякого лукавства.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Волжская правда

Газета издается с 1961 года

№ 9 (4134)

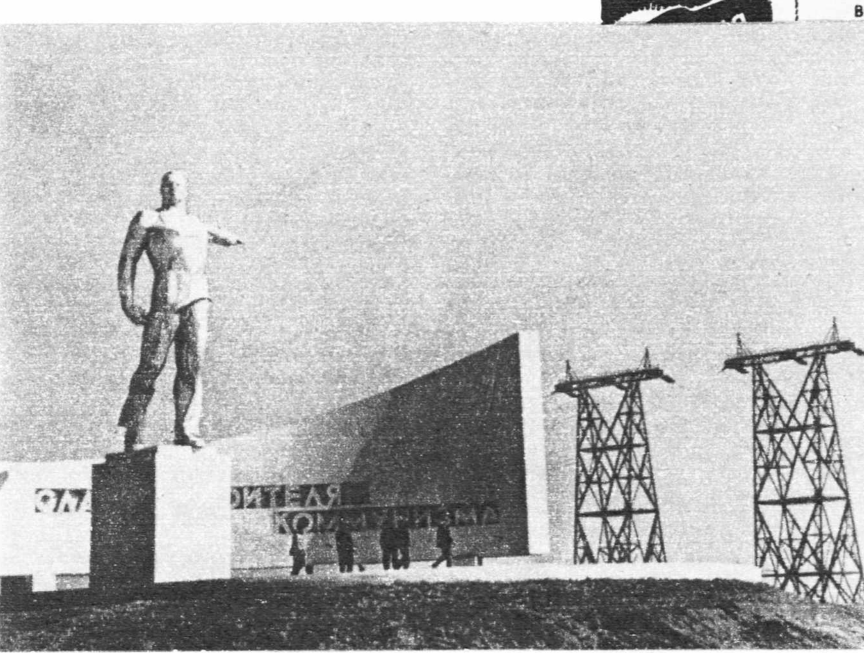
ОРГАН ВОЛЖСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КПСС И ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Цена 2 коп.

СЕГОДНЯ МЫ ВВОДИМ НОВУЮ РУБРИКУ. МАТЕРИАЛЫ ПОД ЭТОЙ РУБРИКОЙ ПОСВЯЩАЮТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ВОЛЖАНЕ ОДОБРЯЮТ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС, [illegible] МИНИСТРОВ СССР, ВЦСПС И ЦК ВЛКСМ «О ВСЕ[illegible]М СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ ЗА ПО[illegible]ИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И КАЧЕСТ[illegible]ТЫ, УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЯ ДЕСЯ[illegible]ИЛЕТКИ.

[illegible]ПРАВДАЕМ

[illegible]хоза «Лебяжья поляна» Среднеахтубинского района будет подано миллион кубических метров воды.

В ответ на постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение заданий десятой пятилетки» наш коллектив активизировал усилия за досрочное завершение принятых обязательств.

В. НАУМКИН, [illegible]

УСИЛИЯМИ

[illegible]ца М. И. Зернюкова, шероховщик П. Г. Тростинский, приватчица Л. Н. Григорьева.

Вдохновленный достигнутыми успехами коллектив с хорошим настроением начал второй год пятилетки.

В постановлении о Всесоюзном социалистическом соревновании указаны конкретные пути выполнения планов юбилейного года.

Н. КОРЕШКОВА, работница [illegible]

ЦЕЛЬ ЯСНА

121 тысяча рублей — такова итог годовой экономии сырья и энергоресурсов в нашем цехе. С первых дней десятой пятилетки коллектив идет в четком ритме. Особенно стабильно трудится смена «Б», возглавляют которую Александр Тарасович Кирьянов и Геннадий Станиславович Болонкин. План 1976 года выполнен к 15 декабря. Дополнительно дано сотни тонн бета-нафтола. Взвесив свои силы, мы решили добиться увеличения производительности труда в 1977 году на 19 процентов, сверх плана дать 1[illegible]0 тонн бета-нафтола. Таков ответ химиков на постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Н. БОЛЬШАКОВ, [illegible]

ИНЖЕНЕР-СТРОИТЕЛЬ ИВАНОВ

Кирилл Сергеевич Иванов известен в [illegible] давно, потому как живет и работает здесь почти два десятка лет. Многие встречали его на строительстве гидростанции, предприятий химкомплекса, других заводов города. Видели на совещаниях, в торжественных праздничных колоннах демонстрантов, а кому повезет — и на охоте. Знают, что награжден он орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета», рядом медалей. Удостоен высокого звания «Заслуженный строитель РСФСР». Член партии с 1944 года. А близкие с ним люди да кадровики добавят к этому, пожалуй, и то, что биография К. С. Иванова [illegible]

Сталин, как известно, предложил свой способ решения стратегической задачи экономики: рабовладельческий труд. Сооружение Беломорско-Балтийского канала и канала Москва — Волга руками «врагов народа», осужденных по пятьдесят восьмой статье, укрепило его в сознании своей правоты. И тогда было решено распространить этот опыт на иные гидротехнические стройки, такие, например, ГЭС, как Угличская, Рыбинская, Цимлянский гидроузел, Волгоградская и Куйбышевская электростанции... За колючую проволоку были загнаны миллионы.

О том, как жилось человеку в этих «страшных, еще не существовавших на нашей планете местах рабского, принудительного труда», рассказывает в своих записках один из старейших гидростроителей страны, К. С. Иванов. В 1938 году молодой специалист, с отличием окончивший институт, был направлен инженером-проектировщиком на Волгострой и с тех пор стал невольным свидетелем и летописцем чудовищного произвола.

О жизни Кирилла Сергеевича Иванова рассказывается в книге «Советские энергетики», изданной к 50-летию ГОЭЛРО, его имя там рядом с биографиями Г. М. Кржижановского, П. Г. Смидовича, Л. Б. Красина...

Волею судеб К. С. Иванову довелось руководить работами по демонтажу гигантского памятника Сталину на Волго-Доне.

Кирилл ИВАНОВ

ЭТО БЫЛО НА «ВЕЛИКИХ» СТРОЙКАХ

КЛЕЙМЕНЫЙ

Работая на строительстве волжских гидростанций, я весною тридцать девятого года приехал по делам на Переборский левобережный механический завод. В техническом отделе завода, где тогда работали только заключенные, никого не было. «А где же все работники?» — спросил я у сидящего в углу курьера. «Пошли клеймиться». «Как клеймиться?» «Да вот приказ вышел, всем, у кого вольная плата, или сдать ее или заклеймить. Подождите, сейчас придут». И действительно. Не прошло и пяти минут, как в комнату вбежали три молодые женщины, на светлых кофточках которых спереди и сзади очень ярко выделялись прямоугольные клейма размером примерно 10 на 15 сантиметров. Посередине клейма легко можно было прочесть «Волголаг НКВД». «Ну, как?» — говорила одна. «Ничего. По-моему даже оригинально, вот сейчас мы поздравим Николая, а то он все очень близко принимает к сердцу». Между тем по одному, по два в комнату входили клейменые люди и, не глядя друг на друга, рассаживались за чертежными досками. Вот в дверях появился бледный как снег мужчина. На его потрепанном сером костюме ярко выделялись два клейма.

«Ха, ха, ха,— встретили его женщины.— «Ну, гражданин клейменый, как ваше самочувствие?» Я взглянул на вошедшего. Его лицо было искажено. Женщины вдруг замолкли, притихли. В большой комнате наступила гробовая тишина. Вошедший молча подошел к одному из чертежных столов и положил руку на доску. А люди молчали и смотрели куда-то вниз, на пол, в углы комнаты. Потом в этой ужасной тишине раздался частый тихий стук — это дрожали руки вошедшего, ударяясь о чертежную доску.

Он стоял, высокий, бледный, как-то странно лучезарный над своими притихшими собратьями. Его губы что-то шептали. И в этой жуткой тишине я расслышал слова его шепота: «Клейменый, а не раб. Клейменый, а не раб».

В БУФЕТЕ

До прихода московского поезда оставалось еще более двух часов. В полутемном помещении Калязинского вокзала, до предела забитого пассажирами, было душно. Я вышел на улицу.

Сухая поземка металась по перрону.

Резкий северо-восточный ветер дул со стороны Углича, поднимая тучи холодной морозной пыли. Спасаясь от холода и пронизывающего ветра, я зашел в буфетный киоск, стоявший в конце перрона. Две стеариновые свечки тускло освещали прилавок и два столика, примкнутых к противоположным стенам киоска. За одним столом сидела группа людей, другой был свободен, и, взяв у прилавка стакан чаю, я уселся.

Люди за соседним столом угощали друг друга водкой, чокались и громко разговаривали. В неясной полутьме

я различил одного, одетого в форму офицера МВД.

«Нет, ты скажи нам, Васька, скажи,— говорил кто-то за столом,— зачем ты пошел в эти «фараоны», ведь ты был хорошим слесарем, имел уже шестой разряд, ну был — потом мастером и работал бы как все».

«Вы послушайте меня, ребята,— отвечал другой голос.— Ну был бы я слесарем, зарабатывал бы, как вы, от силы шестьсот рублей. Ну, там вычеты, заем — шестьдесят рублей, налог, квартира, вот тебе и останется на руки за месяц четыреста пятьдесят. А вот теперь давайте подсчитаем. Вот мой слесарный заработок, возьмем без вычетов, в месяц шестьсот рублей, за год — семь тысяч двести. А здесь я получаю в месяц денежное довольствие тысячу двести — это в год, значит, четырнадцать с половиной тысяч. За звание, я ведь лейтенант, в месяц семьсот — это в год восемь с половиной. Пайковые в месяц четыреста — это в год пять тысяч. За выслугу лет пятнадцать процентов к зарплате — это две тысячи в год. Обмундирование — три тысячи. Квартира бесплатная, это, считай, по сто рублей в месяц, опять тысяча двести в год. Налогов никаких — это, пусть будем считать по моей слесарной зарплате, пятьдесят в месяц, в год составит шестьсот рублей. Теперь отпуск: слесарем я имел четырнадцать дней, а здесь — месяц календарный да проезд еще восемь дней — это, значит, всего тридцать восемь дней вместо четырнадцати. Это, если подсчитать по моей слесарной зарплате, и то пятьсот рублей. Вот так, когда все подсчитаешь, и выходит тридцать пять тысяч вместо семи-то, а потом каждый год бесплатная путевка в Кисловодск или Сочи с бесплатным проездом в мягком вагоне. Вот теперь и подумай, зачем я пошел в «фараоны».

Энкаведешник говорил уверенно, быстро называя цифры, которые он, видимо, хорошо изучил. «А работа там, на заводе?! — продолжал он.— С гудком приди, с гудком уйди, да весь день вкалывай без отдыха, а то и тех шестьсот рублей не получишь. А здесь, в лагере, не работа, а малина: когда придешь, когда уйдешь, никто тебе ничего не скажет. Числюсь оперуполномоченным, дела у меня оперативные, секретные. Захочу, неделю дома сижу. Ну, налей, Ванюха, да еще заказывай — на́ денег».

ИВАН КОМИССАРОВ

Летом 1951 года на монтаже портальных кранов, которые собирались недалеко от будущего здания Цимлянской гидростанции, работала бригада заключенных Сторгая — Старчевского. Бригада работала хорошо, слаженно, и тридцатиметровые краны весом по двести тонн один за другим выезжали на бетоновозную эстакаду.

Как-то в середине августа, придя на монтаж кранов, я увидал, что бригада не работает, а, собравшись в кружок, что-то взволнованно обсуждает. Это было необычно. Люди были чем-то выбиты из своего обычного распорядка. Когда я с бригадиром, осмотрев ход монтажа, собирался идти дальше, бригадир начал говорить. «Нехорошо у нас вчера в лагере получилось. Пришли к нам за «положенными», наши все отдали, а вот Комиссаров отказался. Что ему в голову вступило? Меня в бараке не было, а ребята не смогли его уговорить. Он еще толкнул сборщика, тот полез драться. И надо же в это время идти какой-то московской комиссии!

Услыхали крик.

Комиссаров все объяснил.

Они приказали сборщика отправить в штрафной. Его прямо туда и увели. Несдобровать теперь нашему Ивану. Вот уговариваем его идти к «паханам» и отдать им годовую зарплату, бригада согласна ему все свои деньги отдать, да не хочет слушать. Наверное, письмо из дома так на него подействовало, сын у него умер. Теперь не жить ему».

Утром следующего дня бригадир встретил меня с почерневшим и осунувшимся лицом. «Ну, отжил наш Иван, как говорится. Царство ему небесное». «Что случилось?» «Да случилось то, что и должно было случиться. Вчера в барак вошел надзиратель. Иван сидел на нарах и курил вместе со всеми. Надзиратель подошел к Ивану и начал на него кричать, почему он курит в бараке, а не на улице, и потом приказал ему идти вместе с ним к начальнику. Иван как чувствовал. «Прощайте,— говорит,— братцы, не поминайте лихом». Его тут же на «черный ворон» и в штрафной — это туда, куда вчера из-за него посадили сборщика «положенных». Наши знали, что на смерть Ивана отправляют. Почти всю ночь бригада не спала. А под утро нам уже сообщили, что через час, как его привезли в штрафной, на вахту подкинули голову. Вот и жизнь кончилась — отрубили Ивану голову».

Примерно через час в здании так называемого командного пункта начальника строительного района я встретил одного знакомого оперуполномоченного. «Что за чепе у вас в штрафном?» — спросил я. «Не знаю. Как будто бы все в порядке»,— ответил он. «Да нет, как будто бы там что-то случилось». «А вот сейчас проверим»,— ответил оперуполномоченный, снимая телефонную трубку. «Алло. Штрафной? Кто это? А, это ты, Николай! Что это там у вас за чепе? Нет никакого?! Ну, я так и думал, все в порядке. Ах, голову... Ну, это ерунда, это я еще вчера вечером слышал. А нового ничего нет? Ничего. Ну, бывай здоров!» — Он положил трубку, обернулся ко мне и, пожимая плечами, сказал: «Ничего нет. Все в порядке. Это так, наверно, лагерная параша. Убили одного, да и отрубили его голову. Ну, это уже их дело, у «урок» свои законы, мы предпочитаем в них не вмешиваться».

РАДОСТЬ

Весною 1944 года на работах по ремонту затворов Угличской плотины работало много заключенных.

Среди общей массы худых, грязных, изуродованных нравственно и физически людей выделялся один человек, на которого нельзя было не обратить внимания. Немного выше среднего роста, блондин с голубыми глазами, с правильными чертами лица, складной фигурой, одетый в военную гимнастерку, он приковывал к себе внимание. Он был скромен, от него никогда не было слышно той ужасной лагерной ругани, которая всегда сопровождает толпу заключенных, не приставал к проходящим по плотине женщинам и все время работал на наладке электрической части механизмов плотины.

Через бригадира мне удалось узнать, что его привезли с последним этапом, что у него 193-я военная статья, он один сын у матери, перед армией — студент электротехнического вуза.

И вот однажды этот человек после работы не явился к месту сбора бригады. Всю колонну продержали у вахты почти до утра и двое суток с плотины не снимали зоны оцепления.

На третий день после его исчезновения, идя по плотине, я увидел стоявшего у перил пешеходного мостика начальника караульной охраны лагеря. Этот обычно очень бравый «капитан», говоривший всегда самоуверенным баритоном, теперь с удрученным видом стоял у перил и смотрел в воду.

— Какое несчастье,— совершенно упавшим голосом говорил он, обращаясь ко мне.— Как это могло случиться? Как он мог убежать? Ведь знаешь, что теперь могут со мною сделать?!

Он снизил голос и с нескрываемым ужасом прошептал: «Фронт, могут послать на фронт, а у меня четверо детей. Какое несчастье!»

Я снова встретился с ним почти на том же месте через два дня.

Завидя меня, он замахал мне фуражкой и своим обычным бархатным баритоном первого любовника оперетты закричал: «Здесь, здесь. Нашел! Нашел!»

И быстро подойдя ко мне навстречу, он говорил, улыбаясь: «Ну, конечно, он найден! Куда он мог убежать. Я так и знал, что он никуда не денется».

— Пойдем, пойдем покажу,— говорил капитан и тащил меня к пролету плотины.— Вот он куда делся,— сказал капитан, показывая мне рукой в пролет.

Я посмотрел вниз и увидел несколько бревен, слегка колыхавшихся в потоке воды, фильтровавшейся через затвор плотины.

В воде плавало тело. Я сразу узнал его по гимнастерке, по широким плечам и белокурой голове.

Я взглянул на капитана. Сколько искреннего счастья было в его глазах!

ЗЕМЛЯНКА УДОВОЛЬСТВИЙ

Как-то в начале лета 1952 года, когда я сидел у начальника шлюзового района Цимлянского гидроузла майора Климина и вместе с главным инженером Трегубовой разбирал очередность монтажных работ, в кабинет вошли начальник строительства и лагеря полковник Барабанов и главный инженер строительства Разин.

Мы быстро встали, приветствуя начальство.

Барабанов сел за стол, снял фуражку и, обтирая платком свой красивый лоб, сурово сказал: «Чаю». На звонок Климина в кабинет вошел молодой заключенный.

«Быстро чаю»,— приказал Климин. У Барабанова было хорошее настроение, он улыбнулся и, глядя на Климина своими проницательными глазами, вдруг спросил: «В землянку ходил?»

«Какую землянку?» — удивленно переспросил Климин. «Не знаешь, какую? — ответил Барабанов.— Весь гидроузел знает, а он не знает!» И Барабанов сказал: «Третьего дня ликвидировали в зоне плотины одно заведение». Оказывается, там организовали «землянку удовольствий». Выкопали котлованчик, соорудили в нем целое здание, а сверху песком засыпали. Вход самый неказистый, как в простую прорабку, но зато как внутри отделано! Прихожая, коридор, зал и штук шесть отдельных кабинетов. Стены оклеили дорогими тиснеными обоями. Натаскали ковров, картин, мягкой мебели, провели водопровод, канализацию, установили радиоприемник, радиолу и организовали там увеселительное заведение. Назначили одного заключенного «директором» этого заведения, собрали из лагерей самых красивых девок, произвели им полный медицинский осмотр, и вот, «граждане начальнички», кто хочет «молоденьких», приходите, пожалуйста. В зале на столе положили альбом в дорогом сафьяновом переплете, и там фотографии всех этих девок, как говорится, в натуральном виде, без всякой мануфактуры и во всех проекциях.

И знаете, кто в эту землянку ходил? Мои заместители, и те похаживали, со званием ниже майора туда не пускали. «Вот какие дела бывают»,— закончил Барабанов.— А где же чай?» Климин выбежал из кабинета, разговор перешел на другие темы.

При воспоминании об этом случае мне захотелось осветить одну из сторон положения женщины в наших лагерях, частично по личным наблюдениям, а частично по рассказам людей, с которыми мне приходилось встречаться за последние восемнадцать лет, и рассказать об использовании заключенных женщин в качестве наложниц, в качестве «живого товара» административным персоналом лагерей.

В каждом лагере, где есть заключенные женщины, всегда имеются совершенно не прикрытые дома терпимости. Наложниц имеют все — от начальника лагеря до последнего конвоира. Отбор начинается с момента поступления их в лагерь. Поступившие с этапа женщины проходят медицинский осмотр, причем врач под предлогом определения беременности выявляет девушек, которые затем берутся на учет и поступают частично как «лакомство» для высшего начальства лагеря или частично как «лакомство» сохраняются до приезда более высокого начальства из центра. Отобранных женщин хорошо кормят, освобождают от всех работ, одевают в дорогие платья.

Большинство миловидных женщин, попавших в лагерь, неизбежно гибнут в грязи этого лагерного разврата, если у них не хватит силы воли покончить свою жизнь самоубийством. И никто, никакая сила, не спасет эту женщину от черной грязи невыразимого растления души и тела. Если попавшая в лагерь женщина откажется от первого предложения, она по самому пустяковому предлогу будет избита уголовницами до потери сознания.

Если теперь она с лицом, покрытым синяками и кровоподтеками, с вырванными волосами все же не даст согласия идти в наложницы, то она немедленно будет отправлена в карцер, где ее неделями будут морить голодом, и, если и здесь она не будет сломлена, ее переведут в штрафной лагерь, где она для острастки остальным женщинам будет «пущена под трамвай»,— подвергнута массовому изнасилованию.

СВЕРЖЕНИЕ ИСТУКАНА

«Зайдите сейчас в кабинет»,— обратился ко мне начальник Сталинградгидростроя Александров, которого я встретил в управлении строительства в три часа дня девятого ноября 1961 года.

Я поднялся. «Есть решение,— сказал Александров, когда мы уселись в кресла,— срочно демонтировать памятник Сталину у входа в Волго-Донской канал, и эту работу вам придется взять на себя». В то мгновение все мое существо вздрогнуло, и, сдержав охватившую меня радость, я спокойно ответил: «Будет сделано».

Александров, сняв трубку телефона «ВЧ», попросил соединить его с первым секретарем обкома партии Школьниковым. «Николай Алексеевич,— начал Александров,— что, батю будем снимать?»

«Да, да,— услыхал я голос Школьникова,— начинайте, днями оформим решение, только будьте осторожны, делайте все наверняка».

На следующее утро десятого ноября мы вместе с главным инженером участка треста «Гидромонтаж» Михаилом Карловичем Дзюбой выехали для осмотра памятника. От города Волжского до места, где стоит памятник, около шестидесяти километров. Юркий «ГАЗ-69» быстро промчался по новому мосту через гидростанцию, пролетел вираж у открытого распредустройства и, выйдя на главную магистраль, помчался дальше к Тракторному заводу, к Сталинграду. Один за другим промелькнули слева от нас гигантские заводы, и вот уже автомобиль мчится мимо знаменитого Мамаева кургана.

Километров через двадцать, за Бекетовкой и Судостроительным заводом, сворачиваем под железнодорожный путепровод, затем квадратная площадь бывшей немецкой колонии, потом крутой поворот направо, и машина выносит нас на красивый арочный мост через Волго-Донской канал, смотрю влево и с моста вижу его. Мне видны только спина и голова. Вот он, самый большой памятник кровавому тирану, поставленный им самим в расцвете своего господства, в расцвете торжества лагерного рабства в нашей стране! Быстро подъехав, мы увидели около памятника черный автомобиль «Волга» с номером 00-02, то есть номером большого областного начальства. Увидя нас, из «Волги» вышли председатель облисполкома Чмутов, председатель городского Совета Дементьев и Александров.

Мы все подошли к памятнику. Со стороны берега на гранитном двадцатиметровом пьедестале была установлена двадцатичетырехметровая фигура Сталина. Еще грандиозней сооружение выглядело со стороны Волги.

Общая высота памятника до уровня

Волги составляла свыше восьмидесяти метров.

Через день, то есть утром 12 ноября, удалось найти чертежи фигуры и было приступлено к проекту организации работ. Сама фигура Сталина была изготовлена из красной чеканной меди толщиною 2,5 миллиметра. Внутри памятника находился мощный металлический каркас, своими концами забетонированный в верхнем перекрытии пьедестала. От каркаса отходили специальные конструкции, к которым уже крепились анкеры, удерживающие красномедную оболочку фигуры. Вес оболочки красной меди составлял двадцать тонн. Вес каркаса — 110 тонн. Если длина пальца у человека около восьми сантиметров, то длина пальца у фигуры — 112 сантиметров, то есть более 1 метра!!!

К вечеру четырнадцатого ноября проект организации работ по демонтажу монумента был в основном готов.

Утром пятнадцатого ноября Александров сообщил мне, что состоялось специальное решение облисполкома о снятии этого памятника Сталину и что весь металл фигуры и каркаса надлежит отвозить в расположение воинской части и ни в коем случае не сдавать какой-либо металл на базу металлолома, дабы население не видело остатков памятника. С этого же вечера у памятника началось круглосуточное дежурство агентов КГБ и милиции. Один из этих агентов, Копаев, сотрудник Красноармейского отдела КГБ, сразу начал меня убеждать в необходимости соблюдения в строжайшей тайне всей нашей работы, так как, по его словам, «наши враги» уже начали расклеивать по городу прокламации с призывами «защищать памятник, как в войну защищали Сталинград», и т. д. Поздно вечером того же дня, устроив всех монтажников в местной гостинице, я к ночи возвратился домой. Утром 16 ноября, придя на работу, получил официальное решение облисполкома с резолюцией Александрова о сносе памятника.

Привожу текст этого документа:

«Входящий № 1/2742 от 15.XI.61 г.

Входящий № 48/691 от 15.XI.61 г.

Выписка из решения исполнительного комитета Волгоградского областного Совета депутатов трудящихся от 11 ноября 1961 года № 20/505 § 57

О снятии скульптуры Сталина, установленной при входе в Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.

На XXII съезде КПСС с особой силой были вскрыты новые факты о грубых нарушениях Сталиным ленинских заветов, злоупотреблении властью, массовых репрессиях против честных советских граждан и других действиях в период культа личности Сталина. На многочисленных собраниях и митингах при обсуждении о переименовании города трудящиеся возбудили ходатайство о снятии скульптуры Сталина, сооруженной в 1952 году в период культа личности Сталина на берегу Волги при входе в Волго-Донской канал имени В. И. Ленина.

Исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся решил:

1. Считать невозможным дальнейшее оставление у входа в Волго-Донской канал имени В. И. Ленина скульптуры Сталина.

2. Поручить начальнику гидростроя тов. Александрову А. П. в кратчайший срок демонтировать скульптуру Сталина, осуществив подготовку к разборке скульптуры по тщательно разработанному проекту организации работ.

3. Обязать тов. Болдина организовать хранение цветных металлов и металлического каркаса, полученных от разборки скульптуры, впредь до особого указания.

4. Обязать исполком городского Совета (тов. Дымкин) заключить с гидростроем договор на выполнение работ по демонтажу скульптуры Сталина и установить личный контроль за выполнением этих работ.

Председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся (Н. Чмутов).

Секретарь исполкома областного Совета депутатов трудящихся (Н. Агринский).

На этом документе была следующая резолюция Александрова:

«Тов. Иванов!

Поручите эту работу гидромонтажу под личным вашим наблюдением.

Александров».

Весь день шестнадцатого ноября мы на своих базах проводили опыты по резке медных листов.

Все наши попытки применить газовую резку не дали положительных результатов, расплавленная медь забивала сопло резаков, кипела в пламени горелки и не резалась. Резка электросваркой дала лучшие результаты.

Часам к четырем дня я снова был у памятника.

Монтажники работали с большим подъемом. Сказывались и русский нигилизм, который всегда с энтузиазмом уничтожает все навязанные ему «авторитеты», и неизгладимая злоба к Сталину — организатору лагерного режима в России.

Состав круглосуточного дежурства милиции и сотрудников КГБ в районе памятника был значительно увеличен. Подходящих к памятнику людей просили отойти, одновременно спрашивая, чем они интересуются, зачем они приехали к памятнику и т. п. Все дежурившие кэгэбэшники продолжали все также под большим секретом рассказывать о выступлении наших «врагов», требующих сохранения памятника. Сказывались их животный страх перед выступлением народа и стремление показать необходимость их существования и ту пользу, которую они «приносят» стране. Все эти «работники», конечно, понимали, что не имя Сталина поднимает народ на выступления, а что народ, порабощенный нашим режимом, хочет использовать хотя бы Сталина для своих антиправительственных выступлений. Из всех этих разговоров мне было понятно, что наше правительство и его орган устрашения — КГБ начали понимать, что народ расправляет плечи, что в народе появляются новые силы, которых они панически боятся. Дела у монтажников шли хорошо, и было ясно, что к вечеру семнадцатого ноября можно будет сбрасывать медного истукана.

В тот день в одиннадцатом часу вечера мне позвонили на квартиру. «Товарищ Иванов? Кирилл Сергеевич?!» — «Да!» — «С вами говорит полковник Котельников из КГБ. Скажите, вы руководите демонтажем памятника на Волго-Донском канале?» — «Да, я». — «У меня к вам большая просьба заехать ко мне в управление завтра часов в одиннадцать, надо согласовать некоторые вопросы. Пропуск будет приготовлен».

Утром 17 ноября я доложил Александрову, что к наступлению темноты медный истукан будет готов к свержению. Александров немедленно начал звонить в обком партии. В разговоре выяснилось, что 17 ноября вечером состоится собрание областного партийного актива. Стало быть, все руководство города и области будет занято там до ночи и в случае каких-либо происшествий не может быть на месте демонтажа памятника. Следующий день, 18 ноября, была суббота. Вечер. Суббота и затем вечер воскресенья 19 ноября также были признаны неудобными для начала наших работ, так как в это время в районе памятника может быть много свободных от работы людей. Окончательно было решено начать демонтаж памятника в 6 часов вечера в понедельник, 20 ноября.

Большое четырехэтажное здание, стоявшее в начале спуска к реке Царица. Не так просто сюда войти. После звонка дежурного ко мне в вестибюль спустился один из сотрудников этого учреждения, и мы вместе поднялись на четвертый этаж. Котельников принял меня в своем кабинете. Это был уже пожилой мужчина, ниже среднего роста. На борту его пиджака висел ромбик Ленинградского политехнического института. «Вот на какую «работу» идет бестолочь, оканчивающая наши институты»,— подумалось.

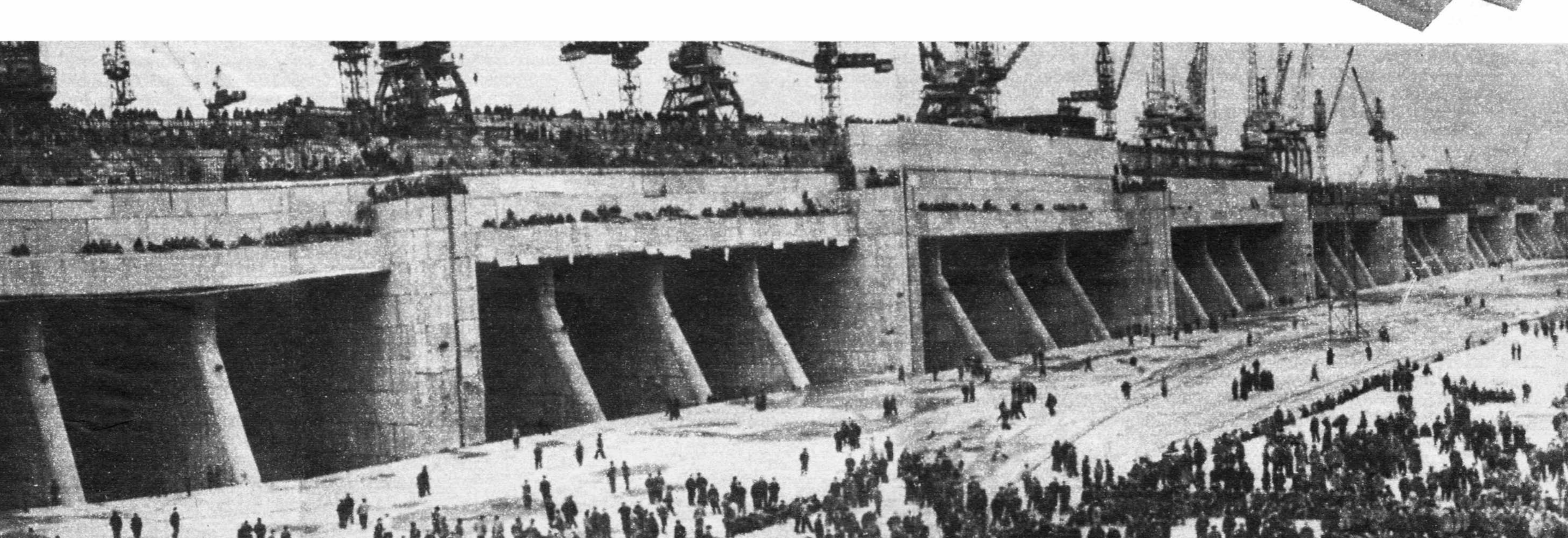
Котельников не стал слушать о проекте демонтажа памятника... Его болезненно интересовал только срок. Когда я заявил, что от начала свержения монумента до его полной эвакуации нам необходимо 24 часа, Котельников замахал руками. «Что вы, что вы,— начал он,— за сутки мы соберем там народ со всего города, не исключены демарши наших врагов. Вы понимаете, что может произойти?! Памятник должен быть полностью убран к утру!» «Этого я не в состоянии обеспечить,— ответил я.— В городе есть несколько монтажных организаций, поговорите с ними. Все наши проектные проработки им будут переданы». Котельников переменил тон. Он начал просить меня принять меры по ускорению демонтажа, при этом продолжал испуганно говорить о народе и о возможных «неприятностях». Распрощавшись с Котельниковым, который проводил меня из своего кабинета до выходных дверей здания, вспомнив, что на двери кабинета Котельникова стоял № 453, подумал о количестве людей, сидящих почти в пятистах комнатах этого «заведения» и одновременно сидящих на шее нашего народа.

Задача по свержению памятника сама по себе, может быть, и не так сложна. Главная тяжесть заключается в том, что все это хотят сделать тайком, ночью, как-то воровски, в каком-то секрете от народа, я бы сказал, в какой-то боязни народа. И вот в этом-то и главная трудность. Мое твердое мнение, что свержение медного истукана не следует делать под покровом ночи, это надо сделать днем, в праздник, чтобы тысячи народа, видя его уничтожение, искренне поверили бы, что черное лихолетье этого преступника никогда больше не возродится на нашей земле.

И сюда, к месту нашей работы, надо стягивать не наряды милиции и воинские части, а мобилизовать коммунистов, которые доходчиво и правдиво объяснили бы собравшемуся народу все преступления Сталина.

В понедельник, 20 ноября, я поднялся в свое обычное время, в 6 часов утра. Итак, сегодня решающий день! Сегодня вечером четко должна сработать созданная мною организация дела.

В девять часов утра я был у Александрова и еще раз подтвердил ему, что сегодня от девяти до десяти часов вечера памятник Сталину будет подготовлен к сбросу. Часам к двенадцати дня вся техника несколькими колоннами вышла из Волжска. Усадив в автомобиль трех инженеров, которые должны были выполнять мои оперативные поручения в предстоящей работе, я в тринадцать часов выехал к памятнику. Погода начала портиться. В Волжском шел снег. В Сталинграде снегопад увеличился, а дальше, к Бекетовке и Красноармейску, стояла полная зима с холодной, пронизывающей метелью.

Примерно в шестистах метрах от монумента, сейчас же за зданием управления канала, нас остановил патруль милиции. Я вышел из машины. Проверив мои документы, майор милиции доложил, что посты вокруг монумента расставлены и что подъезжающие машины и механизмы расстанавливаются в намеченных нами местах.

К одинокому, окруженному милицией памятнику я подъехал первым. Автобус с монтажниками, веселыми, смелыми, готовыми на все, приехал через час. Надо было начинать. Минут через 15 по моему звонку, басовито фыркая, из-за поворота сквера появилась колонна мощных красавцев «ЯАЗов», и, разворачиваясь на площадке, они начали осторожно, задом, подъезжать к памятнику.

Потом кузова их приподнялись, и сосновые брусья, предназначенные для защиты гранитного пьедестала, посыпались на занесенный снегом асфальт. Смеркалось. Монтажники начали укрытие граней пьедестала привезенным брусом. Минут через пятнадцать послышался гул тракторов. Пять мощных гудящих черных пятен, пересекая небольшое поле, быстро бежали к памятнику. Я вышел на край асфальта. Тракторы остановились метрах в пяти — десяти, и трактористы, выпрыгнув из машин, подошли ко мне. «Кто здесь Иванов?» — спросил один из них. «Я». Трактористы внимательно посмотрели на меня. «Прибыли в ваше распоряжение. Что делать?» «Вот будем сбрасывать этого истукана»,— ответил я, показывая на Сталина. «Не жалко?» — спросил молодой тракторист. «Что его, сволочь, жалеть?» — перебил его пожилой. «Он народ не жалел, и мы его жалеть не будем». «Правильно, правильно»,— подхватили остальные. Я объяснил трактористам предстоящую им работу, показал место их исходного положения, и пять стальных жуков, немного пофыркав, встали плотным строем в намеченном месте.

Стемнело.

По просьбе кэгэбэшников не зажигаем освещения, они все еще боятся, чтобы свет в зоне памятника не привлек сюда население Красноармейска, а потом и Волгограда.

Снегопад увеличивается.

Теперь все бело: и деревья, и земля, и люди, крепкий восточный ветер переходит временами в снежный ураган. «Можно приступать к резке отверстий в стене?» — спрашивает у меня главный инженер участка «Гидромонтаж» М. К. Дзюба. «Да, пора».

Минут через десять на высоте сорока метров в черном силуэте фигуры вспыхнули две яркие звезды — это электросварщики резали медную оболочку памятника. Потом в эти отверстия были просунуты концы тросов, которые сейчас же силой своей тяжести полетели вниз, искрясь в темноте, скрипя и гремя, и этот гром резонирует в громадной оболочке памятника. Затем концы тросов были разнесены по тракторам, и каждая пара тракторов, запряженная цугом, натянула свой конец.

Все подготовлено.

Спускаюсь вниз, обхожу расставленные посты монтажников и даю команду: «Резать колонны». В это время ко мне подходит наш инженер и передает, что приехал второй секретарь обкома партии Л. С. Куличенко и вызывает к себе Александрова или Иванова.

Подходя к будке охраны памятника, стоявшей метрах в пятидесяти от монумента, я заметил группу людей. «Вот Иванов»,— окликнул кто-то в темноте, когда я подходил к ним. Люди расступились, и навстречу мне вышел Куличенко. «Иванов, привет,— сказал он, энергично протягивая руку.— Где Александров?» «Он обещал приехать, но что-то задерживается, я считаю, что ждать не следует».— «Да, да, ждать не будем. Как дела?» — «Заканчиваем последние работы, минут через 15—20 все будет подготовлено».— «Я буду здесь. Тогда скажи, когда закончишь подготовку. Продолжай».

Подойдя к группе тракторов, я еще раз напоминаю своему инженеру, что он через десять минут должен выйти на середину сквера и там наблюдать за мной. Я буду стоять у памятника, и, как только подниму руку, он побежит к тракторам и даст им команду на предельной скорости двигаться в сторону города. А в это время метель переходит в сплошной снежный буран. Кажется, что сама природа, узнав о свержении истукана, торопится бросить в его лицо комья снежной бури, казалось, что это души замученных тираном людей поднялись из своих безвестных могил, разбросанных от Польши до Японии, поднялись для того, чтобы в гуле этой налетевшей снежной бури послать проклятие негодяю.

Все на своих местах. Все готово. Время 21 час 40 минут.

Уверенно иду в тот небольшой домик, где меня ждет областное начальство. Докладываю Куличенко: «Все подготовительные работы закончены. Разрешите приступить к последнему этапу». «Приступайте, приступайте». Все выходят за мной и останавливаются по моему указанию метрах в семидесяти от памятника.

Буря ревет вокруг, стонет в туго натянутых тросах, где-то в белесой темноте гудят готовые каждую секунду двинуться вперед тракторы. В завывании ветра и снежном реве мне вновь реально слышатся предсмертные хрипы десятков миллионов невинных людей — жертв Сталина.

Я высоко поднимаю руку. Проходит секунд 30—40, время, необходимое для сигнальщика, увидевшего мой сигнал,— добежать до тракторов. Я стою с высоко поднятой рукой. Вот ясно слышу, как звуки гудящих тракторов резко меняются. Это машины двинулись вперед. В сплошной метели тросов не видно. Черная фигура стоит в вышине. Тракторы гудят, тракторы двигаются. Вот мне ясно видно, как вдруг вздрагивает этот медный истукан, вот он валится на спину, кажется, он задерживается на какую-то долю времени и потом летит вниз головой, громыхая и искрясь. И этот грохот заглушает все. Он гремит кругом, он гремит в ветре, гремит в метели. Колоссальная фигура падает плашмя.

Со всех сторон из темноты бегут люди. Даю команду включить свет, и мощные прожекторы освещают площадку. Два трактора стягивают с пьедестала... Теперь Сталин лежит параллельно реке. Монтажники, как муравьи, набрасываются на истукана, и около десятка ярких светлячков электросварки загораются в разных местах.

На шее фигуры работали два электросварщика, отделявшие голову. Я взобрался к ним. «Ничего. Ничего,— с каким-то озлоблением говорил один из них,— он меня не пожалел в 49-м году, дал десять лет за контрреволюцию, так я его сейчас не пожалею». С такой же нескрываемой злобой люди резали и ноги, казалось, что перед ними была не медь, не железо, а сам Сталин.

К одиннадцати часам ночи голова была отделена от туловища. Теперь для того, чтобы погрузить голову в кузов десятитонного автомобиля, ее надо было подтянуть к грузоподъемному крану. Для этого на голову была накинута тросовая петля, и трактор потащил по площадке двухметровую сталинскую голову. Народ ликовал. Крики, шутки вперемешку с матом... Многочисленные агенты КГБ молчали. Даже здесь они боялись этого стихийного проявления чувств небольшой горсточки монтажников, шоферов, трактористов. До подъема головы в кузов автомашины надо было снять накинутый для ее подтаскивания металлический трос. Но этого не удалось сделать. Дело в том, что во время подтаскивания трос, упершись в нос Сталина, прорезал верхнюю губу и там был намертво зажат медной оболочкой. «Закусил, закусил»,— с громовым смехом раздалось вокруг. Теперь смеялись все: и секретарь обкома, и подъехавший Александров, и кэгэбэшники. Мне особенно запомнился шофер автомобиля, на который должна была грузиться голова. Он стоял на подножке автомашины, держался рукой за борт и, как репинский запорожец, подняв голову кверху, безудержно хохотал. Пришлось к месту погрузки нести бензорез, отрезать трос с двух концов, и огромная голова Сталина с обрывком троса с трудом была погружена в кузов самосвала. Вместе с инженером Чулковым в кабину автомобиля уселся представитель КГБ, и ровно в двенадцать часов ночи первая машина отправилась на базу.

Мне захотелось оставить себе что-нибудь от этой ночи.

Проходя около одного из костров, разложенного недалеко от места разделки кусков фигуры, я увидел выделявшуюся и освещенную пламенем костра Звезду Героя Социалистического Труда. «Вырежь-ка мне эту звездочку»,— сказал я работающему на разделке кусков электросварщику. «Сейчас сделаем»,— весело ответил он. Я подошел. Кусок меди размером примерно 65 × 75 сантиметров лежал на снегу. На этом куске меди и находилась звезда, она была очень велика, только расстояние между вершинами смежных лучей было равно 35 сантиметрам. Я положил этот кусок меди в свою машину. Беспрерывно отъезжали нагруженные автомобили, гудели тракторы, перетаскивая детали, ворочали своими стрелами грузоподъемные краны, светилась электросварка. К шести часам утра у пьедестала лежала небольшая часть ободранного каркаса.

А снег все шел и шел...

Публикацию подготовили С. ИВАНОВ и Г. КУЛИКОВСКАЯ

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Из книги «БЕЛЫЕ СТИХИ»*

* * *

Лета к суровой прозе клонят...

Я полагаю, Пушкин, говоря
о том, что, мол, года к суровой прозе —
не так-то прост и в этом был вопросе
и не одно лишь то имел в виду,
что перейти готов к иному жанру,
то бишь забыв о рифме, о размере,
скорей засесть за повесть, за роман —
нет, думал он, поэзия — обман,
пленительный, а все ж в какой-то мере
обман, да-да, пленительный обман,
как облачко, как утренний туман,
клубящийся над грешною землею,
возвышенно витающий над ней,
а проза, она все-таки земней,
и будь хоть соловей там или роза,
питает их, поди, все та же проза,
и червячок не вреден соловью,
равно как розе — горсточка навоза
(была бы лишь умеренною доза!) —
так надо ж прозу нам пустить в стихи,
житейской не чураясь чепухи,
не устрашась Гоморры и Содома...
И я сегодня прозе говорю —
входи в мои стихи и будь как дома!
Тебе навстречу двери я открыл
и окна отворил тебе навстречу.
И если скажут мне — твой стих бескрыл,
ты крыл его лишил! — что я отвечу,
что критикам моим скажу тогда?
А ничего.
— Года,— скажу,— года!

* * *

В том городе, где спят давно,
где все вокруг темным-темно —
одно,
как павшая звезда,
в ночи горящее окно —
да, там, за густо разлитой
многоэтажной темнотой,
как бы на целый мир одно,
в ночи горящее окно —
как свет звезды далекой,
свет лампы одинокой.

Кромешный мрак и свет живой —
свет лампы или свет свечи —
поэзия, вот образ твой —
окно, горящее в ночи,
твой псевдоним и твой пароль,
твоя немеркнущая роль,
твое предназначенье,
полночное свеченье.

Когда молчит благая весть
и все во мрак погружено,
хвала Всевышнему, что есть
в ночи горящее окно,
что там, за прочно обжитой
невозмутимой темнотой —
как свет неведомой звезды —
на этой улице, на той —
как свет звезды далекой,
свет лампы одинокой.

Как за последнею чертой —
свет лампы или свет свечи —
на этой улице, на той —
окно, горящее в ночи,—
там сквозь завалы зим и лет
моих друзей не меркнет свет,
и в час, когда все спят давно,
когда вокруг темным-темно,
горит Тарковского окно,
горит Самойлова окно —

там и мое окошко
от них неподалеку
еще живет покуда
и светит понемногу —
от них неподалеку
горит и, слава Богу,
горит себе, не гаснет,
старается, как может.

---

* Новая книга стихов Юрия Левитанского готовится в издательстве «Советский писатель».

ПЕРВОЕ МАРТА

И снова с облегченьем и с надеждой
перевернем последний лист февральский,
последний зимний
календарный лист.

...Рассветный воздух зябок был и мглист,
Еще горел фонарь через дорогу.
Светились близлежащие дома.
И я, вздохнув —
ну, вот и слава богу,
еще одна закончилась зима! —
перевернул февральский лист последний.

И сразу марта первое число
передо мной взошло
и проросло,
как стебель
и как первая травинка
(как знак неотвратимых перемен,
как якобинства тайный иероглиф),

и тотчас же фонарь ночной потух,
и в воздухе разлился вольный дух
крамольный дух лесов и дух полей,
дух пахоты
и дух цареубийства.

* * *

...А теперь рассуждаем
о справедливости,
о совестливости,
о милосердии...

...А наши дети танцуют рок,
легко покидая отчий порог,
и школьный урок не идет им впрок,
и каждый пляшущий — их пророк.

А мы удивляемся,
мы раздражаемся,
мы огорчаемся
и сокрушаемся —
ах, наши дети
нас обижают —
не уважают,
не уважают!

А за что им, простите, нас уважать?

...Да, конечно, обидно — не уважают,
шумной музыкой душу свою ублажают —
эти быстрые ритмы они обожают,
до поры не желая иных взамен.

Ну и ладно, пусть их, пусть ублажают —
ведь покуда они нас не уважают,
еще все-таки можно ждать перемен!

* * *

Это общество — словно рояль, безнадежно расстроенный,
весь изломанный, весь искарябанный, весь искореженный —
вот уж всласть потрудились над ним исполнители рьяные,
виртуозы плечистые, ах, барабанщики бравые.

Как в беспамятстве, все эти струны стальные и медные,
лишь вчера из себя исторгавшие марши победные —
та едва дребезжит, та, обвиснув, бессильно качается,
есть отдельные звуки, а музыка не получается.

И все так же плывет над пространством огромной страны
затянувшийся звук оборвавшейся некой струны.

* * *

Музыка моя, слова,
их склоненье, их спряженье,
их внезапное сближенье,
тайный код, обнаруженье
их единства и родства —

музыка моя, слова,
осень, ясень, синь, синица,
сень ли, синь ли, сон ли снится,
сон ли синью осенится,
сень ли, синь ли, синева —

музыка моя, слова,
то ли поле, то ли ели,
то ли лебеди летели,
то ли выпали метели,
кровля, кров ли, покрова —

музыка моя, слова,
ах, как музыка играет,
только сердце замирает
и кружится голова —

синь, синица, синева.

* * *

За то, что жил да был,
за то, что ел да пил,
за все внося, как все,
согласно общей смете,
я разве не платил
за пребыванье здесь,
за то, что я гостил
у вас на белом свете?

За то, что был сюда
поставлен на постой
случайностью простой
и вовсе не по блату,
я разве не вносил
со всеми наравне
предписанную мне
пожизненную плату?!

Спасибо всем за все,
спасибо вам и вам,
радевшим обо мне
и мной повелевавшим,
хотя при всем при том
я думаю, что я
не злоупотребил
гостеприимством вашим.

Осталось все про все
почти что ничего.
Прощальный свет звезды,
немыслимо далекой.
Почти что ничего,
всего-то пустяки —
немного помолчать,
присев перед дорогой.

Я вас не задержу.
Да-да, я ухожу.
Спасибо всем за все.
Счастливо оставаться.
Хотя, признаться, я
и не предполагал,
что с вами будет мне
так трудно расставаться.

* * *

Координаты времени условны.
Привычно говорим — задолго до.
До нас. До наших дней. До нашей эры.
До Рима. До Пилата. До Голгофы.
До Ноя. До ковчега. До потопа.
История — вся сплошь — задолго до.
Живущие меж прошлым и грядущим,
все тщимся заглянуть как можно дальше.
За нами — тьма, и перед нами — тьма.
Так и живем меж тою тьмой и этой,
на крохотном пространстве между ними —
живем, как в ожидании Годо.
И как ни жаль, о друг мой, но похоже,
что мы с тобой живем на свете тоже
задолго до, мой друг, задолго до.

НА РОДИНУ — В ГОСТИ

Э. Неизвестный. РАСПЯТИЕ, 1974.

Выставка «Транзит. Художники России в эмиграции» была задумана Государственным Русским музеем, Музеем искусств Лонг-Айленд и галереей «Эдуард Нахамкин Файн Артс» два года тому назад. Тогда сама эта идея требовала определенной смелости. Риск был очевиден и вполне мог материализоваться в образе разгневанного функционера от культуры или даже высокого партийного руководителя, кричащего: «Эмигранты?! Да вы что?! И где — в каких стенах!» Быстро все же меняется ситуация... Когда в середине января этого года выставка открылась в Русском музее, а два месяца спустя в Центральном Доме художника на Крымском валу, то была воспринята и зрителями, и властями как событие абсолютно естественное.

Похоже, что возвращение в нашу культуру насильственно отторгнутых имен входит в более или менее нормальное русло. Конечно, это не означает благодушного умиления: вот, дескать, все и устроилось... Это американцы могут хладнокровно оценивать масштабы «русского вклада» в американскую культуру. Нам же — и от этого никуда не деться — еще предстоит горький подсчет потерь.

Творчество художников, живущих в эмиграции, нуждается в подробном анализе и осмыслении, пока же лишь самые общие впечатления по поводу выставки.

«Транзит» объединил более восьмидесяти произведений двадцати двух художников, живущих ныне за пределами страны. Они принадлежат к различным поколениям и направлениям. Различен и их реальный вес в западной культуре. И хотя принцип организации художественной выставки по политико-географическому признаку нельзя признать удачным, в данном случае по отношению к двадцатилетней истории нашего (а теперь уже и не только нашего) искусства он в высшей степени уместен и справедлив.

Искусство российского зарубежья слилось в некую общность прежде всего благодаря предельно политизированной ситуации эмиграции 70-х — начала 80-х годов. Одни художники хлебнули лиха, столкнувшись с нетерпимостью и агрессивностью тогдашней культурной политики. Другим было достаточно самой атмосферы тотального прессинга эстетики официоза. У третьих причины эмиграции были более прозаическими... Но у всех был опыт противостояния господствующим стереотипам.

И все же «постоянным слагаемым» этот социальный опыт быть не мог. В новой культурной ситуации, в которой оказались художники на Западе, сам предмет протеста попросту терялся. Это ощутили даже наиболее политизированные из них. К примеру, Леонид Ламм, переживший арест, несправедливый приговор, зону, в своей композиции «На свободу с чистой совестью» не пытается кого-то клеймить позором, негодовать, обвинять, напротив, с каким-то смиренным удивлением он исследует саму ситуацию несвободы. Кажется,

Л. Соков. РОЖДЕНИЕ РУССКОГО АВАНГАРДА, 1987.

именно непонимание того, как мировое пространство может быть сжато до объема удушливой камеры, заставляет художника вводить мотив масштабной сетки: он словно прикладывает ее к предметным и пространственным реалиям. Так социальная тема перерастает в экзистенциальную.

За пределами родины художников объединил другой, мощный фактор — осознание своей причастности к отечественной культурной традиции. Именно это помогало каждому из них сохранить себя в новых обстоятельствах. Группе мастеров старшего и среднего поколений удалось решить проблему интеграции в мировой художественный процесс наиболее естественным путем: они смогли убедить арт-рынок в самоценности индивидуальной манеры (право, в буквальном смысле выстраданное еще на родине). Оскар Рабин, в Москве неутомимо боровшийся с гонителями авангарда, остается все тем же тончайшим мастером постимпрессионистического толка. Разве чуть больше горечи добавилось в его плотную, вязкую живопись. Эрнст Неизвестный по-прежнему увлечен глобальными гуманистическими идеями, он не поступился ни масштабом, ни чуть архаичной, на чей-либо взгляд, патетичностью замыслов. Завораживающая в своей сосредоточенности, отрешенности от окружающего мира при внешнем внимании к нему живопись Олега Целкова так же необъяснимо тревожна, как и в прежние годы.

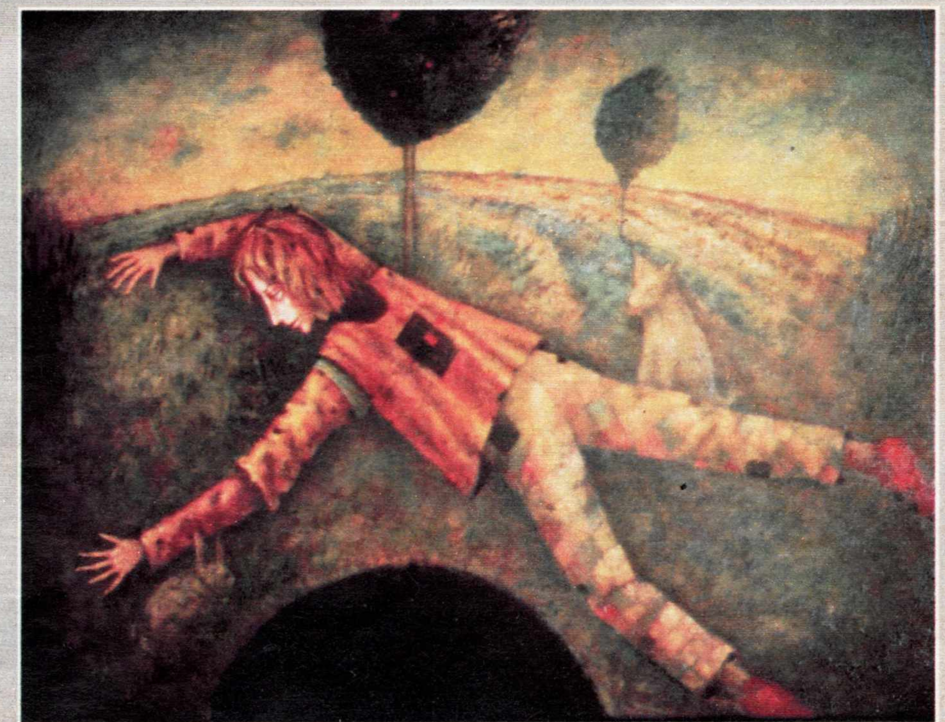
Привнесение в западную культуру собственного «я» и вместе с тем «всемирная отзывчивость», разрушение вдалбливаемых в свое время стереотипов замкнутости и амбициозного превосходства делают опыт этих мастеров — к ним я бы добавил Юрия Купера, Михаила Шемякина и ряд других — особенно ценным.

Рядом с работами Леонида Сокова, Александра Косолапова, Риммы и Валерия Герловиных, Генриха Худякова произведения их старших коллег выглядят почти хрестоматийно. Если «шестидесятники» глубоко и серьезно относились к самой миссии художника-творца в этом мире, то для постмодернистов «нет ничего святого», они готовы к тотальной иронии, к высмеиванию даже самих себя. К архетипам официозной и особенно сталинской культуры, столь активно бичуемой на родине, они, представители популярного течения «соц-арта», относятся вполне лояльно, используя их как строительный материал. Не пугаясь упреков в эклектизме, они демонстративно смешивают образы русского авангарда 20-х годов и элементы китча, фольклорные мотивы и урбанистическую мифологию.

Первая масштабная выставка искусства российского зарубежья, возможно, будет и последней. Географические перемещения художников перестают сегодня играть столь фундаментальную, даже фатальную роль, чтобы служить основой для организации специальных экспозиций. Надеюсь, что художник, оставаясь сыном своего отечества, сможет работать где угодно и сколько угодно. Тому уже есть немало обнадеживающих примеров. Но если политические аспекты выставки во многом носят уже исторический характер, то аспекты творческие по-прежнему актуальны.

Драматический опыт мастеров, реально осуществивших контакт великих художественных культур в экстремальной ситуации эмиграции, уникален. Было бы глупо и грешно не извлечь уроки из этого опыта.

Александр БОРОВСКИЙ

М. Александров. ЗЕМЛЯ, 1989.

Л. Лерман. ВИНСЕНТ, 1987.

О. Рабин. ПЕЙЗАЖ, 1987.

НА СВОБОДУ, С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬ
МУСОР

Л. Соков. МАТЬ И ДИТЯ, 1986.

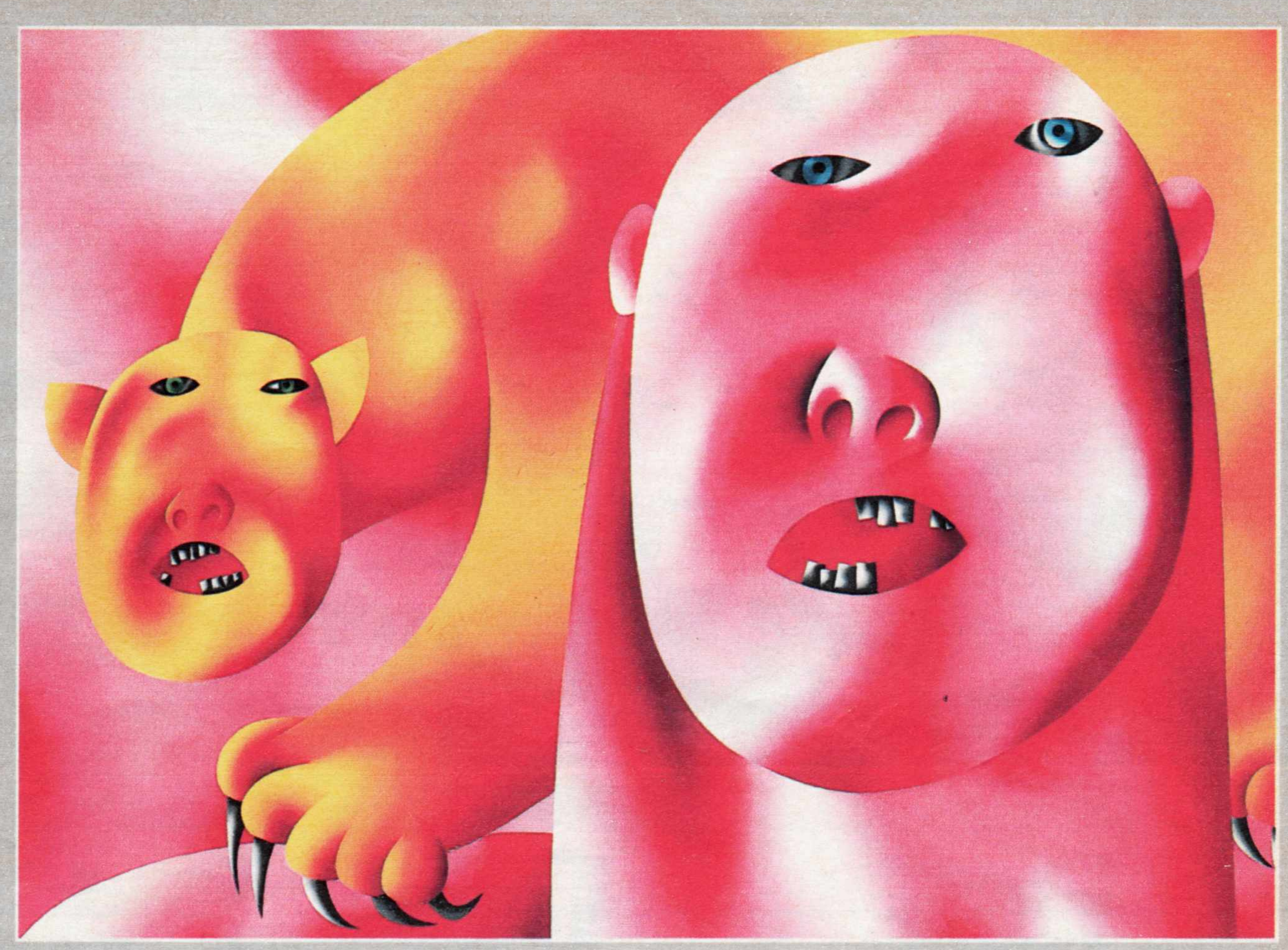
TO FREEDOM WITH A CLEAR CONSCIENCE!

Л. Ламм. НА СВОБОДУ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ, 1974—1984.

А. Косолапов. ГЕНЕТИКА, 1987.

О. Целков. ЕДОКИ, 1986.

Г. Худяков.
ГАЛСТУЧНАЯ КОМПОЗИЦИЯ
(ассонгляж), 1979—1986.

О. Целков. ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С АРБУЗОМ, 1963.

И. Якерсон. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ЗАКАТУ» И. БАБЕЛЯ.

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

РОМАН

СВЯЗЬ

С заключенными он держался высокомерно, и они ненавидели его. Ненавидели потому, что ему удавалось быть таким, каким каждый из них мечтал быть: загадочным. Он уберегал какую-то очень существенную часть своей индивидуальности, не делал ее всеобщим достоянием, его нельзя было растрогать, добиться, чтобы он рассказал о своей девушке, о семье или о детях. Они о нем ничего не знали. Они ждали, но Лимас до них не снисходил. Новички в тюрьме делятся на две категории: на тех, которые из чувства стыда, страха или ошеломления ждут, пока их посвятят в тюремную жизнь, и на тех, которые выкладывают свои жалкие истории, чтобы завоевать признание тюремного мира. Лимас не делал ни того, ни другого. Ему, видимо, нравилось презирать их, и они ненавидели его за то, что он, как и мир по ту сторону решеток, не нуждался в них.

Дней через десять их терпение лопнуло. Заправилы не дождались от него почета, слабые — утешения. В очереди за обедом его окружили. В тюремном быту этот прием практикуется уже лет двести. Когда заключенный получает свою порцию, его как бы невзначай толкают, и содержимое миски проливается на одежду. Это они и проделали с Лимасом. Он ничего не сказал, внимательно посмотрел на тех двоих, которые стояли по обе стороны от него, и молча выслушал ругань надзирателя, хотя тот прекрасно знал, как было дело.

Спустя несколько дней, когда он обрабатывал тюремную клумбу, он сделал вид, что споткнулся, взялся за бадейку, якобы пытаясь удержать равновесие, и, когда распрямился, его сосед справа уже согнулся в три погибели и, схватившись за живот обеими руками, взвыл от боли. Больше Лимаса не окружали и не толкали.

Пожалуй, самое необычное чувство из всех, которые он испытывал в тюрьме, у него вызвал пакет в оберточной бумаге, который ему вручили при выходе на волю. Лимасу почему-то вспомнился свадебный обряд — ...сим кольцом я нарекаю тебя своей...— сим пакетом я возвращаю тебя обществу... Ему велели расписаться в получении, а в пакете — все, чем он владел. Пакет — и ничего больше. За все три месяца Лимас не испытывал более унизительного момента и решил избавиться от ненавистного пакета, как только окажется за воротами тюрьмы.

Он производил впечатление спокойного заключенного. Жалоб на него не поступало. Начальник тюрьмы, не очень-то интересовавшийся его случаем, в глубине души считал, что, если бы не ирландская кровь, которая — начальник готов был поклясться — течет в жилах Лимаса, он никогда не попал бы в тюрьму.

— Что вы собираетесь делать, когда выйдете отсюда? — спросил он.

Без тени улыбки Лимас ответил, что собирается начать новую жизнь, и начальник всячески одобрил такое намерение.

— Как с вашей семьей? Наладите ли вы отношения с женой?

— Постараюсь,— вяло ответил Лимас,— но она уже вышла замуж за другого.

Чиновник социального отдела предложил Лимасу устроиться санитаром в дом умалишенных. Лимас согласился подать заявление и даже записал себе адрес и расписание поездов.

— Туда теперь ходит электричка,— добавил чиновник, и Лимас выразил глубокое удовлетворение последним обстоятельством.

Итак, ему вручили пакет, и он покинул тюрьму. Он доехал автобусом до Мраморной арки, а оттуда пошел пешком. В кармане у него было немного денег, и он собирался еще плотно поесть. Он решил пойти через парки к Парламентской площади и в кафе возле Черинг Кросс съесть за шесть шиллингов вполне приличный бифштекс.

В этот сияющий день запоздалой весны Лондон был великолепен. Парки благоухали крокусами и нарциссами. Свежий легкий ветер дул с юга. Лимас готов был так ходить целый день, но пакет... Ему не терпелось от него избавиться. Мусорные ящики слишком малы — ни в один из них его не всунуть. У Лимаса, правда, мелькнула мысль вынуть из него необходимые бумаги: страховую книжку, водительские права и еще кое-какие документы. Однако он сел на скамейку, положил пакет не слишком близко от себя и еще отодвинулся. Минуты через две он вернулся на пешеходную дорожку, оставив пакет лежать на скамейке. Только он дошел до дорожки, как услышал оклик. Он обернулся (пожалуй, резковато) и увидел мужчину в военном плаще, который махал ему рукой и в другой держал пакет.

Не вынимая рук из карманов, Лимас остановился, не переставая смотреть через плечо на мужчину в плаще. Тот стоял, явно ожидая, что Лимас подойдет к нему или хотя бы проявит какой-нибудь интерес. Но Лимас только пожал плечами и пошел дальше. Снова оклик. На сей раз Лимас не обратил на него внимания. Он знал, что мужчина идет за ним. Шаги шуршали по гравию, приближались, ускорялись — почти бег. Слегка раздраженный, задыхающийся голос: «Послушайте!» Мужчина его догнал. Лимас остановился и обернулся к нему.

— В чем дело?

— Это, кажется, ваш пакет? Вы его забыли на скамейке. Почему вы сразу не остановились, когда я вас окликал?

Высокий, немного вьющиеся каштановые волосы, светло-зеленая рубашка и оранжевый галстук, раздражителен, женоподобен, подумал Лимас. Вполне мог бы быть школьным учителем с высшим экономическим образованием и руководить драматическим кружком в предместье. Близорук.

— Можете положить его обратно. Он мне не нужен.

Мужчина покраснел.

— Нельзя же оставлять всякие пакеты на скамейке,— сказал он.

— Очень даже можно,— возразил Лимас.— Кому-нибудь пригодится.

Он хотел пойти дальше, но незнакомец преграждал ему путь, держа пакет на руках, как ребенка.

— Уйдите с дороги,— сказал Лимас.— Ясно?

— Послушайте,— взвизгнул незнакомец,— я же хочу оказать вам услугу, с какой стати вы упираетесь?

— Это специально, чтобы оказать мне услугу, вы уже полчаса ходите за мной? — заметил Лимас и подумал: «Мастер своего дела, но слишком тянет. Придется его раскачать».

— Если хотите знать, мне показалось, что я однажды встретил вас в Берлине.

— Поэтому нужно следить за мной битых полчаса?

Лимас не сводил глаз с мужчины, и в голосе его звучал сарказм.

— Не полчаса, а гораздо больше. Я засек вас еще у Мраморной арки и подумал, что вы — Алек Лимас, которому я должен деньги. Я бывал в Берлине на Би-Би-Си и занял там у одного человека немного денег. С тех пор я очень неловко себя чувствую. Поэтому я и пошел за вами — хотел убедиться, что вы и есть тот человек.

Лимас молча смотрел на него и думал, что не такой уж он мастер своего дела, хотя, с другой стороны, не виноват же бедняга, что Лимас испортил ему классический вариант и вынудил на ходу перестраиваться.

— Я действительно Лимас,— сказал он наконец.— А вы, черт возьми, кто такой?

Он назвался Эйшем (через «э» оборотное, поспешил он добавить). Лимас знал, что он врет. Эйш делал вид, что не уверен, на самом ли деле Лимас тот, за кого себя выдает, поэтому во время ленча они вскрыли пакет и, склонившись над ним, начали рассматривать страховую книжку. Будто два педераста воркуют над порнографическими открытками, подумал Лимас. Эйш заказал ленч, явно не считаясь с ценами, и они выпили рейнского в память о былых днях. Лимас сначала уверял, что никак не может вспомнить Эйша, а тот удивлялся и даже давал понять, что ему это неприятно.

Эйш был типичным представителем той части рода человеческого, которая в отношениях между людьми придерживается принципа атак и отступлений. Когда он чуял в противнике слабость, он наступал, когда встречал сопротивление, отходил на тыловые позиции. Не обладая ни собственным мнением, ни собственным вкусом, он подлаживался под собеседника. С такой же готовностью пил чай на Фортнуме, как и пиво на проспекте Вайтби, с одинаковым вниманием слушал военные марши в парке Св. Джеймса и джаз в подвальчике на Комптон-стрит. Его голос дрожал от сочувствия, когда он говорил об освободительном движении в колониальных странах, и от негодования по поводу того, что цветное население заполонило Британские острова. Лимасу претила такая неприкрытая беспринципность, и у него возникало злорадное желание незаметно навязать Эйшу какую-нибудь точку зрения и тут же заставить его самого ее опровергнуть, так что Эйшу все время приходилось выбираться из тупиков, в которые его загонял Лимас. За ленчем были моменты, когда Лимас проделывал такие бессовестные трюкачества, что Эйшу следовало бы прекратить разговор, особенно после того как он заплатил по счету, но Эйш не унимался. Если грустный человек в очках, сидящий в одиночестве за соседним столиком и читающий руководство по обработке несущих частей механизма, слушает их разговор, то наверняка считает, что Лимасу доставляет удовольствие издеваться над собеседником или (если он особо проницателен) что у Лимаса должно быть оправдание перед самим собой: такое обращение может терпеть лишь человек, у которого есть особые виды на будущие отношения.

Около четырех часов они попросили счет, и Лимас попытался заплатить за себя. Где там! Эйш и слышать об этом не хотел! Сам рассчитался и вынул чековую книжку, чтобы вернуть Лимасу долг.

— Минимум двадцать фунтов,— сказал он и проставил на чеке дату.

Потом посмотрел на Лимаса своим бесцветным заискивающим взглядом.

— Я полагаю, чек вас устроит?

Чуть покраснев, Лимас ответил:

— Как раз сейчас у меня нет счета в банке, я только что из-за границы, еще не успел открыть... Лучше выпишите мне чек на предъявителя, и я получу по нему в вашем банке.

— Я бы такого и не придумал! Вам же придется уйму времени потратить, чтобы добраться до моего банка. Ну, зачем же так...— Эйш рассмеялся.

Лимас пожал плечами, и они договорились встретиться в том же месте на следующий день, в час дня — к этому времени у Эйша будут наличные деньги.

Эйш взял такси на углу Комптон-стрит, и Лимас махал ему рукой, пока машина не скрылась из виду. Только тогда он посмотрел на часы. Четыре часа. Он понимал, что слежка за ним продолжается, и поэтому пошел пешком по Флит-стрит, зашел в бар, заказал чашечку кофе, потом стал заглядывать в книжные магазины, читать вечерние газеты, выставленные на витринах издательств, просто глазеть по сторонам, потом, словно ему в голову пришла неожиданная мысль, вдруг в последнюю минуту вскочил в автобус. Автобус дошел до Ладгейт Хилл и возле станции метро попал в пробку. Лимас выскочил и спустился в метро. Купил билет за шесть пенсов, сел в последний вагон и на следующей станции вышел. Пересел на другую линию и вернулся к Черинг Кросс. Было уже девять часов, когда он добрался до конечной станции. Становилось прохладно. У входа в метро стоял крытый грузовик. Водитель спал, положив голову на руль.

Лимас посмотрел на номер грузовика, подошел к кабине и окликнул шофера через стекло:

— Вы от Клементса?

Водитель, вздрогнув, проснулся и спросил:

— Мистер Томас?

— Нет,— ответил Лимас,— Томас не смог прийти. Я Эймс. Из Хаунслоу.

— Садитесь, мистер Эймс,— сказал шофер и открыл дверцу.

Они поехали на запад, к Королевскому шоссе. Шофер знал дорогу.

Дверь открыл Контролл.

— Джорджа Смили нет,— сказал он,— я воспользовался его домом. Входите.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15, 16.

Пока за Лимасом не закрылась дверь, Контролл не зажигал в прихожей света.

— Меня выслеживали до самого ленча,— сказал Лимас.

Они вошли в небольшую гостиную. Повсюду стояли книги. Приятная комната. Высокий, лепной потолок восемнадцатого века, большие окна, красивый камин.

— Сегодня утром они до меня добрались. Тип назвался Эйшем.— Лимас закурил.— Выглядит педерастом. Завтра встречаемся снова.

Контролл внимательно слушал историю Лимаса, начиная с того дня, когда он побил лавочника, и до сегодняшней встречи с Эйшем.

— Как было в тюрьме? — осведомился Контролл таким тоном, словно спрашивал: «Ну, как провели отпуск?» — Мне жаль, что нельзя было обеспечить вам более сносные условия, но мы не могли себе это позволить.

— Разумеется.

— Нужно сохранить логическую последовательность. На каждом шагу. Поэтому и срок нельзя было сократить. Я знаю, вы болели. Я огорчался за вас... Что-нибудь серьезное?

— Просто температура поднялась.

— Долго пролежали в постели?

— Дней десять.

— Какое невезение! И, разумеется, некому было за вами ухаживать?

Наступила долгая пауза.

— Вам известно, что она коммунистка? — спокойно спросил Контролл.

— Да,— ответил Лимас. Опять пауза.— Я не хочу вмешивать ее в это дело.

— А зачем она должна быть замешана? — спросил Контролл резко, и на мгновение, на один короткий миг Лимасу показалось, что он заглянул под маску холодной отчужденности.— Кто советует ее вмешивать?

— Никто,— ответил Лимас.— Я просто подчеркиваю. Мне хорошо известно, как проводятся такие операции. Всегда возникают побочные линии и неожиданные повороты. Думаешь, поймал одну рыбку, глядишь — а в сетях совсем другая. Я хочу уберечь ее от этой мутной воды.

— Конечно, конечно.

— Что это за Пит в бюро по трудоустройству? Не был ли он во время войны на Кембриджской площади?

— Не знаю ни одного человека с такой фамилией. Как вы сказали? Пит?

— Да.

— Нет, мне эта фамилия ровно ничего не говорит. В бюро по трудоустройству?

— Ой, ради Бога...— внятно прошептал Лимас.

— Простите,— спохватился Контролл,— я совсем забыл о своих обязанностях хозяина дома. Чего-нибудь выпить?

— Нет. Послушайте, Контролл, я хочу уехать сегодня же вечером. Хочу поразмяться в деревне. Наш Дом открыт?

— Я заказал для вас машину,— ответил Контролл.— В котором часу у вас завтра встреча с Эйшем? В час?

— Да.

— Я позвоню Хелдену, скажу, чтобы вам приготовили фруктового соку. И сходили бы вы еще к врачу. Лихорадка спроста не бывает.

— Не нужен мне врач.

— Дело ваше.

Контролл налил себе виски и бесцельно уставился на книжные полки Смили.

— А почему нет Смили? — спросил Лимас.

— Ему не нравится эта операция,— равнодушно ответил Контролл.— Он считает ее противной. Понимает всю необходимость, но не хочет в ней участвовать. У него,— он криво улыбнулся,— возвратная лихорадка.

— Не скажу, чтобы Смили принял меня с распростертыми объятиями.

— Конечно. Он не хочет ввязываться. Но он все же рассказал вам про Мундта? Описал обстановку?

— Да.

— Мундт — человек крайне жесткий. Об этом нельзя забывать.— Контролл задумался.— И прекрасный разведчик.

— Смили знает, зачем нужна операция? Понимает ее назначение?

Контролл утвердительно кивнул, потягивая виски.

— И тем не менее она ему не по душе?

— Дело не в моральных соображениях. Он как хирург, который устал от крови — пусть оперируют другие.

— Скажите,— продолжал Лимас,— почему вы так уверены, что она даст желательные результаты? Откуда вы знаете, что на меня вышли восточные немцы, а не, скажем, чехи или русские?

— Будьте уверены,— сказал несколько торжественно Контролл.— Все точно известно.

У дверей Контролл положил руку Лимасу на плечо.

— Последняя ваша работа,— сказал он.— Потом сможете вернуться с холода. Так как насчет девушки? Хотите, чтобы для нее было что-нибудь сделано? Деньги или еще что-нибудь?

— Не раньше, чем когда кончится операция. И я сам тогда о ней позабочусь.

— Прекрасно. Сейчас, кстати, опасно что-нибудь делать.

— Я только хочу, чтоб ее оставили в покое,— настойчиво повторил Лимас,— не впутывали в это дело, не следили за ней и всякое такое. Я хочу, чтобы забыли о ее существовании.

Он кивнул Контроллу и нырнул в темноту. На холод.

КИВЕР

На следующий день Лимас пришел к ленчу с опозданием на целых двадцать минут, небритый, в грязной рубашке, и от него разило виски. Однако Эйш ему заметно обрадовался и сказал, что сам только что явился, так как задержался в банке. Он вручил Лимасу конверт.

— Здесь в фунтах. Надеюсь, вас устроит? — спросил он.

— Благодарю,— ответил Лимас.— Давайте выпьем.

Он подозвал официанта и заказал себе двойную порцию виски, а Эйшу — мартини. Когда Лимас наливал содовую, у него так дрожала рука, что он едва попадал в стакан.

Они плотно закусили, как следует выпили, и Эйш начал разговор первым. Как и предполагал Лимас, он стал рассказывать о себе — прием старый, но не такой плохой.

— Откровенно говоря, дела у меня идут прилично в последнее время,— сказал Эйш.— Броские статьи, сенсации для зарубежной прессы и всякое такое. После Берлина поначалу не клеилось — корпорация не хотела возобновить контракт, и я перебивался в паршивенькой еженедельной газетенке, рассчитанной на пенсионеров. Представляешь себе это занятие! Не могу тебе передать, с каким облегчением я вздохнул, когда она лопнула ко всем чертям при первой же забастовке типографщиков. Тогда я на время перебрался к маме в Челтенхем. У нее антикварный магазин, и доходы — не сглазить бы. Там-то я и получил письмо от старого приятеля, Сэма Кивера (так он теперь себя называет), который открыл небольшое агентство — сенсации английской жизни, рассчитанные специально на иностранную прессу. Ну, знаешь, эти штучки — слов шестьсот о дансинге Мориса и прочая дребедень. Хотя, надо сказать, Сэм придумал и кое-что новенькое: продает материал, уже переведенный на иностранный язык. И, знаешь, совсем другое дело. Принято считать, что всегда можно оплатить переводчика или перевести самому. Не тут-то было! На полстолбца текста совсем не просто найти желающих тратить деньги и время. Уловка Сэма заключалась в том, что он вступал в личный контакт с издателями,— носился, бедняга, по Европе, как цыган, но и деньги, правда, зашибал.

Эйш остановился, ожидая, что Лимас начнет говорить о себе, но Лимас и не подумал воспользоваться предложенной ему возможностью. Он только тупо кивнул и сказал: «Здорово, черт возьми!» Эйш хотел заказать еще вина, но Лимас заметил, что привык к виски, и, пока принесли кофе, выпил четыре двойные порции. Он был в дурном настроении — это бросалось в глаза. К тому же отвратительная привычка у всех пьяниц: вытягивают губы раньше, чем начинают пить, как будто боятся, что рука подведет и драгоценная влага прольется мимо рта.

Эйш еще немного помолчал и наконец спросил:

— А ты Сэма не знаешь?

— Какого Сэма?

— Сэма Кивера, моего босса,— в голосе Эйша послышалась нотка раздражения,— о котором я тебе только что говорил.

— Он что, тоже был в Берлине?

— Нет. Он хорошо знает Германию, но в Берлине никогда не жил. Пописывал кое-что в Бонне. Сенсационный материал... Ты его не встречал? Симпатяга парень.

— Нет, не встречал.

Пауза.

— Ну, а ты теперь чем занимаешься, старина? — спросил Эйш.

Лимас пожал плечами.

— Меня списали,— он туповато хихикнул,— в утиль.

— Я забыл, ты чем занимался в Берлине? Один из «воителей» холодной войны?

«Э, да ты пережимаешь, браток»,— подумал Лимас, помялся немного, затем покраснел и выпалил:

— Мальчиком на побегушках был у проклятых янки, как и все мы, грешные.

— Знаешь что,— сказал Эйш, словно еще раньше думал над своим предложением,— тебе нужно встретиться с Сэмом. Он тебе понравится.— Эйш забеспокоился.— Послушай, Алек, я даже не знаю, где тебя найти.

— А меня и не найти,— угрюмо ответил Лимас.

— А я и не собираюсь тебя искать, старина. Ты где живешь?

— Где придется и чем придется. Я без работы. Сволочи — не захотели мне дать приличную пенсию.

Эйш, казалось, спешил высказать свое возмущение.

— Какой ужас, Алек! Как же ты мне ничего не сказал до сих пор? Послушай, давай поживи у меня! Квартирка крохотная, но в комнате еще есть место, если тебя устроит раскладушка. Нельзя же в самом деле жить на улице! Ты что, приятель!

— Да нет, я в порядке,— возразил Лимас, похлопывая по карману с конвертом.— Найду я работу.— Он решительно тряхнул головой.— Через недельку-другую. Тогда буду в полном порядке.

— Какую работу?

— Не знаю. Какая-нибудь да найдется.

— Но ты не должен соглашаться на какую попало, Алек! Зачем же недооценивать себя? По-немецки ты говоришь, как настоящий немец, я это прекрасно помню. Есть масса всякой работы, которую ты можешь делать.

— Массу всякой работы я уже делал. Продавал энциклопедию для какой-то паршивой американской фирмы, сортировал книги в библиотеке, прованивался насквозь на фабрике клеящих веществ — какого черта еще я могу делать?

Он смотрел не на Эйша, а прямо перед собой, и губы у него дрожали. Эйш бурно выражал сочувствие: наклонился к нему через стол, заговорил приподнято, с воодушевлением.

— Алек, неужели ты не видишь, что тебе нужны связи? Я тебя прекрасно понимаю — было время, я сам находился в таком же положении. Тебе необходимо познакомиться с людьми. Я не знаю и не хочу знать, что ты делал в Берлине, но, согласись, там не то место, где можно найти нужных людей. Не встреть я пять лет назад в Познани Сэма, я до сих пор барахтался бы за бортом. Давай, Алек, перебирайся-ка на недельку-другую ко мне. Договоримся встретиться с Сэмом, может, повидаемся еще с кем-нибудь из старых журналистов, бывших в Берлине, если кто-нибудь из них в Лондоне.

— Да я не умею писать,— сказал Лимас.— Марать бумагу — не мое занятие.

Эйш положил руку Лимасу на плечо.

— Пока что не нервничай,— сказал он.— Не все сразу, разберемся постепенно. Где твое барахло?

— Что?

— Твои вещи — всякая там одежда, чемоданы и прочее.

— Ничего у меня нет. Я продал все, что было. Вот только пакет и остался.

— Какой пакет?

— В оберточной бумаге, который ты подобрал на скамейке. Ну, тот, что я пытался выбросить.

Квартира Эйша помещалась на площади Дофина. Точно такая, как Лимас и ожидал,— маленькая, безликая, с сувенирами из Германии, пивные кружки, массивные трубки и прочая безвкусица.

— По субботам я у мамы в Челтенхеме,— сказал Эйш.— Квартирой пользуюсь всего несколько дней в неделю. Тебе будет удобно,— добавил он.

Они поставили раскладушку в крохотную гостиную. Было около половины пятого.

— Давно живешь здесь? — спросил Лимас.

— Года полтора.

— Легко нашел?

— С квартирами, знаешь, дело случая. Обращаешься в бюро, и в один прекрасный день тебе звонят — все в порядке.

Они попили чай, который приготовил Эйш. Лимас продолжал хмуриться, как человек, не привыкший к комфорту. Эйш тоже, казалось, приуныл. После чая он сказал:

— Схожу за покупками, пока не закрылись магазины. Потом решим, что делать. Вечером я могу звякнуть Сэму. Думаю, чем раньше вы встретитесь, тем лучше. А ты поспи — тебе не помешает.

Лимас кивнул.

— Чертовски мило с твоей стороны,— он неловко развел руками,— ну, все, что ты для меня делаешь.

Эйш хлопнул его по плечу, взял свой плащ военного покроя и вышел.

Как только Эйш оказался на улице (Лимас прикинул по времени), Лимас поставил замок на предохранитель, спустился в парадную, где стояли две телефонные будки, набрал номер и попросил секретаршу мистера Томаса. Немедленно женский голос ответил:

— Секретарь мистера Томаса слушает.

— Я звоню от мистера Сэма Кивера,— сказал Лимас.— Он принял приглашение и надеется лично встретиться с мистером Томасом сегодня вечером.

— Я передам мистеру Томасу. Он знает, где вас найти?

— На площади Дофина,— ответил Лимас и назвал адрес.— До свидания.

Быстро прочитав список жильцов, он вернулся в квартиру, уселся на раскладушку, скрестил руки

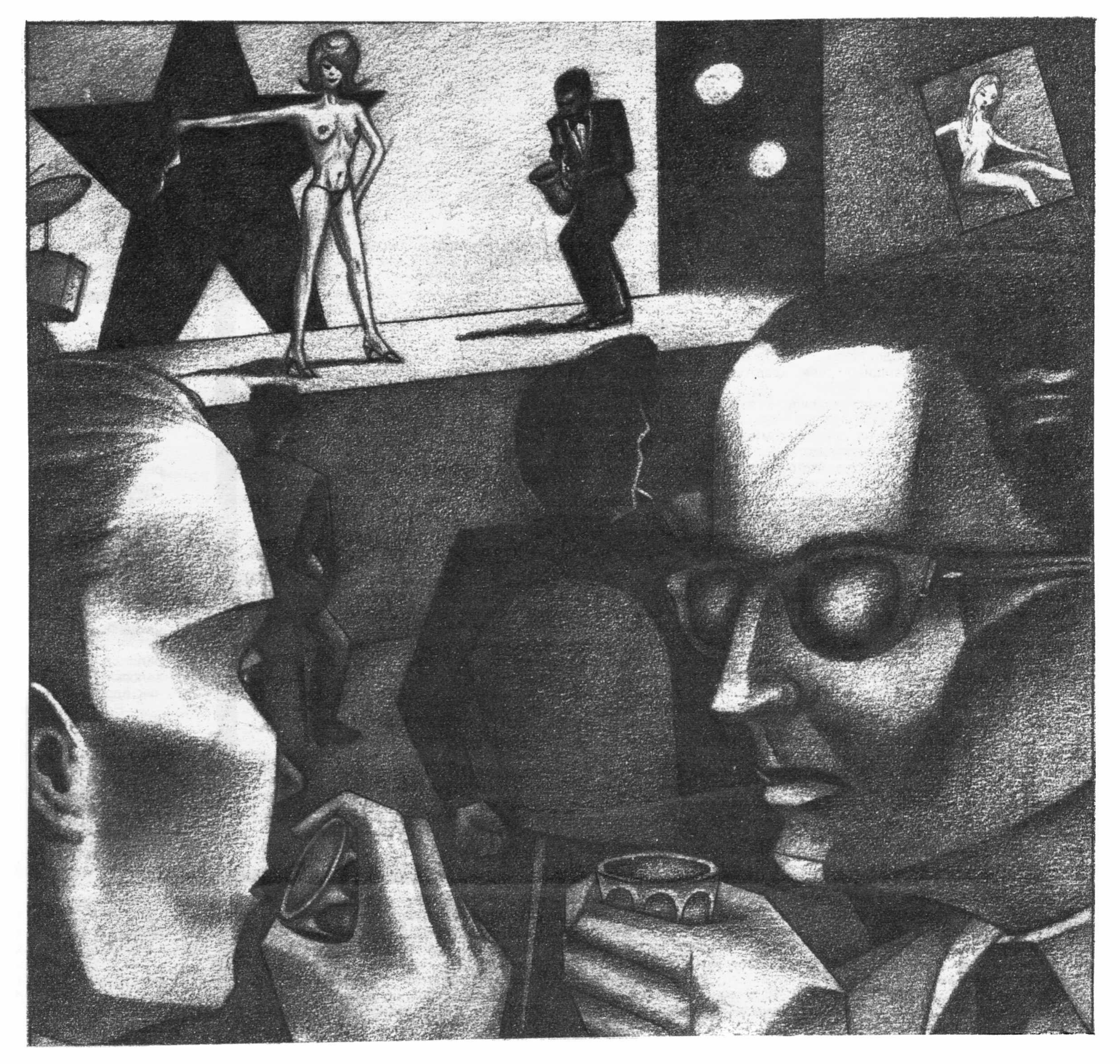

Рисунок Роберта ДЖОРДАНА

и уставился в одну точку. Потом улегся. Как только он закрыл глаза, ему представилась Лиза, лежащая рядом с ним в квартире на Байуотер, и захотелось узнать, что с ней.

Его разбудил Эйш, который пришел с невысоким плотным мужчиной с седеющими, отброшенными назад волосами и в двубортном костюме. Мужчина говорил по-английски с легким среднеевропейским акцентом. Возможно, и немец. Трудно сказать. Назвался Кивером — Сэм Кивер. Они пили джин с кока-колой. В основном разговаривал Эйш. Ему вспоминаются, сказал он, былые времена в Берлине: собрались приятели, сидят, беседуют, за окном — ночь. Кивер предупредил, что долго задерживаться не будет — завтра нужно работать. Они решили поужинать в китайском ресторане против полицейского участка. Эйш там бывал. Вино нужно приносить с собой. В кухне нашлось бургундское — Эйш сам этому удивился,— и они прихватили его в такси.

Ужин был отменный. Они выпили обе бутылки. На второй у Кивера немного развязался язык. Он только что вернулся из поездки по Западной Германии и Франции. Во Франции сплошной кавардак, де Голля вот-вот провалят, и что там будет, знает один Бог. При том, что из Алжира вернулись сто тысяч полностью деморализованных военных, он, Кивер, не удивится, если там установится фашизм.

— А как в Германии? — подстрекнул его продолжить беседу Эйш.

— Вопрос только в том, удержат ли янки в своих руках немцев.— Кивер посмотрел на Лимаса, как бы приглашая высказаться.

— Что вы имеете в виду? — спросил Лимас.

— Именно то, что я сказал. Даллес навязывает немцам одну внешнюю политику, Кеннеди — другую. Немцы в растерянности.

— Вонючие янки в своем репертуаре.— Лимас резко кивнул.

— Алек, видимо, недолюбливает наших американских родичей,— подчеркнуто сказал Эйш, на что Кивер с полным безразличием пробормотал: «В самом деле?»

«Кивер тянет резину,— подумал Лимас.— Изворачивается, словно лошадь объезжает. Подпустит к себе — и в последнюю минуту увертывается. Этакий влиятельный человек, догадывающийся, что к нему обратятся за одолжением, но его, мол, не такто просто уговорить».

После ужина Эйш сказал:

— Я знаю одно местечко на Уордор-стрит — ты бывал там, Сэм. Обслуживают — пальчики оближешь. Не отправиться ли нам туда?

— Минуточку,— сказал Лимас, и что-то в его тоне заставило Эйша быстро взглянуть на него.— Скажите мне только, кто будет платить за удовольствие?

— Я,— ответил Эйш.— Сэм и я.

— Вы так договорились?

— По правде сказать, нет.

— Потому что у меня — ни гроша, ты же знаешь. Во всяком случае, на развлечения.

— Конечно, Алек. До сих пор я ведь брал все на себя, верно?

— Верно,— ответил Лимас и как будто собрался сказать что-то еще, но раздумал.

Эйш, казалось, встревожился, а Кивер оставался по-прежнему непроницаемым.

В такси Лимас упорно молчал. Эйш сказал что-то утешительное, но Лимас только раздраженно пожал плечами. Они проехали на Уордор-стрит и вышли из машины. Ни Лимас, ни Кивер не сделали ни малейшей попытки расплатиться. Эйш повел их мимо витрины с журналами сомнительного толка в конце переулка, где горела неоновая надпись: «Клуб любителей голосовать. Вход только для членов клуба». По обеим сторонам дверей висели фотографии девиц, пересеченные наискось надписью: «Обнаженная натура. Только для членов клуба».

Эйш позвонил. Дверь сразу же открыл очень толстый мужчина в белой рубашке и черных брюках.

— Я член клуба,— сказал Эйш,— а эти двое джентльменов — со мной.

— Разрешите взглянуть на ваш билет?

Эйш вынул из бумажника билет и протянул ему.

— Взнос за временное членство по фунту с каждого из ваших гостей и ваша рекомендация.

Он протянул билет Эйшу, но Лимас, словно желая помочь ему, подхватил билет, незаметно пробежал глазами и отдал Эйшу.

Достав из кармана два фунта, Лимас положил их в протянутую руку швейцара.

— За гостей,— сказал он, не обращая внимания на бурные протесты Эйша, и открыл дверь, ведущую в холл.

— Найдите нам столик, закажите бутылку виски и проследите, чтобы нас никто не беспокоил,— сказал он швейцару.

Тот помедлил, но решил не возражать и повел их вниз по лестнице. Внизу приглушенно рыдала музыка. Они выбрали себе столик в конце зала. Играл маленький оркестр, вокруг небольшими группками сидели девицы. Две из них тотчас же поднялись, но толстый швейцар отрицательно помотал головой.

Пока они ждали виски, Эйш не сводил с Лимаса тяжелого взгляда. Кивер, казалось, немного скучал. Официант принес виски и три стакана. Они молча смотрели, как он наливает понемногу в каждый стакан. Лимас взял у него из рук бутылку и долил все стаканы до краев. Покончив с виски, он наклонился к Эйшу и сказал:

— Ну, может, теперь ты мне скажешь, что все это значит?

— Ты о чем, Алек? — растерялся Эйш.— Что ты имеешь в виду?

— Ты начал следить за мной, как только я вышел из тюрьмы,— спокойно сказал Лимас,— привязался с какой-то дурацкой историей, будто встретил меня в Берлине, всучил мне деньги, которых у меня не брал, кормил-поил, поселил в своей квартире и...

— Ну, если ты так, то...— покраснел Эйш.

— Не перебивай,— взъярился Лимас,— заткнись, пока я не кончу. Ясно? Твой билет в этот клуб выписан на имя какого-то Марфи. Тебя, что ли, так зовут?

— Нет, это не мое имя.

— Ага, значит, какой-то приятель по имени Марфи одолжил тебе свой билет?

— Не совсем так. Я, если тебе уж так непременно хочется знать, захаживаю сюда к девочкам и вступил в клуб под вымышленной фамилией.

— В таком случае,— продолжал кипеть Лимас,— почему Марфи значится съемщиком твоей квартиры?

И тут заговорил Кивер.

— Идите-ка домой,— сказал он Эйшу,— я сам разберусь.

Молодая девица с синяком на грязноватом бедре выступала со стриптизом. Жалкая нагота, при виде которой становится неловко, потому что она не имеет ничего общего ни с эротикой, ни с искусством, ни с чувственностью. Девица медленно поворачивалась, дрыгая время от времени руками и ногами, словно слышала музыку лишь урывками, и не сводила с них глаз, изображая любопытство ребенка, попавшего в общество взрослых. Музыканты резко перешли на ускоренный ритм, и девица, как настеганная плеткой собачонка, задергалась взад и вперед. Сняв на последней ноте бюстгальтер, она подняла его над головой, демонстрируя свое тощее тело, опутанное тремя полосками безвкусной мишуры, как у старой елочной игрушки.

Лимас и Кивер молча смотрели на нее.

— Вы, поди, сейчас скажете, что в Берлине мы с вами видали и получше? — подкусил Лимас, и Кивер понял, что он все еще сердится.

— Вы, возможно, и видали, но без меня,— любезно ответил Кивер.— Я хоть и часто бывал в Берлине, но ночные клубы не в моем вкусе.

Лимас промолчал.

— Я не пуританин,— продолжал Кивер.— Отнюдь. Просто здравомыслящий человек. Если мне нужна женщина — я знаю более дешевые способы ее получить, если хочется потанцевать — хожу в более приличные места.

Лимас, казалось, не слушал его.

— Может, скажете, зачем этот педераст привязался ко мне? — настаивал он.

— Охотно скажу,— кивнул Кивер.— Я ему велел.

— Для чего?

— Я интересуюсь вами. Хочу предложить кое-что по журналистской части.

Наступила пауза.

— Вот оно что! Значит, по журналистской части,— сказал Лимас.— Понимаю.

— Я открыл агентство — служба международной информации. Хорошо оплачивается. Очень хорошо. За интересный материал.

— Кто публикует?

— Совсем хорошо оплачивается. Человек с таким опытом, как у вас, в области... международных связей, человек с вашим прошлым, который, знаете ли, может дать соответствующий фактический материал, в недалеком будущем наверняка не будет беспокоиться о своем финансовом положении.

— Кто же все-таки публикует материал, Кивер? — В голосе Лимаса прозвучала резкая нотка, и на долю секунды тень опасения промелькнула на спокойном лице Кивера.

— Клиенты из разных стран. У меня в Париже есть корреспондент, который держит связь с моим персоналом. Я часто и сам не знаю, кто именно его публикует. Признаться,— добавил он с обезоруживающей улыбкой,— меня это нисколько не заботит. Они платят — остальное не мое дело. Тут, знаете ли, народ такой, что не вдается в щекотливые мелочи. Платят они исправно и охотно это делают через международные банки, где нет, скажем, никаких хлопот с налогом.

Уставившись в свой стакан, который он держал обеими руками, Лимас молчал.

«Черт возьми,— думал он,— прет напролом, до неприличия». Ему вспомнилась дурацкая острота из мюзик-холла: «Я девушка приличная, за деньги не продаюсь, а кроме того, не знаю, устроит ли меня цена». «С тактической точки зрения,— размышлял Лимас,— он прав, что торопит события. Я только что из тюрьмы, еще свежо впечатление от пребывания там, еще не остыло чувство обиды. Объезжать меня не нужно — я старая лошадка. С какой стати делать вид, что они оскорбили мое достоинство английского джентльмена! С другой стороны, он, видимо, ждет от меня практических замечаний, предполагает, что я могу испугаться. Их разведка следит за связью своих людей с перебежчиками, как око Божье за Каином. Они же знают, что здесь дело такое: кто кого. Для них не секрет, что неожиданная реакция может свести на нет любую операцию, как бы хорошо она ни была спланирована; что проходимцы и преступники могут устоять перед самыми цветистыми уговорами, тогда как респектабельный джентльмен способен пойти на предательство за ломаный грош».

— Им придется платить как следует,— пробормотал наконец Лимас.

Кивер налил ему еще виски.

— Они предлагают пятнадцать тысяч фунтов. Деньги уже переведены в швейцарский банк. При соответствующих документах, которыми вас снабдят мои клиенты, вы сможете их получить. Мои клиенты сохраняют за собой право в течение года задавать вам дополнительные вопросы с надбавкой в пять тысяч фунтов. Они же вам помогут уладить... технические детали, если понадобится.

— Как скоро вы хотите получить ответ?

— Сейчас. От вас не требуется представлять материалы в письменной форме. Вы встретитесь с моим клиентом, и он позаботится, чтобы они были... переписаны.

— Где я должен с ним встретиться?

— Мы считаем, что для каждого из вас проще это сделать за пределами Англии. Мой клиент предлагает Голландию.

— У меня нет паспорта,— сказал Лимас тупо.

— Я с удовольствием для вас его достану,— ответил Кивер слащавым тоном. Он говорил в такой манере, словно речь шла о практических мелочах обычного бизнеса.— Завтра без четверти десять утра вылетим в Гаагу. Ну что, пойдемте ко мне домой, обсудим остальные детали?

Кивер расплатился, взял такси и назвал адрес в достаточно фешенебельном районе, недалеко от парка Св. Джеймса.

Кивер жил в роскошной квартире, но оставалось впечатление, что она обставлена на скорую руку. Как будто лондонские магазины продавали книги на ярды, а декораторы таким же способом подбирали цвета для стен. Лимас, хоть и не придавал значения таким тонкостям, чувствовал себя, как в гостинице. Когда Кивер показал предназначенную ему комнату (она выходила не на улицу, а в темный двор), Лимас спросил:

— Давно здесь живете?

— Нет, недавно,— ответил Кивер не задумываясь,— несколько месяцев, не больше.

— Цена должна быть головокружительная. Но я полагаю, вы того стоите.

— Спасибо.

В его комнате на серебряном подносе стояли бутылка виски и сифон с содовой. В углу висела портьера, отделявшая ванную комнату с умывальником.

— Прямо-таки гнездышко для голубков. И все на деньги великой Страны Трудящихся?

— Заткнись,— рассвирепел Кивер, но добавил: — Если я понадоблюсь — вот внутренний телефон. Я проснусь.

— Пожалуй, я уже сам умею раздеваться,— съязвил Лимас.

— Значит, спокойной ночи,— отрезал Кивер и вышел из комнаты.

«И этот еле сдерживается»,— подумал Лимас.

Лимаса разбудил телефон, стоявший у его изголовья. Звонил Кивер.

— Уже шесть часов,— сказал он.— Через полчаса завтрак.

— Хорошо,— ответил Лимас и повесил трубку.

У него болела голова.

Кивер, видимо, заказал такси по телефону, потому что в семь часов в дверь позвонили, и Кивер спросил Лимаса:

— Все взяли?

— Кроме зубной щетки и бритвы, мне нечего брать,— ответил Лимас.

— Ну, вещи вам дадут. А в остальном вы готовы?

— Наверное, да,— пожал плечами Лимас.— Сигареты у вас найдутся?

— Нет, но вы сможете купить в самолете,— ответил Кивер.— Изучите его как следует,— добавил он, протягивая Лимасу английский паспорт.

Паспорт был выписан на имя Лимаса с его фотографией, уголок которой захватывала рельефная печать, выдавленная под ней. Паспорт не совсем старый, но и не новый. Лимас в нем значился клерком и холостяком. Взяв его первый раз в руки, Лимас даже разнервничался. Немножко как женитьба: что бы ни случилось, а стать снова ни разу не женатым человеком уже нельзя будет никогда.

— А деньги? — спросил Лимас.

— Они вам не нужны. Фирма берет расходы на себя.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ

И вот я в первом киббуце. Он называется Саад и расположен в Северном Негеве.

У въезда в усадьбу я увидел несколько рабочих в синих комбинезонах, которые что-то делали на площадке, уставленной тракторами и комбайнами. Пока мой спутник, привезший меня сюда, выяснял, в какую сторону нам следует ехать, я с удивлением заметил, что все рабочие носят ермолки — маленькие белые шапочки, пришпиленные к волосам булавками. Я знал, что ермолка, или, как ее еще называют, «кипа»,— это верный признак, отличающий человека не только верующего, но и «практикующего» иудейскую религию. Мое удивление, видимо, отразилось на моем лице, так как мой спутник вдруг сказал:

— Не удивляйтесь, киббуц Саад — религиозный киббуц.

— Но ведь киббуцы — социалистические или даже коммунистические общины. Ветхозаветный иудейский Бог уживается с социализмом?

— Это Израиль. Здесь многое смешалось, переплелось, в том числе и самые противоположные вещи. Впрочем, религиозных киббуцев в Израиле мало, кажется, всего пятнадцать из общего числа в примерно двести пятьдесят поселений. Во всех остальных киббуцах живут сторонники левых идей и левых партий, и они, как правило, атеисты.

Однако члены киббуца Саад, с которыми я разговаривал в тот же день, рассуждали об этом вопросе несколько иначе, чем мой спутник.

— Разве то, что принято считать социалистическим идеалом — равенство и социальная справедливость, древнее иудаизма? — спросил меня пожилой человек, один из основателей религиозного киббуца.— В Танахе, в речах иудейских пророков содержится и социализм. Уже Иосиф, правивший Египтом, был в некотором роде социалистом, и проблему продовольствия в голодные годы разрешил методами государственного социализма. Так что нет никакого противоречия между организацией коммуны, в которой все равны, и строгим исполнением предписаний еврейской религии. Мы здесь все люди разные, но в своем отношении к Богу мы единомышленники. От других киббуцев нас отличает именно это. Ведение хозяйства и принципы управления во всех киббуцах одинаковы, но вот у нас построена синагога, а в других местах строят клубы, театры, спортивные залы. В синагоге мы не только молимся, но и ведем дискуссии о Раше и Рамбаме, о спорных вопросах в толковании Библии и Талмуда, а в левых и ультралевых киббуцах вы услышите лекции об учении Маркса, о Ленине, о современных проблемах социализма. Все это Израиль, удивляться не нужно.

Но мог ли я не удивляться? Поводов для удивления было слишком много.

Я побывал в семи разных киббуцах в разных районах страны. В одном из них — Эйн Ахорэш — на севере Израиля, я прожил несколько дней. Что же я увидел?

В какой бы киббуц я ни приезжал, мне показывали одно и то же. Прежде всего просторный цветущий сад с экзотическими деревьями и растениями

КИББУЦ

Отправляясь в Израиль, я думал: принято считать, что благодаря современным средствам передвижения и распространения информации наша земля стала космической деревней— все, что случается в любом ее уголке, в тот же день, иногда даже в тот же час, становится известным всем ее обитателям. Но вот я еду в Израиль, а что я, собственно, о нем знаю? Об израильско-арабском конфликте я читаю день за днем на протяжении многих лет. Ну а что я мог прочитать за эти же годы об израильском обществе, его нравах, заботах и быте, о существующих в нем идейных течениях, о его культурной и духовной жизни? Что в Москве известно, например, об израильских кибуцах? Это и в самом деле, как уверяют некоторые справочники, сельскохозяйственные поселения, основанные на общности имущества, производства и потребления, другими словами, социалистические или даже коммунистические объединения трудящихся? Если это так, они представляют для нас особый интерес, тем более теперь, когда мы так горячо спорим о колхозной системе и путях перестройки сельского хозяйства. Что представляет собой израильский социалистический эксперимент в деревне, каковы итоги «киббуцианской» попытки построить общество равных в море неравенства современной жизни?

После таких мыслей я решил, что, хотя киббуцы, вероятно, не исчерпывают израильскую действительность, будет интересно все же познакомиться с этим явлением, существующим только в Израиле,— одна из целей моей поездки должна состоять именно в этом, в попытке понять, что такое киббуц.

с зелеными полянами, застроенными маленькими уютными домиками по три или четыре в ряд, перед каждым из них небольшая терраса и свой крохотный садик, засаженный кактусами и цветами. В этих домиках живут члены киббуца, у каждого свой домик, точнее, своя отдельная квартирка, как правило, небольшая, чаще всего двухкомнатная, обставленная по вкусу хозяина. Квартирки все современные, с ваннами и санузлами, но без кухонь — их заменяют небольшие газовые или электрические плиты, установленные в прихожей, в нише коридора. Необходимости в своей кухне, как мне объяснили, не ощущается, во-первых, потому, что киббуцники обычно питаются в столовой киббуца, где пища не отличается от домашней, а во-вторых, еще и потому, что дети не живут в этих квартирках вместе с родителями, а в отдельных, прекрасно оборудованных домах-интернатах, расположенных поблизости в том же общем саду. Каждый из этих интернатов рассчитан на определенный возраст, год за годом дети переходят из одного дома в другой, и так вплоть до своего совершеннолетия.

Потом мне показывали общественные постройки — столовые, библиотеки, мастерские, площадки для игр и спортивных занятий, клубы с просторными зрительными залами, вертящимися сценами и другим современным оборудованием. Эти постройки поражали иногда своими размерами, ультрасовременной архитектурой, фресками и скульптурами, созданными местными художниками-любителями.

Следующими объектами для осмотра обычно были небольшие фабрики, мастерские, лаборатории, существующие в каждом киббуце и производящие самые различные изделия,— от бочкотары и мебели до электронных схем и фармацевтических товаров. Индустриальный сектор в киббуцах стал необходимым после того, как сельскохозяйственное производство себя исчерпало, оно давно ведется интенсивным способом; и так как земельных резервов нет, появилась индустрия, которая развивается вполне успешно, хотя и создает множество проблем.

Все это, а также сильное впечатление, которое производили высокий уровень техники, используемой в киббуцах, рациональная организация всех работ и достигнутые результаты, особенно в сельхозпроизводстве — надой молока с коровы доведен здесь до десяти и даже одиннадцати тысяч литров в год,— условия коллективного быта, качество пищи в столовых и многое другое делали поездки в киббуцы несколько похожими на футурологические экскурсии. И первая мысль была: вот оно простое и ясное доказательство правильности коммунистической идеи, ее полной осуществимости. Эти поселения очень похожи на то, что описано в социалистических утопиях. Выходит, что эти утопии осуществились в легендарной Стране Обетованной, о которой в Библии говорится, что она уже в древности «текла молоком и медом»?

Я, конечно, понимал, что нужно не только видеть киббуцианские сады, дышащие благовониями и похожие на оазисы, уцелевшие после исчезновения с лица земли библейского Эдема, но и понять, какая в них идет жизнь, каковы их обитатели. Создав эти сады и завидное сельское хозяйство, киббуцники сумели поднять и человеческие отношения на новую ступень и добиться истинного равенства?

Вместе с этими вопросами возникли у меня и первые сомнения. Сомневаться я стал как раз после того, как убедился в материальных успехах киббуцев, в том, что каждый член этих поселений, не обладая личной собственностью и имуществом, обеспечен до конца своих дней всем необходимым на приличном уровне, зачастую на более высоком, чем многие жители Израиля, проживающие в городах. Основой моих сомнений была одна-единственная статистическая цифра, о которой я узнал, знакомясь уже с первым киббуцем: израильские киббуцы охватывают не больше трех процентов населения Израиля, в них живут всего лишь около ста тысяч человек, и это число давно не растет. Тут сразу же возникал вопрос: почему такой малый процент после столь больших успехов? Это ведь не какой-нибудь единичный эксперимент типа Нью-Ланарка, учрежденного Робертом Оуэном в Англии на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий? Не похоже это и на пестрые, хаотичные коммуны, возникшие в России после Октябрьской революции. Киббуцианское движение — массовое движение, существующее уже свыше семи десятилетий. Оно хорошо организовано, имеет свои школы, свою печать и даже свои университеты. Труд киббуцников лежит в основе современного Израиля в первые десятилетия существования государства, выходцы из киббуцев часто занимали в нем высшие должности. Почему же все это не получило дальнейшего развития, почему только три процента, почему пример поселений равных не заразил все сердца?

Уже при знакомстве с первым киббуцем я убедился, что это действительно коммуна, в которой все равны. Система управления очень проста: раз в году на общем собрании избираются комиссии, управляющие разными секторами — производством, вопросами труда, финансами, бытом, отдыхом. Избираются координаторы комиссий, а также координатор всего киббуца. Но и каждую неделю происходят общие собрания, на которых обсуждаются все мало-мальски важные вопросы и принимаются решения. Основной принцип управления — абсолютное равенство всех членов коммуны.

Все это говорили мне в каждом киббуце. Но разве мог я забыть опыт и практику «реального социализма»? И потому я стал, конечно, расспрашивать своих собеседников, в чем заключаются привилегии координаторов и других «руководящих» лиц киббуца. К стыду своему, я вскоре убедился, что мои собеседники чаще всего даже не понимают, о чем я говорю; миру, в котором они жили, было чуждо понятие «привилегия».

— Какие тут могут быть привилегии? — спрашивали меня.— Руководителям комиссий приходится работать лишние часы и даже, если кто-нибудь из них временно освобожден от своей основной работы, это его не радует — работа в комиссиях требует больше сил и времени, чем любая другая, никто не соглашается состоять в комиссии больше года.

Мне пришлось отказаться от всяких аналогий и признать, что мир киббуцев не похож на миры, которые я знал. Отличался он прежде всего тем, что был основан на строгой добровольности, на возможности покинуть его в любой момент; дети, рожденные и воспитанные в киббуце, по достижении совершеннолетия свободно решают, остаются ли они в нем или уходят в другую жизнь. Все это было просто и понятно, но еще не давало ответа на вопрос: каков, в сущности, этот мир? Ответ надо было, по-видимому, искать в конкретных людях. И я стал присматриваться к людям.

Очень помогло мне то, что я всюду встречал людей, еще не забывших русский язык, хотя они и покинули Россию много десятилетий тому назад. Все, что я видел, узнавал в киббуцах, то и дело уводило к мыслям о России, к русскому революционному движению, а также к мыслям Толстого, которые тоже сыграли не последнюю роль в киббуцианском движении. Но, Боже, какими извилистыми путями шел израильский социалистический эксперимент. И каким мучительным было постижение израильскими киббуцниками всего того, что произошло в Мекке их социалистической веры.

Когда Бен Саул — маленький, седой, с уже согнутыми плечами киббуцник, привел меня в свою чистенькую квартирку, то он первым делом показал мне свою русскую библиотечку, в которой выделялись красные томики третьего Собрания сочинений Ленина. Бен Саул родился в Одессе, и, хотя его вывезли оттуда еще ребенком, он не забыл русский язык, усовершенствовался в нем в зрелые годы и всю жизнь читал русские книги, особенно политическую литературу на марксистские темы, потому что всю жизнь оставался сторонником социалистических идей и активистом левой фракции израильской партии труда. Он, однако, не закрывал глаза на действительность, на все то, что случилось на его веку как в России, так и в Израиле, и, разумеется, в родном киббуце, к которому он принадлежал с самого его основания.

Бен Саул показал мне все, что полагается показывать приезжему: великолепную новую столовую поселения и еще более великолепный, лишь недавно законченный театр, в котором в тот час, когда мы в него заглянули, шла репетиция оперы, готовящейся к постановке певцами и музыкантами-любителями из ближайших двух киббуцев. Потом мы осмотрели археологический музей киббуца, где на полках были выставлены обломки статуй, амфор и строений, найденных в окрестностях, вещественные доказательства хорошо

известного археологам факта: стоит копнуть землю Израиля в любом месте, как можно обнаружить следы богов, демонов, культур пятидесяти народов, которые по очереди приходили завоевывать эту землю. Осмотрели мы и художественную мастерскую, которой пользуются и молодые, и старые кибуцники, ощущающие тягу к живописи, скульптуре, керамике. Мы побывали и в собачьей лечебнице, а также на ферме животных, за которыми ухаживают дети кибуца, учась жалости к младшим братьям человека и ответственности за порученное им дело. Заходили мы с Бен Саулом и в компьютерную кибуца, куда стекаются и регистрируется все сведения о производимых работах и ведется вся бухгалтерия хозяйства.

Мы гуляли по кибуцу в тот субботний послеобеденный час, когда дети и внуки приходят к своим родителям и дедам; из открытых окон и веранд, из садиков, прилегающих к каждому жилому домику, доносились веселые голоса и смех. История всего того, что я видел, начиналась в изложении моего спутника с воспоминаний, которые я слышал и в других местах: основатели кибуца начинали с нуля, жили в палатках на голом песке, рыли первые колодцы, сажали первые деревья. Все начиналось с упорного, фанатичного, многолетнего труда, который в конце концов превратил песчаные дюны в цитрусовые сады, исторг из песка и камней хлеб, фрукты, овощи. Когда в начале века, рассказал Бен Саул, в Палестину прибыли люди так называемой «второй алии», то есть второй волны иммиграции, эта земля была турецкой провинцией, она была нищей, веками запущенной, почти бесплодной, и господствовали на ней феодальные порядки. «Вторая алия» прибыла из России, это были юноши и девушки из «черты оседлости» Российской империи, среди них много учащихся старших классов и студентов, подвергавшихся гонениям со стороны царских властей за свои симпатии к революционному движению России. Они не были приучены к тяжелому физическому труду, и это тоже стало одной из причин, почему они избрали для себя путь коллективного труда. В свое время русские интеллигенты шли «в народ». Еврейские интеллигенты начала двадцатого века поставили себе задачу создать трудовой народ, причем свободный от эксплуатации и объединенный в коллективных общинах. В 1910 году десять парней и две девушки, выходцы из России, положили основу сельскохозяйственной коллективной общины в долине Иордана, на берегу Галилейского озера. Это была «Дгания» — первое кибуцное поселение, «матерь кибуцев». Тогда же вышел перевод с русского книги о толстовских коммунах «Криница».

Затем Бен Саул заговорил о принципах организации кибуцев и повторил то, что я уже знал об отсутствии денег и личного имущества, о строгой добровольности, о доверии и поочередном занятии всех должностных мест. Коллективная воля тоже никому не навязывается, каждое решение дебатируется так долго, пока с ним не соглашаются все.

Бен Саул не упрощал и не скрывал проблемы кибуца. Он сказал, что добровольности недостаточно, если бы дело ограничивалось восемью часами ежедневного труда, не было бы кибуцев. Нужна полная отдача, нужна любовь к кибуцу, преданность его идеям.

— Проблема кибуца,— сказал он,— это проблема одной большой семьи. Интересы семьи тоже не всегда совпадают с интересами отдельных ее членов, но в дружной семье это преодолевается. Если кибуцники не будут вести себя, как члены одной семьи, поселение развалится.

— А это получается? — спросил я.

— Вы же видите: многое получилось, мы многого достигли. Но в последнее время парадокс развития кибуцев в том, что интересы маленькой семьи иногда подтачивают большую...

— То есть как это?

— Очень просто. Все чаще во многих кибуцах ведутся жаркие дискуссии о том, следует ли держать маленьких детей отдельно от родителей. Матери, хоть и живут рядом и всегда имеют доступ к своим детям, все же хотели бы, чтобы дети были дома. Замечено, что после десяти лет дети прекрасно адаптируются к условиям интерната и вырастают более здоровыми и спокойными, чем в домашних условиях. Но с маленькими детьми есть проблемы. С большими людьми тоже есть проблемы,— добавил Бен Саул улыбаясь.— У нас существует даже должность секретаря по неблагополучию, занимающегося личными проблемами кибуцников, которые к нему обращаются за помощью. Случаи, проблемы бывают самые разные, человеческая натура сложна.

В этом месте рассказа я спросил:

— Значит, не удалось создать особый тип человека, способного жить гармонично в коммуне?

— У нас была не одна, а две цели. Во-первых, создать страну, в которой мы могли бы себя чувствовать дома, ведь нам давно надоело вечно раздваиваться, ощущать, что ты не такой, как окружающие. Не забывайте, что основатели первых кибуцев приехали из царской России с ее погромами и «черной сотней». Они не верили, что социалистическая революция сможет в обозримом будущем разрешить еврейский вопрос. И вот одну идею, одну цель мы осуществили — родной дом есть, он принял уже многих гонимых, двери его раскрыты. Да, это осуществилось...

— А социализм?

— Тут все оказалось сложнее. Кибуц — это, конечно же, социалистическая, даже коммунистическая ячейка, почти такая, как она была описана в социалистических утопиях. Помните сны Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?»? Мы их осуществили. И у нас более интенсивное земледелие, чем даже в Соединенных Штатах. И с каждым годом мы становимся богаче. Но оказалось, что и тут кроется опасность.

— Благосостояние опасно?

— Во всяком случае, оно создает неожиданные проблемы. Поскольку каждый дунам нашей земли дает практически все, что мы желаем, отпадает необходимость, чтобы все члены кибуца занимались земледелием. Надо им подыскать другие занятия, создать в кибуцах промышленные цеха. В нашем кибуце уже есть две такие маленькие фабрики: одна производит пластмассовые изделия, другая — медикаменты. Но современная промышленность требует высокой квалификации. Нужны специалисты, и мы вынуждены нанимать их на стороне. Между собой мы все равны, польза всех совпадает с пользой каждого, но по отношению к рабочим и специалистам, приезжающим сюда только работать, кибуц — работодатель со всеми вытекающими из этого последствиями: спорами о зарплате и условиях труда, наличием прибавочной стоимости и эксплуатации. Совместимо ли это с социализмом? Мы уже и так превратились в некие островки благосостояния, кибуцники живут сегодня лучше, чем многие жители Израиля. Но это нас не радует. Мы чувствовали себя лучше, когда у нас ничего не было, кроме веры в свое дело. Она согревала сердца. В первые годы кибуцники не имели даже своей одежды, своего личного белья и брали это, как пищу, из общего котла, после стирки и починки. Выходит, что это и был настоящий коммунизм? Вы видели наши квартиры. Есть уже кибуцы, где поговаривают о покупке личных автомашин. Заграничные поездки за счет кибуца практикуются уже давно и никого больше не удивляют. А в первые годы — тяжелый сон после изнурительного десяти- и двенадцатичасового труда под палящим солнцем, вот и весь отдых.

На лице Бен Саула блуждала какая-то странная улыбка. Томила ли его грусть воспоминаний или мучили сомнения, присущие, как я уже понял, многим кибуцникам?

После паузы он продолжал:

— Когда мы начинали, мы надеялись, что покажем пример и вся страна станет социалистической. Этого не случилось. Кибуцы давно перестали расти. Одни говорят, что прекращение роста есть признак совершеннолетия. Другие, что это всего лишь признак успокоения, насыщения. Кто прав? Молодые люди, родившиеся и воспитанные в кибуце, нередко от нас уходят, как только достигают совершеннолетия; наша жизнь их больше не удовлетворяет, у них другие желания и потребности. Потому ли это, что жизнь наша стала благополучной и веру неизбежно затягивает илом? Или это связано с тем, что произошло во всем мире с социалистической идеей? Что случилось с ней в России, вы там живете, вы не могли бы объяснить?

— А что вы сами думаете о России?

— Я был там два раза в шестидесятых годах, когда еще существовали дипломатические отношения между Советским Союзом и Израилем.

— И каковы ваши впечатления?

— Очень странные... Во время первой поездки я виделся в Москве со своим братом. На это свидание он приехал откуда-то из Сибири, его туда выслали, а когда срок кончился, он там осел. Самое тяжелое впечатление произвел на меня его страх. Такого я в жизни не видел. Он боялся разговаривать, все время оглядывался и весь дрожал. Только один раз мы поговорили по душам, представьте себе, в ГУМе. Кругом шум, гам, очереди, но мой брат перестал дрожать, он считал, что в таком бедламе никто нас не услышит. Разговор в ГУМе не раскрыл мне смысла того, что произошло в России, а только усилил мое удивление. Побывал я и у других родственников-москвичей и видел то, что они называли коммуналка. Это сон, кошмар: пятьдесят женщин стояли у пятидесяти столов на кухне и стряпали пятьдесят разных кушаний среди дыма, чада и какой-то всеобщей перебранки... Моя вторая поездка, когда я ездил в Советский Союз в составе профсоюзной делегации, ничего не прояснила, а еще больше меня запутала. Очень запомнилась наша провожатая Ниночка, бодрая, самоуверенная и по-детски наивная молодая особа, воображавшая, что она очень ловко обводит нас вокруг пальца своими категорическими утверждениями. А нам было неловко за нее, ведь у нас были не только уши, но и глаза. Приехав в Киев, мы ей сказали: «Завтра, Ниночка, мы поедем в Бабий Яр». «Что? — воскликнула Ниночка.— В Киеве нет никакого Бабьего Яра. Откуда вы это взяли?» «Хорошо, мы позвоним в горком и в цека и выясним». «Не надо! — всполошилась Ниночка.— Я сама справлюсь». Оказалось, что в Киеве все же есть Бабий Яр. А еще до Киева мы были в Ленинграде. Замечательно красивый город. Вот бронзовый Петр мчится на бронзовом коне. «Ниночка, можно его сфотографировать?» «Конечно, можно. У нас все можно фотографировать, кроме, разумеется, военных объектов». Через полчаса мы увидели на Невском какую-то огромную очередь, и Ниночка сразу предупредила: «Прошу вас не фотографировать». «Почему? Это военный объект?» «Нет, но вы покажете у себя дома и там скажут, что у нас есть очереди». «Но они же есть!» «Да, то есть нет, фотографировать нельзя...» Когда Ниночка узнала, что мы кибуцники, и ей объяснили, что это социалистические коммуны, она посмотрела на нас, как на глупых детей: «Какой у вас там может быть социализм, в буржуазной стране? Вот поедем в колхоз, и вы увидите социализм». Мы поехали в колхоз. И даже в один из лучших: имени Ленина, под Киевом. У входа в столовую стояла женщина с тазом и кувшином и лила воду на руки тех, кто решил перед едой помыться. «У вас нет водопровода, крана?» — спросили мы. «Есть, но он как раз теперь в ремонте». После обеда мы гуляли по колхозу и с удивлением увидели, что на делянках рядом с домами колхозников растут великолепные помидоры и огурцы, а чуть дальше, в поле, картина совсем другая. Среди сопровождающих нас был человек, который пытался нам объяснить, что такое колхоз, но мы его не поняли. То, что он рассказал о колхозных делах, поражало своим абсурдом, бессмыслицей. Правда, все это было давно, в шестидесятых, и теперь, вероятно, изменилось. Советские люди уже поняли суть социализма?

...А Бен Саул, проживший сорок лет в кибуце, его понимал?

Еще один старый кибуцник из другого поселения. Совсем другой тип, чем Бен Саул, хотя между ними было и много общего. Имя второго кибуцника — Бен Шломо. Он сочетает свою принадлежность к кибуцу с политической и дипломатической работой и дважды уже был послом Израиля в двух разных странах. В перерывах между своими дипломатическими командировками он возвращался в свой родной кибуц, надевал рабочий комбинезон и снова становился таким же кибуцником, как и все остальные. В последний раз он вернулся сюда после того, как партия, к которой он принадлежит, потерпела поражение на всеобщих выборах и должна была уступить бразды правления другой.

Бен Шломо был довольно типичен для этой особой категории кибуцников, которая сыграла большую роль не столько в израильском земледелии, сколько в становлении израильского государства. Один из основателей государства, Бен Гурион, тоже был кибуцником. Когда плавание по бурным водам маленького израильского политического моря, в котором ураганы и штормы возникают чаще, чем в океане, вынуждало его передавать штурвал государства в другие руки, Бен Гурион тоже возвращался в свой кибуц, в Негев. Мне об этом рассказывали все мои добровольные гиды в кибуцах. Никто, однако, ничего не сказал мне о другом: рабочий комбинезон кибуцников, исполняющих время от времени роли министров, полномочных послов и генералов, выражает их глубокий демократизм или он сродни простоте монашеской рясы, облегчавшей в известные времена путь к власти? Политики, члены кибуцев, истинные товарищи и единомышленники тех, кто в застиранных штанах, взятых из «общего котла», обливаясь семью потами, исторгал из песчаных дюн первый израильский хлеб, или главное в их жизни — это волнение и суета политической карьеры, участие в правительственной власти?

Каков бы ни был ответ на этот вопрос, тут налицо одно неожиданное последствие членства в кибуце: в течение ряда лет оно означало в Израиле принадлежность к некой аристократии; политические деятели из кибуцев как бы принадлежали к незримой израильской «палате лордов».

И это не единственный парадокс. В последние годы обнажились и другие. Оказалось, например, что, как бы успешно ни шли дела внутри кибуцев, их конечное благополучие зависит от общего положения дел в стране, от ее финансового равновесия и даже от биржевой игры. Во время последнего кризиса, когда в Израиле развилась бешеная инфляция, кибуцы потеряли много денег и залезли в долги. Один из законов капитализма — банки никогда не должны оставаться в проигрыше — нанес удар и по экономике кибуцев, им пришлось платить высокие проценты, выпрашивать правительственные пособия. Рассказывая об этом, один старый кибуцник, ветеран движения, горестно говорил:

— Кибуцы ведь нельзя уподобить

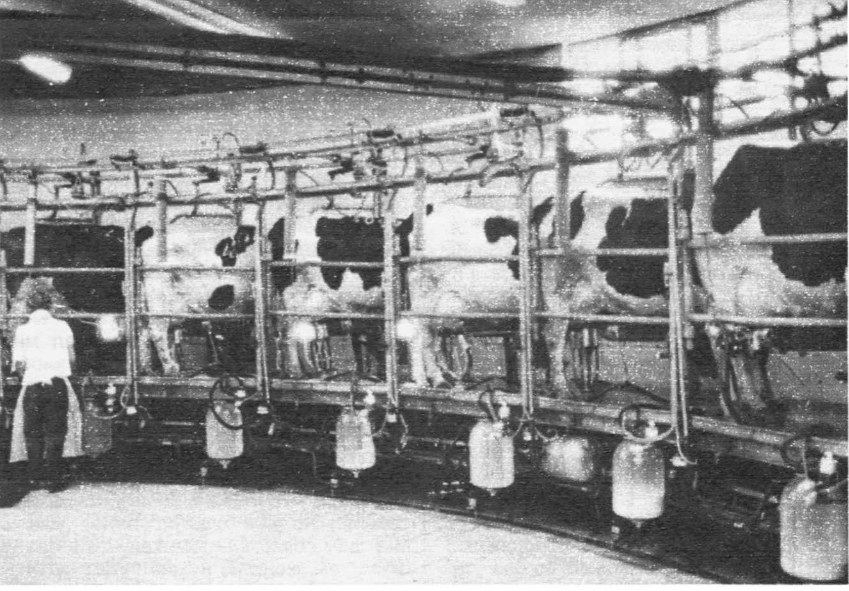

Фото Игоря НОСОВА

отшельникам, которых было так много в горах и долах Палестины. Мы органически связаны с остальной страной, и у нас не может быть своей, особой судьбы. Но израильский кибуцник все же особый тип. В его характере и поведении, в его психологии выражены и сила, и слабость всего движения. А в биографиях киббуцников больше истины о социализме, чем во многих книгах, написанных учеными. Хотите, я дам несколько примеров? На первый взгляд они парадоксальны, но ведь сама истина тоже парадоксальна.

Слыхали ли вы о Мордехае Орене? — продолжал мой собеседник.— Благодаря некоторым печальным обстоятельствам его имя в свое время обошло всю мировую печать. Он был одним из самых воинствующих израильских сталинистов и свято верил в возможность сочетать сталинизм с израильским патриотизмом. Формально он принадлежал к Мапай — левой фракции израильской рабочей партии. Наш киббуц тоже был создан по инициативе этой фракции, до сих пор на выборах здесь голосуют за списки Мапай. Но вернемся к Орену. В сорок восьмом году он поехал в Чехословакию по приглашению чешских коммунистов и приехал туда как раз к началу сталинской кампании против космополитизма, титоизма, сионизма и других привидений, борясь с которыми Сталин и утверждал свою единоличную тиранию. И вот Орена, фанатичного сталиниста, объявили шпионом и приобщили к делу Сланского, который тоже был, конечно, не врагом Сталина, а его послушным орудием. Сланского повесили, а Орена осудили на много лет каторги, но после смерти его московского кумира освободили, и он вернулся в Израиль. И оказалось, что даже личный опыт не изменил его взглядов, все пережитое в сталинских застенках сошло с него как с гуся вода, он еще потом долго пописывал статейки в старом духе, как будто ничего не произошло. Почему? Это проблема, которую можно дебатировать, но важно другое: в сердцах большинства израильских левых соединение большевизма, сталинизма с сионизмом дало трещину только после смерти Сталина, и она уже не зарубцевалась. В первые годы она кровоточила на глазах у всех. Дело принимало иногда анекдотический оборот. Смерть Сталина в марте пятьдесят третьего совпала с веселым еврейским праздником Пурим, но в киббуцах отменили гулянья и пуримские карнавалы и отметили кончину современного Амана примерно так, как религиозные евреи отмечают Тиша-бэав — день уничтожения Иерусалимского храма.

Рассказал мне тот же ветеран киббуца и о другом, ныне уже покойном, но еще не забытом в левых кругах Израиля человеке, которого звали Иосиф Бергер — Барзилай, что означает «железный». В двадцать девятом году Иосиф Бергер, секретарь компартии, солидаризировался с тогдашним иерусалимским муфтием и призвал евреев-коммунистов покинуть Палестину. Несколько сот человек последовали этому призыву и отправились в Советский Союз. Все они позднее погибли. Их род-

ственники ездили в Москву после смерти Сталина и нашли только двух-трех вдов, остальных поглотил ГУЛАГ. А с самим «железным» Иосифом Бергером случилось следующее. В тридцать первом году он тоже уехал из Палестины в свою мекку. В Москве он сначала закономерно занял высокую должность главы Средне-Восточного отдела Коминтерна, а четыре года спустя столь же закономерно был объявлен шпионом и врагом народа, после чего провел двадцать лет в тюрьмах и лагерях, дважды приговаривался к расстрелу. Однако в сумасшедшем мире ГУЛАГа тоже случались чудеса, Бергер не был расстрелян. Он пережил Сталина, вышел на свободу, вернулся в Польшу, а оттуда в Израиль.

— Я видел его после возвращения с того света,— сказал мой собеседник с какой-то не свойственной ему усмешкой.— Меня, как и других людей, знавших Бергера, поразило, что «железный» вернулся старичком с бородкой клинышком, без всякого железа в сердце; вернулся мягкий, добрый старик, который отстранился от всякой партийной деятельности и только писал иногда статьи, опубликовал также две книги, в которых утверждал, что он остался марксистом, но марксизм не в состоянии объяснить того, что произошло в первой в мире марксистской стране. Расскажу вам и эпилог этой истории. Под конец жизни «железный» стал религиозным, его часто видели в одной из тель-авивских синагог. Объясняли это тем, что в России в ожидании расстрела он будто бы дал обет, что если останется жив, то будет поститься и ходить в синагогу. Не знаю, так ли это было на самом деле, но фактом остается то, что Иосиф Бергер, скончавшийся год тому назад, умер как правоверный еврей. Его даже называли «набожный ленинец». Надо ли было сидеть двадцать лет в тюрьмах и лагерях, чтобы вернуться в синагогу?

Мой собеседник сделал паузу, потом неожиданно сказал:

— Надо! Надо!

После новой паузы он продолжал:

— Проблем, как видите, много, даже слишком много. В этой стране все не так, как у других. Но, может быть, это и хорошо. Таковы мы. Надо это не только понять, но и принять. Есть у нас еще проблема Гистадрута — так называется наша генеральная конфедерация профсоюзов, мощная организация, управляющая не только профсоюзами, но целой сетью фабрик и заводов. Гистадруту удалось потеснить частный капитал, но не удалось сделать так, чтобы на принадлежащих ему предприятиях труженик чувствовал бы себя иначе, чем на частной фабрике, ощутил себя подлинным хозяином. Рабочие, занятые на фабриках Гистадрута, несколько лучше обеспечены, вот и вся разница, ничего другого сделать не удалось. Разве это социализм?

— А почему не удалось?

— Эту проблему члены профсоюзов часто дебатируют и множество раз ставили ее перед руководством Гистадрута. Однако там относятся к этому с полным безразличием. Руководство рассуждает по-своему...

— Значит, у вас есть «руководство», обособленная группа чиновников? Так ведь это одна из характеристик «реального социализма».

— Нет, нет! — запротестовал мой собеседник.— У нас все же не так, как у вас. Совсем не так.

— Почему? Только потому, что ваше «руководство» еще не имеет пока власти над всеми предприятиями?

— И никогда ее не получит! — сказал мой собеседник.

В этом он, вероятно, был прав. Политические позиции и влияние израильской партии труда, а также Гистадрута пошатнулись в последние годы. Что же касается киббуцев, то, разговаривая о них с израильтянами, которые в них не живут, я не раз видел скептические улыбки на лицах своих собеседников. Все признавали материальные успехи киббуцев — вместо первоначальной бедности в них царит теперь довольство, вместо изнурительного ручного труда там теперь самая лучшая техника, вместо строгой уравниловки свобода придерживаться личных вкусов в быту. И все же эта жизнь мало кого прельщает. Кое у кого она вызывает даже неприязнь. Одни называют киббуцы новым гетто или «гетто богачей», другие обвиняют их в том, что они изолировали себя от остального Израиля, третьи говорили, что эти новые богачи — эксплуататоры и живут за счет государственных субсидий. Соответствует ли все это истине?

В киббуце Эйн Ахорэш, где я провел несколько дней, я почти все время находился в обществе стариков. Тип киббуцника-старика тоже совсем особый тип. Как правило, он продолжает работать, несмотря на возраст, иногда лишь несколько часов в день и обычно ту работу, которую выбирает сам, но без дела он не сидит. Уже после пятидесяти лет киббуцники имеют право сокращать свой рабочий день, что отнюдь не ведет к безделью. Здесь господствует убеждение, что всякая активность, как физическая, так и духовная, лучшее средство для продления жизни, действующее эффективнее, чем любые медикаменты современной геронтологии. Нигде в Израиле не видел я столь бодрых и всячески занятых стариков весьма преклонного возраста.

— У меня нет времени,— говорил мне восьмидесятилетний Иосиф из Эйн Ахорэш.— Буквально ни минуты свободного времени. Я всегда занят, потому что меня многое интересует. Я, например, много читаю. Я собираю анекдоты и острые слова, у меня уже накоплен материал для целого сборника. Еще я работаю в ателье, где изготовляют игрушки. Я делаю тонкие замысловатые игрушки — и детские, и такие, которые годятся для восьмидесятилетних. Еще я слушаю лекции...

— Из того, что мне за восемьдесят,— сказал Якоб, член того же киббуца,— можно сделать заключение, что я старик и должен скоро умереть. Но можно сказать и другое: я старик, это факт; старость никогда не проходит, и это тоже правда. Но разве я не счастливый человек, что, дожив до нынешнего возраста, еще могу иногда работать, читать лекции, писать, передавать другим мой жизненный опыт? Как же мне не радоваться?

Третий старик примерно того же возраста, Цви, худощавый, крепкий, неутомимо носящийся по аллеям усадьбы на велосипеде или пешком, показал мне не только все постройки и поля киббуца, но и кладбище, похожее на тенистый сад с мощными эвкалиптами, соснами и пышными цветниками.

— Видите, как близко отсюда до нашей усадьбы? — сказал Цви, широко улыбаясь и обнажая свои уже пожелтевшие, но все еще крепкие зубы.— Мой дом совсем рядом, так что я приду сюда сам, меня не нужно будет нести...

Три старика из Эйн Ахорэш были очень разными людьми: Якоб — эрудированный интеллектуал, бывший редактор журнала. Иосиф — молчаливый, задумчивый мечтатель. Цви — балагур, остряк, упивающийся своими остротами и заводной энергией. Но все трое почти всю свою жизнь провели в киббуцах и горячо отстаивали этот образ жизни. Однако они не закрывали глаза на все время меняющуюся действительность.

— Когда мы начинали лет шестьдесят тому назад,— сказал Якоб,— нам всем было по двадцать — двадцать пять лет, и проблем не было. Теперь в киббуцах живут разные поколения, и на каждом шагу возникают проблемы. Бунт матерей, например, женщин, которые хотят, чтобы дети жили дома. И они потихоньку добиваются своего. А что сулит изменение системы образования детей киббуцу? Этого мы пока не знаем. Мы в свое время бунтовали против отцов, желая уйти от коммерции, от типа еврея — «воздушного человека», столь характерного для еврейского местечка начала века. А теперь наши дети бунтуют против нас и хотят иногда вернуться назад, разумеется, не в местечко, а в Тель-Авив, с его погоней за деньгами и другими прелестями современного большого города. Что будет с киббуцами завтра — кто ответит?

— Киббуцы будут жить,— сказал Цви.— Киббуц — это лаборатория. Люди вряд ли пойдут по этому пути, но это эксперимент, очень важный для всех, и последнее слово в нем еще не сказано.

— Мартин Бубер, самый известный израильский философ,— сказал Иосиф,— не раз писал о киббуцах. Он высказал мнение, что киббуц — это единственный коллективистский эксперимент, который не провалился. Он не сказал, что эксперимент удался, а только констатировал, что опыт не провалился, хотя прошло уже семьдесят лет. Надо, по-видимому, чтобы прошло еще семьдесят, тогда многое станет яснее...

— И в киббуцах будут жить уже не три, а пять процентов израильтян? — спросил я.

— Три процента населения,— спокойно сказал Якоб,— не значит, что наша доля в жизни страны тоже составляет только три процента. Мы даем двадцать процентов ее материального производства и большой процент ее духовного творчества. Вопрос этот не так прост...

Это я понимал, конечно: все не просто. Жизнь в киббуце и люди киббуца не раз напоминали мне сценки из утопических романов. Старый киббуцник Бен Саул не случайно вспомнил Чернышевского. Приснившиеся его героине сады и плантация, совместный разумный труд и совместные веселые трапезы — все это я видел воочию. Но, знакомясь со всем этим, я вскоре вынужден был вспомнить и героев Достоевского.

— Мы можем дать человеку много выгод,— сказал мне однажды ветеран движения.— Киббуц уже сегодня дает своим членам лучшую квартиру, чем он мог бы приобрести за стенами поселения, лучшую еду, лучшее образование. Только одну вещь киббуц не может дать — иллюзии. Выходит, что они дороже человеку, чем его выгоды?

Мог ли я не вспомнить «Человека из подполья»? И я спросил:

— А вы уверены, что рассчитали правильно все «выгоды»? С чего это вообразили, что человеку надо непременно благоразумного выгодного хотения? Человеку надо одного только **самостоятельного** хотения, к чему бы оно ни привело. Он может захотеть для себя нарочно, сознательно и чего-то вредного, глупого. Каприз может быть выгоднее всех выгод.

Мой собеседник смотрел на меня во все глаза. Видно было, что эта мысль его поразила и что она ему не чужда.

— Вы так думаете? — спросил он.

— Не я так думаю, а так думал Достоевский. И написал об этом за полвека до рождения первого киббуца.

Через несколько дней напомнила мне о том же герое Достоевского прелестная молодая девушка-датчанка, которую я встретил в коровнике киббуца Эйн Ахорэш, что может показаться весьма странным, хотя ничего странного во всем этом не было. В израильских киббуцах можно часто видеть молодых людей, главным образом студентов, приезжающих сюда со всего света поработать в уникальных коммунах, а заодно познакомиться с родившей их страной, вызывающей самые разные и противоречивые мысли и чувства в современном мире. Датчанка, которую я встретил в Эйн Ахорэше, была из Копенгагена, а ее напарник, с которым она работала в коровнике,— студент из Кейптауна.

Конечно, мне следовало бы сначала рассказать об этом коровнике, об удивительном коровьем «балете», который я там видел: коровы сами, вследствие механического открытия и закрытия разных перегородок, шли в доильную камеру, одна за другой, без всякого присмотра или понукания, получая в пути положенный им гигиенический душ, а доильные аппараты не только отцеживали молоко, но тут же взвешивали и охлаждали его, тоже автоматически, без прикосновения человеческой руки и с передачей информации о каждой проделанной операции в центральный компьютер киббуца, где она заносилась в «дело» или «досье» каждой коровы. Ну и т. д. и т. п. Но, поскольку я некомпетентен судить о таких вещах, скажу лишь, что ничего подобного мне не приходилось прежде видеть, и перейду к разговору с молодыми людьми, приехавшими сюда издалека. В этом разговоре меня поразило то, что после многих похвал в адрес киббуца, им все в нем нравилось, на мой вопрос хотели бы они такой жизни для себя, оба, не задумываясь, ответили: «О, нет!» «Но почему? Вы же сами говорите, что вам здесь нравится...» «Да, конечно,— сказал юноша из Кейптауна.— Здесь очень мило, все организовано хорошо, разумно, молодежь живет интересно, не испытывает ни в чем недостатка, они даже могут каждые несколько лет ездить за счет киббуца за границу...» «Да каждые несколько лет,— сказала датчанка и, озорно блеснув глазами, добавила.— Ну, а если я хочу ездить каждый год? Да мало ли еще чего я могу захотеть! Понимаете? Я, может быть, никуда и не поеду, но я должна знать, что мои желания зависят только от меня. Вы поняли, почему жизнь в киббуце лично мне не подходит?»

Еще бы! В облике прелестной девушки в рабочем комбинезоне передо мной стоял все тот же угрюмый, одичалый герой Достоевского, который в своем неуютном петербургском «подполье» ясно осознал, что существует нечто такое, что почти всякому человеку дороже самых лучших его выгод: собственное, вольное и свободное хотение, даже собственный каприз, своя фантазия — самая выгодная для него выгода. Казалось бы, что благосостояние и обеспеченность — это уже достаточный аргумент, который должен был бы привлекать в киббуцы тысячи и тысячи. Но вот только т р и процента.

Какой же вывод можно сделать из всего этого? Признать, что только три процента обычных, «нормальных» людей пригодны для жизни в коллективном устройстве, основанном на идее равенства? Смириться с коммунизмом для трех процентов и перестать придумывать способы идеальной регламентации, которая распространит разумный образ жизни на всех?

...Мне было грустно расставаться с миром киббуцев, с его цветущими садами, уютными домиками, просторными столовыми, залами, полными оживленного говора и смеха после трудового дня. С спокойной, крепкой, закаленной молодежью киббуцев. И с стариками — основателями движения, которые на своем веку все видели, через все прошли и, доживая теперь в тишине и благополучии свои нетихие жизни, продолжают волноваться и спорить о тех же вопросах, с которых они начинали свой путь.

Расставание с киббуцами было печальным. Печаль утраты еще одной иллюзии? Уяснение вопроса — единственный бесспорный вывод моей поездки? Можно считать киббуцы еще одной конечной станцией на тяжелом, труднопроходимом и бесконечно длинном пути, ведущем к истине, достоверности и социальной справедливости, по которым тоскует человеческое сердце?

ФРОНТОВИК ФРОНТОВИКУ ● БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ● ТЕЛЕМАРАФОН «ЧЕРНОБЫЛЬ»

■

Взяться за перо меня заставило выступление на III Съезде народных депутатов СССР маршала авиации, трижды Героя Советского Союза И. Кожедуба. Всей душой уважая заслуженного боевого летчика И. Кожедуба, маршалу И. Кожедубу хотел бы задать ряд вопросов и довести до сведения нынешние взгляды бывших рядовых фронтовиков. 19-летним пареньком я начал путь с Курской дуги пулеметчиком и дошел до Праги разведчиком взвода пешей разведки стрелкового полка, получив две немецкие пули и один осколок. Повезло, как и Вам, товарищ маршал, остался жив, не попадал в плен, не калека. Имею боевые и трудовые ордена, после войны окончил институт, работал на производстве, 15 лет назад защитил кандидатскую диссертацию и еще тружусь. Как видите, вполне счастливый и благополучный человек в плане минувшей войны.

И вот, несмотря на наше с Вами фронтовое побратимство, если бы сегодня передо мной, избирателем, стояла дилемма отдать свой голос за кандидата в народные депутаты маршала или кандидата от народного фронта, я бы заколебался. И вот почему. Вся наша масса участников войны, вернувшись на гражданку без всяких льгот, приступила к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Какие материальные и моральные тяготы мы переносили, Вы могли лишь видеть и слышать. Не думаю, что они коснулись Вас и Ваших близких. Вот тут и пошла наращиваться кривая социальной несправедливости между нами, фронтовиками, да и не только между нами. Шло сращение оставшихся военной кастой с административно-бюрократическим аппаратом. И прежде чем говорить от имени фронтовиков, в том числе и искалеченных, живших на сорокарублевую пенсию, задумайтесь, товарищ маршал! Какими же льготами они пользуются, кроме (с недавних пор) бесплатного проезда в городском транспорте, внеочередной установки телефона («при наличии технических возможностей») и раз в год 50-процентной скидки к железнодорожному билету? Вы говорите, что Вам снятся до сих пор Ваши боевые товарищи. Нам наши тоже снятся. И тем обиднее, что свои льготы они получают лишь посмертно.

Пробовали ли Вы, товарищ маршал, когда-нибудь поговорить на эту тему с «маршалом» Брежневым или другим партийным аппаратчиком? Думаю, что нет. Вот в этом и суть большой разницы между фронтовым летчиком Кожедубом и маршалом-депутатом Кожедубом! Сегодня же Вы киваете в сторону М. С. Горбачева, дескать, в последние годы упал престиж армии и патриотизм молодежи. Нет, не в последние годы, а намного раньше, до прихода к руководству М. С. Горбачева. Немало вины лежит за это и на Вас, и на других маршалах, и генералах-депутатах. Нищенские пенсии инвалидов и других ветеранов ВОВ, издевательские «льготы» для них, за которые и Вы, товарищ маршал, голосовали в Верховном Совете. Другая же, не лучшая часть послевоенной армии на глазах всего народа показывала, как из армии — защитницы Родины можно сделать и удобную «кормушку», оплачиваемую народом. Мы тоже за патриотизм, но не за ура-патриотизм. Кончается XX век, нельзя мыслить категориями сабельных атак Ворошилова и даже воздушных боев Кожедуба, выискивать во всем мире врагов и строить армию так, чтобы вконец ослабить страну и народ. В ядерной войне не будет победителя. Н. С. Хрущев раньше других понял это и значительно сократил армию, вызвав гнев наших военных. Прошло более четверти века с тех пор, и кто же на нас напал? Никто! Зато сами мы не раз стучали бронированными кулаками во многих уголках мира и честно сейчас говорим о своих имперских потугах, экономически ослабивших нашу страну. Вот стянем домой весь свой железный молох из Чехословакии, Монголии, Венгрии и других стран, затратив только на это огромные средства, и удивимся, сколько же мы напроизводили и что со всем этим делать. И будем снова выпускать будущий металлолом, оставляя народ без порток.

Вот такие мысли после Вашего выступления приходят в голову бывшему фронтовику.

Л. ЛИХОВ,
ветеран войны и труда,
член КПСС
Ровно

■

Пишу по поводу выступления депутата Джаримова на III Съезде народных депутатов СССР. От имени «оскорбленного» адыгейского народа, то есть моего, тов. Джаримов потребовал извинений от депутата А. Собчака. Ко мне сотрудники до сих пор подходят и спрашивают: чем же это адыгейский народ оскорбили, не тем ли, что за его права заступились? Уважаемый «Огонек», разрешите с вашей помощью попросить первого секретаря Адыгейского обкома партии, народного депутата СССР тов. Джаримова не ставить впредь адыгейский народ в смешное положение и не делать его заложником своих личных симпатий или антипатий. С другой стороны, хочу выразить глубокую признательность депутату А. Собчаку и многим прогрессивным депутатам за их нелегкую, неравную борьбу за демократию и нравственность. Поверьте, народ не настолько глуп, чтобы не видеть, кто действительно представляет его интересы.

А. ХУШТ,
инженер
Краснодар

■

Порой собираемся мы, бывшие шахтеры, теперь уже пенсионеры рождения 30-х годов, и в разговоре задаем вопрос: к какой социальной группе советских граждан мы относимся при распределении продовольственных и промышленных товаров? В магазинах просто за деньги купить уже почти ничего нельзя. Нужно быть обладателем талонов, пригласительных карточек, быть где-то в каких-то списках, составленных администрацией, профкомом. Все распределяется: и обувь, и носки, и платья, и мебель... Кроме того, для работающих организуется выездная торговля.

Итак, работающим, инвалидам, участникам ВОВ, многосемейным купить кое-что удается. А где же нам, пенсионерам, купить необходимые вещи? Почему общество сочло, что нам уже ничего не надо? Думаю, мы заслуживаем иного отношения!

Поколение 30-х! Именно на его долю выпало трудное детство. И молодость была трудной — беднота. От работы не отказывались, не увиливали. Так были воспитаны. Работали за мизерную плату. Пределом наших мечтаний были костюм, наручные часы, велосипед. Жили с верой: вот догоним и перегоним Америку — будет масло, колбаса; вот построим автозавод-гигант в Тольятти — и будем иметь возможность на выбор купить автомобиль.

Мне 56 лет, работаю с 8 лет, фактический стаж работы — 48 лет, такой же стаж и у жены. И вот почти после 100-летнего труда мы имеем: квартиру — самую дешевую в мире — с печным отоплением, отсутствуют газ, горячая вода, в доме, который около 40 лет не ремонтировался, трещит по всем швам снаружи и внутри, стены, потолки в трещинах, полы качаются, и, чтобы она, квартира, прилично выглядела, постоянно ее ремонтируем (куда бы мы ни обращались по поводу капитального ремонта дома — все безрезультатно); мебель — скромную; и рубли, обесцененные на счете в сбербанке.

Вот удел в подавляющем большинстве честных тружеников, всю жизнь создававших материальные и духовные ценности. А потому, когда сегодня буксует перестройка, нас охватывает беспокойство. Только в ее победе наше спасение.

А. МИЛЛЕР
Шахты Ростовской обл.

■

Мой зять, Чуйкин Владислав, не дожив 2 дня до своего 20-летия, погиб в армии при исполнении служебных обязанностей в авиакатастрофе над Каспийским морем 18 октября 1989 года. Посмертно он был награжден орденом «За личное мужество». До армии Владислав окончил базовое училище при Магнитогорском металлургическом комбинате. Служба ему досталась не из легких — он был десантником — и Карабах, и Ленинакан, и Ереван, и Баку... И горький финал. Его жена в 20 лет стала вдовой, а его дочка — ей сейчас 2 года 9 месяцев — больше никогда не увидит своего отца, которого так ждала из армии.

До сих пор разум отказывается поверить, что это случилось. Но я думала, что хоть материально дочь погибшего солдата не будет обижена. Но... пенсию назначили 45 рублей. В собесе нам сказали: так мало потому, что он не работал до армии. Но позвольте, а почему должна страдать семья, оставшаяся без кормильца? И как можно до 18 лет растить ребенка на эти нищенские при нашей жизни 45 рублей?

В. БАБЕНКО
Магнитогорск

■

Речь о попавших в беду во время трагических событий на Чернобыльской АЭС. Тяжело населению пораженных радиацией районов, а многие люди, грудью заслонившие сограждан и Европу, и вовсе забыты. Забыты, когда у них проявились признаки заболеваний.

Именно поэтому 26 апреля 1990 года — в четвертую годовщину крупнейшей в истории человечества ядерной аварии — по инициативе Международного фонда «За выживание и развитие человечества», Советского Фонда мира, Фонда социальных изобретений СССР, Союза «Чернобыль» и ВЦСПС при поддержке других советских и зарубежных неправительственных организаций снова прозвучат колокола чернобыльской беды. В этот день в эфир выйдет 24-часовой благотворительный телемарафон «Чернобыль». Мы рассчитываем, что аудитория будет значительно расширена иностранными телекомпаниями.

Оргкомитет телемарафона обращается к деловым кругам и общественным организациям, парламентариям и деятелям науки и культуры, средствам массовой информации с призывом внести свой вклад.

Понятно, что вклад этот окажется различным. Но мы хотим в дальнейшем, независимо от формы и размеров помощи, назвать каждого принявшего участие в телемарафоне. Это будет большая книга добрых имен. И, в свою очередь, они вправе конкретно знать, куда и на что были направлены их личные средства и усилия. Мы не хотим даже в малой мере повторения того, что случилось с отдельными вкладами на чернобыльский счет, открытый в 1986 году. Тогда, к слову, мы с чемпионом мира Г. Каспаровым так и не узнали, кто и как распорядился 800 тысячами швейцарских франков, переведенных нами на этот счет после матча за мировое шахматное первенство. Зато известно, что из народных пожертвований в пользу пострадавших покрывалась и часть материальных убытков, которые понесло Министерство атомной энергетики. Есть в этом что-то святотатственное...

Мы не ставили и не ставим задачу заняться расследованием как таковым. Но донести правду, обратить внимание, предостеречь... И главное — помочь, как можно скорее помочь пострадавшим людям. И нашим с вами спасителям. Вот смысл проведения телемарафона, единственная цель сбора пожертвований. Деньги, все средства не будут консервированы, а немедленно начнут поступать по их прямому назначению. Авторитетный Оргкомитет гарантирует полную гласность и целенаправленность расходов.

На валютный счет 70500003 во Внешэкономбанке СССР уже поступили первые пожертвования из Японии, Голландии, ФРГ, Египта... На счет 705404 в ОПЕРУ при Правлении Жилсоцбанка СССР МФО 299093 идут советские рубли.

Это наша память, наши благодарность и милосердие.

А. КАРПОВ,
председатель Оргкомитета
телемарафона «Чернобыль»,
народный депутат СССР

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ

Михаил ВЕЛЛЕР РАССКАЗ **Рисунок Олега ВУКОЛОВА**

Усоп.

Тоже торжество, но неприятное. Тягостное. Дело житейское: все там будем, чего там.

Водоватов скончался достойно и подобающе. Как член секретариата, отмаялся он в больнице Четвертого управления, одиночная палата, спецкомфорт с телевизором, индивидуальный пост, посменное бдение коллег, избывавших регламент у постели и оповещавших других коллег о состоянии. Что ж — состояние. Семьдесят четыре года, стенокардия, второй инфаркт; под чертой — четырехтомное собрание «Избранного» в «Советском писателе», двухтомник в «Худлите», два ордена и медали, членство в редколлегиях и комиссиях, загранпоездки; благословленные в литературу бывшие молодые, дети, внуки; Харон подогнал не ветхую рейсовую лодку, а лаковую гондолу — приличествующее отбытие с конечной станции вполне состоявшейся жизни.

Газеты почтили некрологами; Литфонд выписал причитающиеся двести рублей похоронных; и гроб. в лентах и венках, выставили для прощания в Белом зале писательской организации.

К двенадцати присутствовали: от правления, от секции прозы, от профкома, месткома и парткома, от бюро пропаганды и Совета ветеранов; посасывали валидольчик одышливые сверстники, уверенно разместились по рангам и чинам сановные и маститые; подперли стенку перспективные из Клуба молодого литератора, привлекаемые в качестве носителей гроба (лестница). Родня блюла траур близ изголовья бесприметно и обособленно.

Минуты твердели и падали; в четверть первого выступил вперед и встал в головах второй (рабочий так называемый) секретарь союза, Темин, с листком в руке. Склонением головы обозначив скорбь, он выдержал паузу, давая настояться тишине, явить себя чувству, и профессионально открыл панихиду:

— Товарищи! Сегодня мы прощаемся с нашим другом, коллегой, провожаем в последний путь замечательного человека, большого писателя и настоящего коммуниста Семена Никитовича Водоватова. Всю свою жизнь, все силы, весь свой огромный талант и щедрую душу Семен Никитович без остатка отдал нашей Родине, нашему народу, нашей советской литературе.

Семен Никитович родился... («Совсем молоденьким парнишкой впервые переступил он порог редакции»,— взглядом сказал один маститый другому.—

«Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо»,— ответил взгляд.) ...В сорок девятом году Семен Никитович выпустил свой первый роман — «Стальной заслон», тепло отмеченный всесоюзной критикой, и был принят в ряды Союза писателей СССР...

И еще пять минут (две страницы) освещал Темин творческий путь покойного, завершив усилением голоса на вечной памяти в сердцах и высоком месте в литературе.

Следом поперхал, оперся тверже о палочку Трощенко и в мемуарных тонах рассказал, каким добрым и интересным человеком был его старый друг Сема Водоватов и как много и упорно работал он над своими произведениями. И такое возникло ощущение, что Трощенко словно прощается ненадолго с ушедшим, словно извиняется перед ним, что из них двоих не он первый, и слушали его с сочувствием, отмечая и ненарочитую слезу, и одновременно инстинктивное удовлетворение, что он переживает похороны друга, а не наоборот.

Некрасивая, условномолодая поэтесса Шонина вцепилась коготками в спинку ампирного стула и продекламировала специально сочиненные к случаю, посвященные усопшему стихи; стихи тоже были некрасивые, какие-то условномолодые, со слишком уж искренним и уместным надрывом, но все знали, что Водоватов ей протежировал, звонил в журналы, даже одалживал деньги — из меценатства, без оформленной стариковско-мужской корысти, и это тоже производило умиротворяющее, приличествующее впечатление.

И долго еще проповедовали о человечности и таланте Водоватова, о трудной, непростой и счастливой его жизни, о замечательных книгах, несвершенных замыслах и признании народом и государством его заслуг.

Церемония двигалась по первому разряду. Как причитали некогда кладбищенские нищие, «дай Бог нам с вами такие похороны».

Полтораста человек надышали в зале, совея от элегических мыслей о смерти и вечности, от сознания, что достойно отдают человеческий и гражданский долг покойному, выискивая и лелея печальносветлые чувства в извитых душах деловых горожан; время панихиды рассчитали грамотно, чтоб не успели перетомиться скукой, но, как вечно ведется, речи затянулись, прибавлялось ораторов сверх ожидания, намекалось на сведение старых литературных счетов — перетекало в разновидность обычного и беспредметного собрания; по шестеро натягивая на рукава черные повязки, в шестую уже смену менялись в почетный караул у гроба, а в задних рядах поглядывали украдкой на часы, и все соображали, когда вернутся с кладбища и не сорвутся ли вечерние планы...

Уже вытирали пот и завидовали тем, кто толпился перед входом на лестничной площадке, не поместившись в зале, и там теперь имели возможность курить и тихо переговариваться.

И уже поднимался снизу водитель одного из автобусов и со спокойной грубоватостью человека рабочего и профессионала спрашивал у распорядителя похорон очеркиста Смельгинского, когда же наконец поедут, и уже председатель похоронной комиссии пышноусый научнопопуляризатор Завидович кивнул коротко Темину и собрался показать рукой, чтоб разбирали нести венки, а молодым литераторам поднимать гроб, когда из настроенной к шевелению толпы выделились двое и подступили к Завидовичу с интимной деловитостью посвященных.

Тот, что помоложе, в официальном костюме и с официальным лицом, отрекомендовался нотариусом и известил вполголоса, что имеет место завещание покойного и воля его — огласить в конце панихиды письмо-прощание Водоватова к коллегам. В доказательство чего открыл номерные замки дипломата и предъявил заверенное завещание.

Второй же, старик в черной пиджачной паре со складками от долгого пребывания в тесном шкафу, на вопрос: «Вы родственник? входите в число наследников?» — ответил не совсем впопад: «Нет, я его друг... по рыбалке, и на Шексну ездили, и везде... говорили обо всем... много». Дискант старика срывался, выглядел он волнующимся, неуверенным...

Темин приблизился, также ознакомился с завещанием и сразу выцелил, что старику, Баранову Борису Петровичу, отказывается две тысячи рублей при условии, что он выполнит неукоснительно последнюю волю покойного и прочтет над гробом его последнее обращение к коллегам.

Не хотелось Темину это разрешать... но и отказать было невозможно, да и причин не было; он повертел плотный желтоватый конверт, запечатанный алым сургучом с Гербом СССР, вручил Баранову и разрешающе кивнул: давайте, мол, но скорее, время поджимает.

Старик подержал конверт и стал ломать сургуч, кроша.

Темин, выдвинувшись, объявил:

— Товарищи! Семен Никитович, помня обо всех нас, перед смертью попрощался с нами. Есть его прощальное письмо. Прочесть его он поручил своему другу, личному другу... (выслушал подсказку нотариуса за спиной) близкому, старому другу Борису Петровичу Баранову.— И отступил.

Старик шевельнулся на пустом пространстве, помедлил, посмотрел в спокойное мертвое лицо с натеками подле ушей и протянул руку, коснулся плеча покойника живым, отпускающим и успокаивающим жестом.

Развернул бумагу, моргнул, неловко одной рукой принялся извлекать очки из очешника и пристраивать на нос.

И наконец, прерывисто вздохнув, вперившись в строчки, спертым пресекающимся голосом произнес невыразительно:

— «Ненавижу вас всех. Ненавижу.

Бездари. Грязь.

Воздаст Господь каждому по делам его, воздаст».

Тишина разверзлась, как пропасть, весь воздух вдруг выкачали, и далекий рассудок бил на дне агонизирующей ножкой.

Кучка молодых забыла считать стотысячные гонорары усопшего, чем занимала себя последние полчаса.

Старик Баранов капнул пóтом на лист, выровнял дух и продолжал чуть громче:

— «Покойник здесь я. Я здесь сегодня главный. А потому будьте любезны слов моих не прерывать: даже у дикарей последняя воля покойного священна. Надеюсь, даже вашего непревзойденного хамства не хватит на то, чтобы сейчас заткнуть мне рот. Хотя вам не привыкать затыкать рты покойникам, да и вкладывать им, теперь уж абсолютно беззащитным, ваши подлые и лживые слова. Но посмотрите друг другу в глаза, коллеги: кто же еще скажет вам правду вслух?»

Возникло краткое напряжение неестественности: простое желание переглянуться с соседом противоречило неуместности следовать глумливой указке.

— «Как не хотелось продаваться, коллеги мои. Как не хотелось писать дерьмо и ложь, чтобы печататься и быть писателем. Как не хотелось молчать и голосовать за преступную и явную всем ложь на ваших замечательных собраниях. Как не хотелось выть в унисон. Как не хотелось соглашаться с тем, что бездарное якобы талантливо, а талантливое и честное — ошибочно и преступно.

Да, я играл в ваши игры. Потому что я тоже не лишен тщеславия и честолюбия, и хотел писать и быть писателем, хотел известности, денег и положения, потому что были у меня и ум, и силы, и энергия, и Богом данный талант — был, был! — и я видел, что могу писать много лучше, чем бездарные и спесивые бонзы вашего литературного ведомства, раздувшиеся, как гигантские клопы, в злой надменности своего величия. Величия чиновников, сосущих соки собственного народа и душащих всех, кто талантлив и не похож.

Ненавижу этих хищных динозавров соцреализма, на уровне своего ящерного мозга обслуживающих последние постановления партии — в любом виде, в любой форме, когда постановления эти издавались бандитской шайкой, тупыми карьеристами, ворами и растлителями.

Что за гениальная мысль — создать Союз писателей! С единым уставом и единым руководством. Штатных воспевателей государственной машины. И еще гениальнее — дома творчества. Вот тебе комната, стол, кровать, горшок, четырежды в день кормят по расписанию, а вечером крутят кино. Гениально! Странно только, что не ходят строем и не поют утром и перед сном Гимн Советского Союза.

Из гроба плюю я на ваш союз, на ваше правление, на вашего товарища Маркина, на ваш устав, на ваши спецкормушки и спецсанатории!»

Хрустнула перевернутая страница. Старик проникся текстом и декламировал с выражением. Нетрудно было догадаться, что на своих рыбалках они не раз толковали, отводя душу, глушили водочку и кляли все и вся.

При упоминании Маркина Темин, Завидович и еще ряд руководящих выказали явные признаки беспокойства. Они как-то сориентировали друг к другу, обмениваясь каменными движениями век. Молодежь внимала с вдохновенным счастьем. Скандал перешел последнюю грань: акция требовала пресечения. Утопления, смазывания, торпедирования, спуска на тормозах. Толпа дышала с выражением готовности осудить.

— «Прошу нотариуса предъявить свидетельства психиатра и невропатолога, что сие написано в здравом уме и трезвой памяти. А то с наших ухарей станется объявить это предсмертным бредом больного, я их знаю, у них опыт большой».

Дьявольская предусмотрительность покойника смутила руководящих товарищей; Темин растерянно опустил руку, протянутую было к письму, и сделал вид, что говорить ничего не собирался.

В кучке молодых гробоносителей ахнули в восторге.

— «Когда государство превращается в мафию, то все государственные институты — отделения мафии. Живущие по законам мафии. Одни прорвались к пирогу и защищают его, как двадцать восемь панфиловцев — Дубосеково, другие рвутся к нему, как танки Гудериана к Москве».

— Да что же это такое!!! — вознегодовала детская писательница Воробьева, взмахнув черными кружевными манжетами.— Александр Александрович! Что же вы молчите?! Это же политическая диверсия! Откровения двурушни...

— Товарищи,— офицерским непререкаемым голосом скомандовал Темин, кроя гул,— лица, не обязанные по своему служебному долгу присутствовать на панихиде, могут покинуть зал.

Возникло броуновское движение литературных молекул, не пересекающее, однако, черты порога; никто зала не покинул. Скуки не было в помине, глаза горели, интерес глодал, все хотели слушать дальше и досмотреть, чем все это кончится.

Старичок гвоздил:

— «Писатели по работе своей — одиночки, писателей нельзя собирать в кучу, каждый писатель имеет свое мнение обо всем, а если нет — дешевый он писака, а не писатель. А если партийный билет и партийная дисциплина заставляют вас писать то, что велит вам партия,— так называйте это партийной пропагандой, но не называйте литературой!

Да, поздно я понял, что писательство — это крест, а не пряник. Не хватило мне мужества пойти на крест, не хватило! Не смог отправиться в дурдом, в лагерь, в камеру к уголовникам, к стенке: боялся! Боялся быть как бы случайно сбитым грузовиком или оказаться выгнанным отовсюду безработным, которого возьмут разве что грузчиком в магазин.

Ну что, больше всех, небось, радуется кучка молодых, которых призвали мой гроб тащить?»

Все взоры сфокусировались на молодых. Молодые поперхнулись.

Молодые одеревенели скорбно и оскорбленно даже, тщась стереть с лиц пред начальством приметы преступного веселья. За спинами кто-то пискнул и захлебнулся, словно рот себе зажал ладонью.

— «Уже давным-давно я не хотел жить здесь. Понимаете? — не хотел!!! Я мечтал жить в тихом городке в Канаде, мечтал провести несколько лет в Париже, в Нью-Йорке, увидеть Рим и Лондон, Токио и Рио-де-Жанейро — не из окна автобуса, не на десять дней с группой Союза писателей вашего, а сам, сам по себе, сколько хочу и как умею. Почему я не уехал, не сбежал? А потому же, почему еще многие — из-за родных. Мы же все в своем любимом отечестве обязаны иметь заложников и оставлять их дома, чтоб не дай Бог не удрали. Все прут от нас туда, а от них сюда — один шпион в три года, так его еще по телевизору показывают.

Я не хотел ваших дрянных постов и должностей, я хотел писать то, что я хочу, и посылать рукописи своему литагенту, и не знать никакого их пробивания. А если не возьмут? Заработаю на жизнь ночным портье в отделе и издам тиражом пятьсот штук за свой счет...»

Раздался звучный вздох, непроизвольный и печальный.

— «Я вообще не ваш, если хотите знать! Да, был я когда-то комсомольским вожачком, был партсекретарем редакции, обличал врагов народа и врачей-убийц... но сявка я был, шестеренка, винтик безмозглый! А потом поумнел... но на апостольство решиться не смог. Но понял, все понял!

На меня плевать, сдох — и ладно, я свое пожил. А вот книги, умершие со мной, ненаписанные, я вам не прощу. Унижений не прощу, когда улыбался, льстил, хлопотал, услуживал, задницы лизал — а иначе не пробиться. Как пробиться иначе, а, дорогие друзья? Кто не подслуживался, не заискивал, не устраивал всячески дружбы с нужными людьми,

даже если людей этих презирал и ненавидел? Ну-ка, кто такой благородный — вытряхните меня из гроба! Ну! Пауза».

На последних словах все не то чтобы задумались... Старичок Баранов с разгону, видимо, прочитал ремарку в этом тексте-сценарии: паузу, наверно, следовало сделать ему и, наверно, посмотреть в зал: не найдется ли в самом деле такой благородный, который вытряхнет бесчинствующего покойника из гроба. «И следовало бы, честно говоря!» — неслышно повисло в воздухе над начальствующей когортой.

Взлетевший Баранов честно и теперь даже вдохновенно выполнял свой последний дружеский долг, или, если подойти иначе, отрабатывал две тысячи рублей — весьма весомая сумма для пенсионера, да и не только пенсионера.

— «Будь прокляты ваши кастрирующие редакторы, ваши анонимные цензоры, ваше страшное и кровавое НКВД — КГБ — вечное проклятие палачам Лубянки! — ваши нищие магазины и зажиревшие холуи во князьях, ваше рабское бесправие и всесильная ложь».

(«Ого! дошел и до общей политической программы!» — «Завещание съезду, а». — «Фига в кармане...» — «Милое, однако, устройство, при котором только мертвые и могут себе позволить... да и то...» — «М-да — уж им терять нечего»,— прошелестели шепоты.)

Но оказалось, что мертвому терять очень даже есть чего.

— «Я жил среди вас, все делал так, как делаете вы, добился ненужных благ и почестей, которых добиваетесь вы...— но уж хоть после смерти лежать среди вас не хочу я.

Похорон, могил, памятников и речей над свежим холмиком не будет. Хватит фиглярства.

Завещаю свое тело анатомическому театру Первого медицинского института.

Нотариуса прошу предъявить товарищу Темину, второму секретарю писательской организации,— он, я полагаю, возглавляет этот цирк, если не сбежал еще, бродяга,— ау, Сашок, ты здесь?..»

Темин побагровел, чугунея массивно. Несколько человек — от входа, из безопасности,— заржали откровенно и бессердечно.

— «...предъявить расписку в получении мною от упомянутого театра ста пятидесяти девяти рублей за мои бренные останки и письменное согласие родственников, заверенное нотариально. Ничего, пусть живут счастливо на мои гонорары и смотрят на мой портрет, незачем таскаться вдаль к камню над моими костями, которые мне уже отслужили, пусть теперь хоть медицине послужат.

Панихида окончена, всем спасибо.

А теперь пошли все вон отсюда. Я устал, знаете, за семьдесят четыре года, пора и отдохнуть от вас».

Старик Баранов опустил локти, растопыренные предохранительно над письмом, как крылья наседки над цыпленком, письмо аккуратно сложил и поместил в конверт, а конверт перегнул пополам и спрятал во внутренний карман.

Наступила совершенно понятная заминка, неловкая и неопределенная. Вроде и нельзя расходиться, и надо расходиться, и... нет, не безобразная — идиотская, немыслимая ситуация. И что теперь делать? Чем все должно кончиться?

Баранов утирал лицо и шею над размокшим воротничком.

Темин гнал блицпереговоры с Завидовичем. Хоть теперь следовало брать инициативу в свои руки, и немедленно. Естественно, никому не хотелось принимать ответственность за беспрецедентный скандал.

Верх взял, само собой, старший по должности, закончив неразборчивые дебаты категорическим приказанием. Завидович вытянулся «смирно»:

— Товарищи! Ввиду всех обстоятельств и необходимости уточнения деталей всех просят покинуть зал. Просьба покинуть зал! Церемонию считать оконченной,— брякнул он.

Помедлили и потекли на выход. Оглядываясь, предвкушали перекурить сейчас происшедшее, посмаковать, переложив рюмкой в баре, обсудить и дождаться конца. Не каждый день, знаете!

— Насколько вообще все это законно? — допрашивал Темин нотариуса.

— Абсолютно,— подтвердил тот с некоторым даже удовольствием.— Медицинская экспертиза, заверенное завещание. Все соблюдено.

Руководящий взгляд обкомовского товарища в затылок гнул Темина в подкову.

— Вы понимаете, что это подпадает под уголовную статью? И виновным придется ответить, я вас уверяю.

— Отнюдь, есть заключение юрисконсульта. Никакой пропаганды насилия, свержения, клеветы и нецензурных выражений.

— А публичное оскорбление гражданской церемонии? Этот чтец-декламатор сядет, есть кому позаботиться.

— Судом над Барановым вы раздуете всеобщее посмешище. Прикиньте последствия. Как юрист, гарантирую его неуязвимость, максимум — сто рублей штрафа и предупреждение.

— А сколько вы получили за эту мерзость?! — не выдержал Темин.

— Отчеты о гонорарах я подаю в коллегию.

— Но можно в чем-то изменить его волю?.. Это же нонсенс...

— Я обязан проследить и настоять на исполнении закона.

Товарищ из обкома броненосно подплыл и увлек нотариуса в сторонку — втолковать.

Белые лепные двери в опустевшем зале распахнулись — по паркету протопали двое ребят в синих коротких пальто с какими-то шевронами.

— Сюда сейчас нельзя, товарищи!

— Санитары, из морга,— заурядно представился один, а второй ткнул мятую справку.— За трупом... вот.

— Не требуется. Кто вас прислал?

— Нас? Начальство. Распорядилось.

Завидович ворковал родственникам. Родственники слушали замкнуто; «...только посмейте... последнюю волю отца...» — злобно отвечал желчный худой мужчина, сын, с ненавистью озирая доброхотов литературного мира. Семья в этой распре обнаружила подготовленное единство. (Заговор. Группа.)

— Вот что,— объявил позабытый на отшибе старик Баранов.— Если вы его сейчас не отдадите согласно завещанию, то у меня заготовлены письма во все инстанции и газеты и в западные консульства. С указанием фамилий и деталей и текстом письма. И есть человек, который перешлет. Устраивает?

Похоже, это было правдой, черт ему сейчас не брат, чего ему бояться, пенсионеру, как его прищучишь?..

Матерый литературный волк, опытный интриган и предусмотрительный боец Водоватов с треском выигрывал свой посмертный раунд.

— А вам бы помолчать,— брезгливо уронил Темин.— Продались за две тысячи и теперь счастливы, что их получили. О вашем поведении сообщат куда следует, придется отвечать. Продажный циник...

Старичок кротко просеменил к Темину и с чудной ловкостью всадил ему пощечину. По массивной выскобленной щеке шлепнуло сыро и звучно.

Темин выдохнул и закрыл щеку.

Старичок любовно потрепал покойнику плечо, рек:

— Молодец, Сенька! По Сеньке шапка! Прощай. До встречи! — и поцеловал в губы. От дверей бросил санитарам: — Давайте, ребята, давайте!

На лестнице попыхивало, побулькивало обсуждение: что плюнул в лицо, подлец; что двурушник, главное зло не разглядели, гнать надо было; нет, все-таки сошел с ума, а экспертиза липовая, да и знаете же наших горе-психиатров; но как допустили, не прервали, гипноз какой-то, растерялись; что, а все-таки молодец, но так высказывались немногие малоосторожные, малоопытные; а больше народ все был тертый, осмотрительный, и фразы преобладали нейтрально-неодобрительные.

Поглядывали на двери и часы.

Санитары вынесли гроб. Им помогали сын и нестарый родственник.

Все внимательно проследили в стрельчатое окно на площадке, как гроб задвинули в больничный «рафик» и укатили.

Баранов-старичок отдулся, раздернул воротничок с галстуком и покрутил шеей. Он был здесь сам по себе, отдельный, как бы и не обращающий на себя ничьего внимания.

У перил курила своим кружком шестерка «молодых». Старичок примерился взглядом к лысеющему, лет тридцати пяти, вполне простецкого обличья.

— Эй, мальчик,— сказал он,— выпить хочешь?

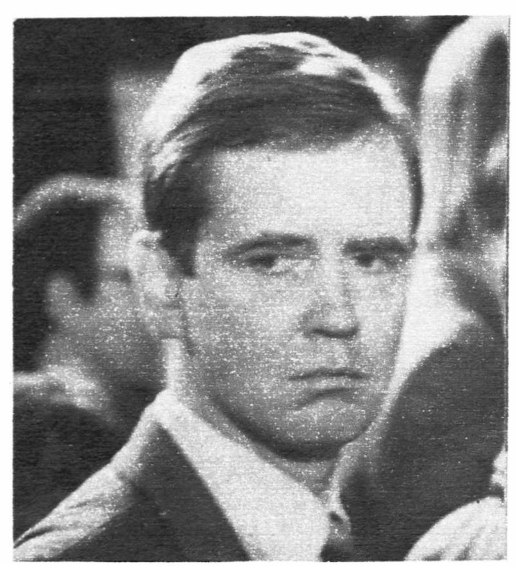
— С вами? — немедленно откликнулся тот.— С огромным удовольствием.

Старик извлек четвертную.

— Тогда сбегай, голубок, возьми еще,— сказал он.— Как раз уже открылись. Помянем!

Таллинн.

КАК РА

Этот вопрос едва ли не самый насущный для депутатов Моссовета. Новых депутатов. Среди которых лидирует блок «Демократическая Россия». С этого вопроса и начался разговор с народным депутатом СССР и депутатом Моссовета Сергеем СТАНКЕВИЧЕМ.

— В нескольких городах — Москве, Ленинграде, Свердловске, Горьком, некоторых других — произошел своеобразный демократический прорыв. Большинство мест в Советах завоевали люди демократических убеждений. Тем самым начался для них очень ответственный этап. От успеха или неуспеха демократических блоков в городских Советах зависит гораздо больше, чем благосостояние жителей. Если им удастся убедительно показать на практике разницу между прежним бюрократическим правлением и новым демократическим, тогда по всей стране их единомышленники смогут сказать: смотрите, на что способна работающая демократия! Вот вам наглядный пример! Значит, есть за что бороться. И наоборот: если они наломают дров, пустятся в сомнительные авантюры, потерпят крах в своих начинаниях, то консерваторы по всей стране скажут: смотрите, чего стоят на самом деле так называемые демократы, они хороши только на митинге, где надо работать горлом, и терпят провал, когда доходит до реальной работы, здесь они беспомощны — делайте выводы.

Словом, последствия от деятельности вновь сформированных демократических Советов могут быть весьма серьезными.

— Сергей Борисович! Ну, а на примере Московского Совета есть ли уверенность в благополучном исходе этого демократического эксперимента?

— В составе блока «Демократическая Россия» в Моссовет пришли достаточно разные люди. Подавляющее большинство не имеет никакого опыта управленческого или политического, кроме участия в общественном движении. Есть некоторый восторг неофитов, эйфория от самого факта победы на выборах. Обычно это влечет поспешность в принятии непродуманных решений. Есть стремление утвердить во что бы то ни стало свой план, сформировавшийся зачастую дома, на кухне, не имеющий реальной экспертной проработки. Но поскольку такой план долго вынашивался, а его автор прошел че-

СПОРЯДИТЬСЯ ВЛАСТЬЮ?

рез немалое число политических битв, отстаивая свое детище в ходе избирательной кампании, то оно стало для него чем-то почти священным. Он не способен расстаться со своими замыслами даже теоретически, не допускает, что его мнение может быть в итоге обсуждения не учтено. Привык бороться до конца!

Вот этот момент психологической перестройки от предвыборной борьбы к повседневной работе для многих еще не завершился.

— И вы уже сталкиваетесь с этим?

— Да, постоянно.

— Но это, скажем так, трудности самих демократов. А вот сам по себе московский демократический эксперимент — достаточно ли он будет чистый, не станут ли мешать его проведению? Например, нижестоящие Советы, ведь им легко заблокировать ваши решения? Или, допустим, ведомства?

— Вообще слово «эксперимент» в данном случае неудачное. Это скорее испытание.

Конечно, многое будет зависеть от районных Советов и от общей политической атмосферы, которую формируют в городе далеко не только Советы, но и соответствующие партийные структуры, ведомства, министерства, союзное и республиканское правительство.

С одной стороны, у Моссовета есть решительный настрой, он не намерен выполнять прежнюю, декоративную, роль. Я думаю, что самой популярной фразой, которую руководству Моссовета придется произносить по десять раз на день, будут слова: «Вы живете на московской земле, игнорировать интересы москвичей отныне невыгодно и небезопасно». Эту фразу придется говорить представителям многих ведомств.

— А есть возможности повлиять на них (кроме увещевания), чтобы они действительно учитывали интересы Москвы?

— Безусловно... С другой стороны, уже сейчас ощущается интенсивное давление на Моссовет, причем не только партийных структур и подчиненной им прессы. Один из самых неприличных примеров такого давления — кампания против 73 депутатов, подписавших обращение по поводу Литвы. Ничего чрезвычайного в этом обращении не было. Я лично не согласился с его текстом и не подписывал его по своим причинам. Тем не менее я вполне понимаю право депутатов заявить о своей позиции. Право не согласовывать каждую строчку своего заявления с каждым своим избирателем, как это пытается подать «Московская правда». Эта кампания наглядно показывает, какой будет политическая жизнь в Москве.

В то же время давление нарастает не только с этой стороны. Уже предъявлено несколько предупреждений о забастовках: работники многих жизненно важных для города служб требуют немедленного повышения зарплаты, улучшения условий жизни и т. д. Все это ложится на Моссовет. Я не исключаю, что такое давление вполне сознательно поощряется — чтобы Моссовет, его новый демократический состав, оказался перед лицом заведомо невыполнимых требований.

— В этой связи еще один непростой вопрос. Вы, конечно, понимаете, что будете вынуждены проводить свою политику, используя существующий аппарат управления: горисполком, районные исполнительные комитеты. Каково, на ваш взгляд, отношение их работников к новому большинству в Совете и готовы ли вы с ними сотрудничать? Каковы принципы вашей кадровой политики? Будут ли сохранены старые кадры?

— Избиения кадров не предполагается. Мы намерены бережно отнестись к людям, уже работающим в составе аппарата, к старой гвардии исполкома Моссовета. И уже адресовали всем работникам призыв определить свое отношение к новому большинству Моссовета, начать немедленно рабочее сотрудничество. И сами попытаемся это сделать. Хотя без определенной перестановки, перегруппировки кадров не обойтись. Нужны профессиональные управленцы с принципиально новыми знаниями и навыками — таких в аппарате просто не было. Пока мы их подготовим, мы, естественно, дадим возможность проявить себя в полной мере всем ныне действующим работникам аппарата, в ком дремлют такие способности.

Но уже очевидны люди, с которыми нам не удастся сотрудничать. Это стало ясно после одного вполне реального практического испытания. Незадолго до выборов старое руководство Моссовета сделало широкий жест и в ответ на просьбу, поступившую из горкома партии, передало 34 московских здания от Советской власти в собственность райкомов партии. Повторяю, нищая Советская власть передала далеко не бедствующей политической партии еще и 34 здания, естественно, ничего не получив взамен.

— Что двигало прежним руководством Моссовета?

— Формально — поступила просьба из горкома партии. А по существу, то, что старое руководство Моссовета готово скорее защищать узкопартийные интересы, нежели интересы Советской власти.

— Есть ли возможность вернуть эти здания?

— Мы попытаемся это сделать, но несовершенство наших законов ограничивает нас. Пока же мы вполне официально обратились к лидерам исполкома Моссовета с предложением от депутатов приостановить исполнение упомянутого решения до конца первой сессии. Чтобы иметь возможность обстоятельно разобраться с каждым зданием, кто его строил, кто какую имеет финансовую долю, и решить вопрос, исходя из взаимных интересов. Без какой-либо политической войны по этому поводу. Я уверен, сможем прийти к согласию.

— В Литве тоже в центре внимания оказались партийные и прочие здания. Для охраны их был вызван десантный полк. Возможна ли такая ситуация в Москве?

— Думаю, что нет. Надеюсь, что нет. Во всяком случае, мы намерены предпринять все шаги, чтобы вернуть эти 34 здания Советской власти. Это не означает выселения из них райкомов партии, они смогут продолжать занимать те же помещения. Но все же собственность Советской власти мы намерены охранять.

— Итак, вы обратились к руководству исполкома Моссовета...

— Да, мы обратились с просьбой приостановить исполнение этого решения до того, как мы внимательно разберемся с документами. Но получили отказ. Таким образом, эти люди сделали свой выбор. А с людьми, которые пошли на такой шаг, вызывающим образом игнорируя не только интересы Советской власти, но и волю избирателей, стоящих за спиной депутатов, забыв, что сами они исполнительная власть, а не законодательная,— с такими людьми, по всей видимости, работать вместе дальше бессмысленно.

— А как вы относитесь к такой собственности, как государственный флаг? Чтобы он развевался над Моссоветом, а не над горкомом партии?

— Что касается горкома партии, то он вправе вывешивать любые флаги, какие пожелает. Мы же, естественно, сохраним государственный флаг.

— Сергей Борисович, основной блок — «Демократическая Россия». Есть другие. Как будут осуществляться взаимоотношения внутри Моссовета?

— Прежде всего важно подчеркнуть, зачем, собственно, понадобился этот блок. Нас упрекали: вот, не пытались со всеми поговорить, а уже сразу раскололи Моссовет на фракции, провоцируете внутреннюю борьбу.

— Так зачем понадобился блок?

— Мы слишком хорошо знаем, что ныне действующий аппарат не привык считаться с депутатской волей, рассматривает депутатский корпус как декоративное приложение к исполкому. И ему прекрасно удается игнорировать отдельно взятых депутатов.

Блок понадобился только для одной цели — чтобы депутатская воля не игнорировалась, чтобы с нами не могли справиться с каждым в отдельности, не направили Московский Совет по прежней, заезженной колее, не втянули в традиционные игры. И, я уверен, при малейшем повороте вспять блок покажет свою силу.

А до тех пор, пока мы будем двигаться вперед, навстречу интересам и нуждам Москвы, мы сможем сотрудничать с кем угодно, не обращая внимания на границы между блоками. Блок — это гарантия против «консервативной контрреволюции», если можно так выразиться. Он потребуется и проявит себя и тогда, когда возникнут какие-то принципиальные расхождения, тут демократы должны сказать свое слово.

— Как в Моссовете будут сидеть депутаты? По блокам или по алфавиту?

— Это решение уже принято. На первой сессии Моссовета депутаты будут сидеть по блокам, а внутри блока по алфавиту.

— Мы говорим: демократическое большинство. Как оно выражается в цифрах?

— Больше 290 депутатов из избранных 463. Основной наш оппонент — блок «Москва»: 94 депутата.

— Есть примеры сотрудничества между блоками?

— Конечно. Сотрудничаем достаточно тесно и постоянно по многим вопросам, связанным с подготовкой первой сессии. У нас вообще нет разногласий. То есть границы между блоками достаточно условны. Никаких принципиальных столкновений не наблюдалось, и, я надеюсь, их будет минимальное количество.

— Вы примеривались к креслу председателя Моссовета? Не зря же баллотировались в Моссовет?

— Не зря. Хотя не только из-за кресла, естественно. Мы провели собрание нашего блока, оно выбрало кандидатуру на пост председателя Моссовета — Попова Гавриила Харитоновича. Что касается меня, то меня рекомендуют на пост заместителя председателя.

— Говорили, что ваша кандидатура выдвигалась на пост председателя, но вы ее сняли...

— Да, выдвигалась. Но чтобы избежать раскола наших рядов (тогда пройдет альтернативный депутат), мы решили, что от блока будет выдвинута одна кандидатура. Наверняка какие-то кандидатуры будут выдвинуты от других группировок в Москве. Что касается меня, я вполне буду доволен даже в том случае, если никакой должности не займу, потому что главное все-таки не это, как вы понимаете.

— Почему вы баллотировались в Мос-

совет, хотя могли бы баллотироваться в народные депутаты РСФСР?

— Это вполне сознательный выбор. Город — это тот уровень, на котором реально можно показать разницу. В районе еще нельзя, в РСФСР — уже нельзя. И долго нельзя будет показать разницу на примере Верховного Совета СССР, я это хорошо знаю. А в Москве, хотя мы не обещаем устроить некий рай, но дать почувствовать жителям, что это уже иная власть,— можно. Такая победа возможна в нескольких крупных городах.

На нашем нынешнем этапе политического развития выбор городского уровня был вполне сознательным. Кроме того, такой город, как Москва, дает огромные возможности. Здесь гигантский материальный, интеллектуальный потенциал. Здесь довольно широкое поле выбора возможных действий.

— Самое время спросить вас о каких-то конкретных шагах, чтобы дать почувствовать москвичам, что такое новая власть. Какие шаги это могут быть?

— Основная задача первой сессии — решение организационных вопросов, но и на первую сессию мы подготовили целый пакет неотложных мер. Двоякого рода. Некоторые будут носить характер уже конкретные решения, а некоторые будут носить порученческий характер, то есть такому-то ведомству, группе людей проработать вопрос и представить в такие-то сроки. Что касается конкретных мер... Несколько зданий в Москве будут на первой же сессии переданы... Например, церковь Большого Вознесения у Никитских ворот — православной церкви. Некоторые здания переоборудованы для родильных домов, для детских садов. Это здания, которые занимались различными конторами или просто не использовались. Кроме того, мы пытаемся сейчас подготовить решение, чтобы несколько поликлиник, сооруженных как ведомственные, стали бы открыты для жителей. Готовим решение по зеленым зонам Москвы, хотим запретить там любое строительство, приостановить любое новое промышленное строительство в Москве. Некоторые решения, правда, они могут быть неоднозначно приняты, касаются жилищной проблемы. Прорабатывается, в частности, такой вариант. В Москве есть две возможности предоставлять жилье. Одна — просто от Моссовета, для очередников района. Другая — получить квартиру по месту работы, по ведомственной принадлежности. Когда ведомства строят сами хозспособом, из своих ресурсов, с помощью своей техники, своими людьми — это, как говорится, святое. Но есть строительство ведомственного жилья, когда ведомство лишь вносит деньги, а строит Моссовет. Мы хотим в течение одного года, ничего из того, что построит Моссовет, не отдавать ведомствам, а все направить только в районы. Дело в том, что обнаружилось гигантское отставание: по районам сейчас не получают еще очередники 1979 года, а по ведомственным очередям идет 1985—1986 год. Разница, согласитесь, существенная. К тому же, кому нужны ведомственные деньги? Увы, это бумага, а используются ресурсы Москвы. Если мы осуществим намеченное, то за год ликвидируем эту разницу: в районах подтянем очередь до 1985 года.

— Но из миллионной очереди большинство — лимитчики.

— Нет, это не так.

— Да, не менее половины — лимитчики! Тем более они наверняка не отдали свои голоса за «Демократическую Россию». Как с этой проблемой? Опять реверанс в сторону маргиналов?

— Ваша статистика не совсем верна. По моим данным, 700 — 800 тысяч человек — это очередники районов, причем большинство коренные москвичи. Лимитчики в основном очередники ведомств, и их меньшинство в Москве. А кроме того, вы знаете, что условием для получения жилья является наличие определенного стажа работы в Москве, а до тех пор люди живут в общежитиях. Безусловно, с лимитом надо кончать — это для нас очевидно. Однако то, что при задуманной операции преимущество получат коренные москвичи,— это тоже для нас очевидно. Но чтобы решить проблему лимита, надо прикрыть новое промышленное строительство, что мы и собираемся сделать. А те промышленные предприятия, которые требуют постоянного притока рабочей силы и не могут быть обеспечены трудовыми ресурсами Москвы, надо перепрофилировать или постепенно закрывать. И надо решить в Москве демографическую проблему. В ней фатально мало детей. Это демографическая бомба. Всего 2 миллиона детей — столько же, сколько пенсионеров. Тем более что количество пенсионеров увеличивается гораздо быстрее, чем количество детей. Если такая тенденция сохранится, то вскоре на каждого работающего будет приходиться один пенсионер, которого этот работающий должен будет обеспечивать. Это коллапс для города. Демографическая ситуация создает пресс и отчасти порождает проблему лимита.

В то же время есть острейший дисбаланс между количеством людей, занятых в промышленности и в различного рода ведомствах, конторах, и количеством людей в сфере обслуживания, крайне недоразвитой. Предстоит совершить грандиозную операцию по перераспределению кадров в пользу сферы обслуживания. Это — соответствующая переподготовка, помещения, оборудование. Есть довольно неплохие договоренности с некоторыми зарубежными странами по оказанию нам помощи, прежде всего в переподготовке кадров. В сфере обслуживания нужны новые навыки. Причем для работы не в грандиозных универсамах, а в небольших магазинах — на подряде, на правах индивидуальной, семейной собственности. Мы будем посылать людей за рубеж для интенсивной подготовки. Пригласим из известных мировых центров, научных и административных, консультантов, готовых приехать и бесплатно давать необходимые консультации. Разумеется, придется открыть простор для предпринимательской деятельности. Мы не собираемся ждать, пока будут приняты соответствующие республиканские и союзные законы, а попытаемся в Москве опередить события. В числе первых мер у нас сейчас готовятся временные правила о порядке регистрации политических организаций, о создании средств массовой информации в Москве, временные правила, регулирующие предпринимательскую деятельность в Москве.

— А можно принимать правила до принятия законов?

— У нас есть железный прецедент. Моссовет вводил временные правила о порядке организации митингов и демонстраций, касаясь конституционного права граждан. Разумеется, когда это делалось, никому и в голову не приходило, что люди, которым этими правилами хотели утереть нос, в свое время придут в Моссовет и воспользуются таким прецедентом.

— А как с кооперацией?

— Попытаемся создать ей нормальные условия для развития, но не для всякой кооперации. Здесь не должно быть никаких сомнений. В принципе поддерживая и поощряя все формы не зависимой от государства экономической деятельности, мы в то же время будем практиковать дифференцированный подход. Многие кооперативы сейчас — искусственные и уродливые порождения той же административно-командной системы. Создаются, скажем, кооперативы при заводах, которые позволяют просто накачивать зарплату, используя государственное сырье и оборудование, не создавая никаких новых товаров для города. Мы будем целенаправленно поощрять только ту кооперацию, которая влечет за собой изменения в жизненном уровне горожан. И пусть на нас заранее не обижаются иные кооператоры. Поощрять надо и торгово-закупочную кооперацию, но не того свойства, как она была вначале. Если по долгосрочным договорам с городской властью — пожалуйста. Допустим, городская власть желает получать в такие-то сроки такие-то виды овощей. Беретесь на долгосрочной основе по таким-то ценам, тогда мы можем установить вам налоговые льготы, дать помещения, поддерживать, скажем, с транспортом. А условия реализации овощей будем определять вместе.

— Что из того, о чем вы рассказываете, будет прежде всего заметно и убедительно — так, чтобы изменилось качество моей жизни, как москвича?

— Заметно и убедительно? Состояние московских улиц и дорог.

— Это что же — какая-то реальная программа?

— Мы организуем нормальную городскую дорожную службу. Так, как это сделано в крупнейших столицах мира. Есть богатейший опыт, и он не носит уникального характера. Естественно, это будет городской подряд, который будет выдаваться городской властью на конкурсной основе. Не просто кто-то подметает, поливает, сыплет песок, а берется весь комплекс. Люди будут отвечать за конечный результат. И соответственно получать немалые деньги из казны за состояние улиц. Поможем с оборудованием: есть соответствующий комплекс машин, которые, скажем, можно видеть на улицах Парижа. Люди в зеленой униформе — служба чистоты улиц. Поскольку мы будем платить приличные деньги и поскольку мы можем позволить себе создать для работников дорожной службы дополнительные благоприятные условия их жизни и деятельности, думаю, это подействует.

— А в сфере экологии? Или она, эта сфера, на втором плане?

— Нет. Я сказал уже о зеленых зонах Москвы, которые сегодня губят нещадно. Я могу показать вам уникальный прибор, который только что привезли экологи. Он разработан в Москве, уже прошел государственные испытания. Это нитратомер, который позволяет мгновенно определять содержание нитратов в овощах. Есть другие приборы, например, анализатор по тяжелым металлам. В городах у нас все фатально отравлено тяжелыми металлами. Мы просто не знаем масштабов этого. Такие приборы можно в Москве производить, мы попытаемся насытить ими все овощные базы, крупные овощные магазины, поставить на выходе из всех подмосковных совхозов. И это можно сделать достаточно быстро. В дальнейшем мы можем и торговать такими приборами.

Радиационный контроль — его надо усилить. Положение здесь довольно серьезное. По разным данным на территории Москвы до десяти действующих реакторов. С ними надо потихоньку кончать. Не дело иметь такие реакторы в городе, ни при каких условиях, несмотря на гарантии безопасности.

— Каким вам видится экономический уклад Москвы, на какой вид собственности надо делать ставку?

— Если отвечать на глобальном уровне, то мы постараемся сделать Москву производителем и продавцом наукоемкой продукции. Производить информацию, консультационные услуги как товары. Кроме того, можно использовать Москву как гигантскую экономическую лабораторию для проверки новых форм хозяйствования. Скажем, мы можем стать посредниками между московскими предприятиями и министерствами. Если предприятие желает перейти на аренду, а министерство не пускает — мы помогаем, воздействуя на министерство и даже выходя непосредственно на правительство. Мы можем создавать муниципальные предприятия — при Моссовете. Новый Закон о местном самоуправлении и местном хозяйстве дает такую возможность. Учреждаем муниципальное предприятие, обеспечиваем сырьем, помогаем встать на ноги, а потом отделяем, и оно действует независимо. Таким образом мы будем порождать новую экономическую среду, вытеснять прежнюю. Здесь действуют коллективная, акционерная, индивидуальная формы собственности — все формы, не зависимые от государства. Там, где государство господствует в экономике, за редким исключением (связь, энергетика), рано или поздно наступает застой.

— Еще вопрос, Сергей Борисович,— из тех, которые задают «на засыпку». Безопаснее будет на улицах Москвы?

— Надеюсь. Это ведь очень серьезная проблема. Кстати, подавляющее большинство опасных преступлений — не московского характера. Гости, гастролеры. Если только усилить контроль на входе, на вокзалах, в аэропортах, который сейчас практически отсутствует, а такие люди, как правило, известны по предшествующим подвигам, можно снизить в Москве уровень опасных преступлений.

— Вы сказали: серьезная проблема... Намечаете перестановку в Главном управлении внутренних дел?

— Пока нет, поскольку не хотим никаких поспешных шагов. Но позже, когда будет тщательно изучена ситуация, сделаны соответствующие выводы, не исключаю, что руководство, как это принято было выражаться, будет укреплено.

Дело вот в чем: МВД страдало и продолжает страдать от нашествия провалившихся партийных аппаратчиков. Снятые с работы первые секретари, развалившие работу, как правило, переходили на последние пять лет перед пенсией в систему МВД, получали погоны, стаж партийной работы засчитывался им, как будто они все время были на службе. Получив право на льготную пенсию, они затем ... последние пять лет благополучно заваливали работу в МВД. Можно представить себе, каков был уровень борьбы с преступностью, если такие «профессионалы» руководили борьбой. Это — нашествие, бедствие. Эта номенклатурная чума все еще поражает наши органы МВД. Поток отставных функционеров сейчас даже усилился — и в МВД, и в Комитет государственной безопасности. Боюсь, он приведет к дальнейшему понижению уровня компетентности правоохранительных органов.

— Каков бюджет Моссовета? Хватит ли вам денег на все задуманное?

— Денег на все, естественно, не хватит. Казна, увы, небогата. Налицо серьезный дефицит. Сложность еще и в том, что нынешние чиновники, которые пока еще имеют право принимать решения, могут напоследок напринимать их, а потом уйти в кусты. По нашим данным, многие ключевые фигуры в исполкоме приготовили себе места в совместных предприятиях, которые они до этого лелеяли и опекали, имея соответствующую перспективу. Кстати, мы займемся этими предприятиями в первую очередь и выясним, почему к ним такая нежная любовь. Истоки этой любви постараемся поискать. Думаю, при таком гласном способе действий, при том, что мы будем напрямую апеллировать к москвичам, и при малейшем сопротивлении, при малейшей попытке саботировать наши решения будем называть фамилии, имена, решения, устраивать очные встречи с чиновниками в кабинетах и приглашать телевидение,— думаю, что таким образом можно будет сломить саботаж. А если не поможет, прибегнем к таким формам воздействия, как митинг.

— Значит, все-таки возможно блокирование решений нового Моссовета? Вы даже сказали о забастовках. Какие-то силы стоят за этим и жаждут дать урок населению: не связывайтесь, мол, впредь с демократами. Как вы относитесь к подобной опасности — трясине исполнения, способной потопить все ваши замыслы? Пройдет год — никаких ухоженных дорог, никакого дополнительного жилья для москвичей, никаких свобод для граждан, а все те же унылые и небезопасные улицы

с пустыми витринами магазинов. Вы готовы к такому повороту событий?

— Готовы. Понятно, я не хотел бы подробно вдаваться в эту тему, раскрывать тактику нашей борьбы с возможным саботажем, но об одном универсальном средстве скажу. Мы будем предельно гласно делать все наши шаги. Вот проблема, вот предлагаемый нами вариант решения. Публикуем. Возражения принимаем со всех сторон. А затем рассказываем, как идея реализуется и кто ее противники.

— Какая же печать будет об этом сообщать?

— С нами сотрудничают, кроме вашего журнала, «Московские новости», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец». Возможности есть. Кроме того, рассчитываем на «Вечернюю Москву», ведем соответствующие переговоры. Надеемся на поддержку московского телевидения, одновременно будем развивать альтернативное московское телевидение на собственной базе. И альтернативное радио. Думаю, в ближайшее время появится радиостанция, вещающая на Москву и область.

— Сейчас возникает много новых политических течений: партии, массовые структуры... Что вам более симпатично?

— Я член КПСС с 1987 года — так называемая горбачевская волна, которая, правда, быстро спала.

— Какими вам видятся перспективы КПСС?

— Сложный вопрос. Для меня очевидно, что, если ближайший съезд не примет радикальных решений по самообновлению партии, произойдет раскол, он почти неизбежен. Можно сказать, неизбежен, потому что, судя по тому, как формируется съезд, судя по тем документам, которые уже опубликованы, он вряд ли способен на перемены. И тогда партию покинет наиболее радикальное реформистское крыло. Может быть, покинет и крайне консервативное крыло.

У нас нет еще возможностей для формирования устойчивых политических движений, у нас типичная популистская атмосфера, импульсивная, с характерной чертой своеобразных крестовых походов протеста. Нет правовой базы для формирования политических партий. Нет достаточно не зависимых от государства средств массовой информации, что совершенно необходимо для консолидации тех или иных политических движений. Нет сколько-нибудь серьезной, не зависимой от государства экономической деятельности — важной базы для независимой политической активности. До тех пор, пока всего этого нет, любые массовые общественные движения носят преимущественно протестный, импульсивный и не очень организованный характер. При отсутствии к тому же (это уже стало банальностью) массовой политической культуры, опыта политических действий и т. д. Поэтому я пока сторонник типично прагматических действий и готов поддержать любую демократическую активность в форме партии, массового движения — как угодно, лишь бы шло на пользу делу. И для себя я вижу цель в организации прагматических шагов по установлению Советской власти. Это сейчас важнее.

— В ваших словах чувствуется жажда практической работы.

— Это общее настроение. Пожалуй, это главное отличие между новым составом Моссовета и прежним. И многие чиновники из аппарата исполкома знали, что нужно делать. И даже умели. И не делали, не потому, что было невозможно что-либо сделать, а потому, что им было безразлично. Гораздо интереснее было заниматься собственными проблемами.

У новых людей чуточку меньше знаний и умения, но им не все равно. Они преданы идее перемен в жизни города. И это будет иметь решающее значение.

Беседу вел
Владимир ГЛОТОВ.

ДИСКУССИЯ ИЛИ ОХОТА НА ВЕДЬМ?

В условиях гласности, демократии и свободы мнений у нас стало нормальным существование широкого спектра политических взглядов и позиций.

Из Открытого письма
Центрального Комитета КПСС
коммунистам страны

Сегодня жизнь общества полемична больше, чем когда-либо прежде. Пронизана дискуссионностью (часто, впрочем, опасливо прячущейся) и жизнь партии. Наша возрождающаяся из пепла полемика, едва заявив о себе, сама уже подвергается полемическим набегам, но, будем надеяться, не уступит своих прав. Она не убоится окриков «Надо дело делать, а вы разводите дебаты», окриков, способных легко обернуться приказами: «Делай, не рассуждая!». Не убоится и рьяных борцов за «культуру дискуссий», круто сворачивающих на борьбу против самих дискуссий и людей, в них участвующих.

Дискуссии как метод работы с трудом пробиваются в наш партийный обиход. Мы, коммунисты, отвыкнув от полемики, словно утратили часть своего существа. У нас атрофировались качества, очень важные в политическом общении. Вступить в открытый, не сулящий легких побед спор на равных, убедить, возразить по-человечески. Где эти навыки? Зато мы имеем много мастеров давать отпор. Наш старый, привычный, декларативный отпор, в том числе своему же брату — аппаратчику.

Вспоминаю прошлогоднюю историю со статьей В. Легостаева в «Правде» об интеллектуальном достоинстве партии. Он, как водится, тут же получил отповедь в той же «Правде». Чтобы, как говорится, не высовывался. Первый заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС А. Дегтярев и его соавтор Д. Пискунов повели разговор с ним в духе дознания: чего добивается?, «для какой цели?», «тщательно обходит», «избегает называть причины», «попытка возродить» и т. п. На том и задохнулась полемика.

Нелегко вовлечь партийных работников в товарищескую полемику, пока не очистим ее от устоявшегося набора запугивающих ярлыков: «куда клонит?», «под видом», «рядится в одежды», «в погоне за популярностью», «с чьей подачи?», «на чью мельницу?». Как глубоко сидит в нас эта привычка к розыску тайных пружин, скрытых мотивов критики, эта манера заезжать в чужую душу и усердно копаться в ней, как при обыске. Забываем, что разбору подлежат аргументы, конкретные ошибки, а не тайные побуждения и неугодные черты характера. Истина остается истиной, даже если ее провозглашают и нечестивые уста. Подмен доводов интуитивными догадками насчет того, что делается в глубине сердца тех, кем мы недовольны,— прием, не украшающий никого. Такая полемика означает, что на место настоящего противника с его подлинными высказываниями водружается безобразный монстр и тупица, после чего ему и наносятся нокаутирующие удары в уверенности заслужить одобрение «начальства». Из такой полемики видно только о ком, но не о чем речь.

Не уберег себя от подобных приемов и работник аппарата ЦК КПСС А. Глуховцев в своей статье «Давайте разберемся» («Правда» от 6 апреля), в которой он «гвоздит», пользуясь его выражением, сотрудника того же аппарата Г. Хаценкова. Жаль, однако, что сторонник «цивилизованной дискуссии» А. Глуховцев, увлекшись разоблачениями, мало чего сказал по существу спора, в частности и об Уставе.

Посмотрим, в связи с нашей темой, что говорится в ныне действующем Уставе КПСС о дискуссиях. Записано, что в рамках (любимое у нас словечко) — «в рамках отдельных организаций или в партии в целом возможны дискуссии». Общепартийная дискуссия проводится «по инициативе ЦК КПСС, если он признает необходимым», или «по предложению нескольких партийных организаций республиканского, краевого, областного масштаба». А что должно быть до того? Выжидательное молчание? Перешептывание по углам?

От этих, по видимости, демократических норм разит запретительным духом, словно речь о чем-то крамольном, о чем-то вроде введения чрезвычайного положения. Это отрыжка сталинистского недоверия к партии, подозрительного отношения к активности, самостоятельному суждению партийных масс. Вот так и назначались, с иронией замечает Василий Гроссман в повести «Все течет», участники свободных дискуссий, если почему-либо нужны были свободные дискуссии, заранее составлялись и согласовывались речи участников этих свободных дискуссий.

Изменение в проекте нового Устава, отменно длинном, нравоучительном и чинном, не поражает воображение. В нем опять читаем, что «в рамках отдельных организаций, КПСС в целом могут проводиться дискуссии». Составители проекта, похоже, не распахивали окна на улицу. Иначе они не стали бы вписывать в Устав запоздалые трюизмы. Дискуссии, многотысячные митинги вызываются сложностями перестройки, ее противоречиями и коллизиями, но никак не параграфами инструкций.

А разве не такая же банальность — декларации о праве критиковать, избирать и быть избранными и другие прописи? Общеизвестные истины мы поднимаем на степень кем-то ниспосланного блага. И чем больше будет в Уставе таких вот разрешительных норм (не говоря о массе запретительных), тем нагляднее выкажется в нем старая болезнь заорганизованности.

Проект Устава отягощен стремлением расписать все до точки, возвести в догмат, все оговорить с идеальной полнотой. Но не тот ли это «идеал», о котором писал Г. В. Плеханов, признавая глубоко верной мысль, что «консерватизм всякой организации прямо пропорционален ее совершенству»? Оставим же внутрипартийную демократию хоть отчасти «несовершенной». Оставим открытой для обогащения опытом жизни, самостоятельным творчеством партийных организаций, действующих в неодинаковых условиях. Устав, застегнутый на все пуговицы, диссонировал бы с резкими переменами всей обстановки в партии, богатством и разнообразием идей и подходов, размороженной инициативой коммунистов.

И будем действительно свободно обсуждать и спорить, без навешивания друг на друга бирок. Обсуждения, гласные споры и дискуссии — естественная человеческая потребность. Споры велись и ведутся везде, где только живут люди. Простое рассуждение двоих об одном предмете есть уже спор. Право размышлять и судить не отпускается, как сахар, по талонам.

У нас и слова «дискуссионный клуб» охранители монолитного единства превратили в вечное пугало. И это в партии, которая складывалась, развивалась в борьбе идей. В партии, основатель которой был ярым полемистом, горячо убежден в пользе товарищеской полемики. И самому ему возражали совершенно свободно.

Боялись же и боятся полемики всегда те, кто спокойно чувствует себя под охраной догм, выдаваемых за принципы. Кто в критике замшелых представлений видит чуть ли не подрыв основ, крах идеалов, отречение от «знамени». Полемика бьет по их уверенности в монопольном владении верховной истиной, нарушает их идеологический комфорт, развенчивает дутые авторитеты. Они хотели бы загнать разногласия и разномыслия под прежнюю крышу парадного единодушия, смирить «вольницу суждений» и привести ее к дисциплинированному единообразию, застращивают крайностями полемики.

Открытая полемика между товарищами необходима и желательна, по Ленину, как раз «для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают представители различных взглядов», если держать заведомо расходящиеся мнения под спудом. Важно, чтобы разные точки зрения были свободно и откровенно выражены, иначе мы получим лишь показную «консолидацию», мнимое единство, которым в избытке насладились в давние и недавние годы.

Размежевание со взглядами, обращенными вспять,— не синоним враждебности к людям. В наших дискуссиях могут быть противники, но не должно быть врагов. Пусть всегда жертвами в спорах и будут только сами плохие идеи.

Н. ПРОШУНИН,
консультант Отдела
национальных отношений
ЦК КПСС

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Фото Николая ЗАБОТИНА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Повесть В. В. Иванова на тему гражданской войны. 8. Математическая запись задачи о разыскании значения двух функций. 10. Стихотворение В. В. Маяковского. 11. Башня для наблюдения над зданием пожарной части. 13. Грузинский советский писатель. 18. Решительное действие, отражающее нападение. 20. Кусковой сахар. 21. Приспособление на металлорежущем станке. 22. Латышский композитор и музыкальный критик. 23. Ветер на западном побережье Байкала. 25. Выдающийся, общепризнанный деятель науки, искусства, литературы. 26. Прибор для регулирования силы и напряжения тока. 28. Промысловая дальневосточная рыба. 29. Сельскохозяйственная уборочная машина. 32. Участок в лесном хозяйстве. 34. Город на Камчатке. 35. Советский скульптор, участница революции 1905—1907 годов. 36. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Безопасный в навигацию проход по водному пространству. 2. Один из героев романа Н. А. Островского «Рожденные бурей». 3. Декоративное растение, выращиваемое в теплицах и комнатах. 4. Река на севере Западной Сибири. 5. Народный художник СССР, автор картины «Декрет о мире». 6. Участница Октябрьской революции, одна из организаторов Союза рабочей молодежи «III Интернационал». 9. Человек маленького роста. 12. Русский революционер-демократ XIX века. 14. Юноша в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». 15. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. 16. Большевистская нелегальная газета под редакцией В. И. Ленина. 17. Французский композитор, автор классических оперетт. 19. Прохладный, чистый воздух. 24. Правдивое, объективное отображение действительности. 25. Советский химик-органик, лауреат Ленинской премии. 27. Советский агроном и почвовед, академик. 30. Общественная деятельница Австралии, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 31. Город в Черниговской области. 32. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 33. Способ беспроволочной передачи информации на расстояние.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. «Мороз». 4. Загорский. 8. Автоматизация. 11. Цинк. 13. Пирс. 14. Механик. 16. Старшинов. 17. Коробочка. 18. Рефлектор. 20. Конкреция. 21. Комитас. 22. Скат. 23. Слух. 24. Диалектология. 25. Кинология. 27. Кулан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Трир. 2. Магомаев. 3. Заказник. 5. Квалификация. 6. Гидролокация. 7. Викторенко. 9. Тракторист. 10. Арккосинус. 12. Карболит. 13. «Прогресс». 14. Моздок. 15. «Космос». 19. Рожечник. 20. Карлыган. 26. Лель.

40 коп.
Индекс 70663